И.И. ГАПАНОВИЧ.

РОССИЯ
в
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

ЧАСТЬ II

Богатства Севера,
их эксплоатация и возможности

Пекин
1934

РОССИЯ

В

СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

RUSSIA IN

NORTH-EASTERN ASIA

BY

J.J. GAPANOVICH

VOL. II

Northern resources,

their exploitation and development

Peiping

1934

И.И. ГАПАНОВИЧ

РОССИЯ
в
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

ЧАСТЬ II

Богатства Севера,
их эксплоатация и возможности

Пекин
1934

Печатано Типографией
Пекинской Русской Миссии,

Предисловие к второй части

Колонизация крайнего северо-востока Азии русским элементом, как показывает история этой окраины и состав ее населения, не оказалась достаточно успешной, а попытки обратить ее в земледельческую страну не удались вовсе; северо-восток был и остался колонией эксплоатационной.

В этой части своей книги автор и хочет показать, что и как из местных богатств здесь использовано: какие тут существуют промыслы, туземные и капиталистические, (пушной, рыбный, горный и некоторые другие второстепенного значения), каково их современное положение и возможное развитие в будущем, каково их сравнительное значение. Так как состояние путей сообщения очень важно для экономического развития страны, а на северо-востоке они, сверх того, отличаются весьма своеобразным характером (малодоступные моря), изучение здешних промыслов должно быть пополнено описанием северных морей, рек и самой тундры, как путей сообщения. После этого можно будет ответить на вопрос, в чем же лежит залог будущего благополучия этой окраины; видимо, в горном промысле, в частонсти, в добыче золота. Пушной промысел отжил свой век, рыбный истощается на наших глазах, тогда как перед горным открываются широкие перспективы. Опыт соседей при этом тоже полезно принять во внимание: здесь имеется в виду американская Аляска, в прошлом российская территория, даже связанная с азиатским северо-востоком в административно-хозяйственном отношении.

Закончивая свою книгу, автор может с удовольствием вспомнить суровую, но прекрасную страну, куда он попал неожиданно и невольно и где он незаметно провел несколько лет.

Tsing Hua, Peiping. И. Г.

Contents

Оглавление

Глава I. Охота и оленеводство.

Глава II. Рыбопромышленость.

Глава. III. Горный промысел.

Глава IV. Командорские о-ва и промышленное звероводство.

Глава V. Подсобные промыслы.

Глава VI. Пути сообщения и средства связи.

Глава VII. Аляска в отношении к русскому северу.

Глава VIII. Колониальная система на севере.

Глава I.

Охота и оленеводство.

I.

Охотничий промысел на северо-востоке Азии существует в трех видах: как промысел на пушного взеря (сушевая охота), как промысел на ластоногих и отчасти китообразных (морской промысел), как промысел на копытного зверя, главнейшим образом на оленя; так как олень разводится еще домашним способом и разведение это по приемам и результатам далеко от сколько-нибудь правильного скотоводства, то в связи с промыслом копытных животных может быть рассмотрено и оленеводство.

Северо-восток богат пушным зверем и в количественном и в качественном отношении: здесь собирается наиболее ценная часть пушной добычи Д. В., здесь же добываются наиболее редкие экземпляры ее: белый медведь, черная лисица, морской бобр, голубой песец, морской котик, (три последних зверя на Командорских о-вах, представляющих особое промысловое хозяйство). Нет нужды упоминать об известнейшей породе соболя, камчатском соболе

Из других пушных зверей тут промышляются медведь бурый, лисица красная и желтая, лисица крестовка и сиводушка, белый песец, выдра, росомаха (мало), белка, горностай, заяц; встречается, но не промышляется волк, являясь объектом религиозного почитания.

Белый медведь, голубой песец, черная лисица придают славу камчатскому пушному царству; но они добываются и в небольшом количестве и в ограниченных районах, поэтому не от них камчатская пушнина получает свое экономическое значение, а от соболя, здешнего главного промыслового зверя.

Этот соболь отличается мягким, длинным мехом темного цвета. В условной таблице, которая определяет ценность соболей Д. В., исходя из ценности баргузинского соболя, как 100%, за камчатским соболем признаются 60%, с той однако существенной поправкой, что баргузинский соболь в виду его редкости имеет больше зоологическое, чем промысловое значение.*)

---

*) С. П. Шликевич. *К вопросу об охотничьем промысле на Д. В. Труды Амурской экспедиции, XII.* Благовещенск, 1911.

Остальной пушной зверь Камчатки также весьма ценится рынком: медведь за его большую пушистую шкуру, лисица за чистоту и блеск шерсти (огневка), за красоту оттенка (сиводушка), выдра за крепость ости, даже скромная белка отличается черной „выходной" окраской.

Северо-восток распадается на насколько промысловых территорий, которым свойственны те, а не другие группы зверей. На Камчатском пол. распространены все пушные звери, исключая обитателей крайнего севера, белого медведя и таковой же песца, а также белки, чисто материкового зверька Чукотско-Анадырский край отличается специально северной фауной и лишен медведя, лисицы, белки. Гижигинско-Охотское побережье характеризуется материковой фауной, которая представлена особенно белкой в противовес собственно камчатскому соболю, здесь мало распространенному.

Некоторые места известны, как особо промысловые районы, в частности, как соболиные; таковы Тигильский и Укинский на севере Камчатского пол., Камчатский и Петропавловский южней их. Западно-Камчатский берег изобилует лисицей, мощные реки, как Большая, Камчатка, Охота, медведем, Гижигинский район белкой, Карагинский остр. черной лисицей. Мнение об исключительных богатствах о. Врангеля, изобилующего будто бы белым медведем, подлежит еще проверке.

В эксплоатационном отношении эти районы интересны не только сейчас: надо учитывать их ценность и для будущего. С такой точки зрения любопытно, отличаются ли эти места какими-нибудь географическими особенностями, которые надолго обезпечивают за ними значение звероловных районов. Действительно, территория соболя здесь совпадает с недоступными хребтами, заросшими непроходимым кедровником—естественное обиталище соболя; лисицы плодятся на Западном берегу, потому что имеют здесь, в районе еще не истощенного рыболовства, больше корма; та же причина заставляет медведя держаться около больших рек, так как на малых реках он уже не может конкуррировать с человеком. Белка остановилась на рубеже Гижиги, потому что восточней ее простирается моховая тундра Парапольского дола, где белке нечем питаться. Сы-

рость и туманы Командорских островов, где размножаются голубые песцы, представляют благоприятные условия для появления своеобразной окраски этого животного.

Но можно ли сказать, что названные условия естественной среды будут действовать постоянно? Хотя и медленно, но и они изменяются во времени, а стало быть, и пушные возможности не могут связываться с одним каким-нибудь местом.

II.

Прошлое пушного промысла показывает, что не только изменяется со временем качество меха, при том в худшую сторону, но даже исчезают целые породы зверя, очевидно, сохранявшиеся благодаря каким-то особо благоприятным условиям. По словам старейшего сибирского историка Миллера, на северо-востоке Сибири в XVII - XVIII в. попадались соболя белые (но не светлые), лисицы чисто черные и белые (но не песцы), зайцы черные.*)

Очевидно, это и тогда было редкостью; однако исчезновение подобного зверя показывает изменчивость местного пушного царства, но не влияет на судьбу промысла. Иное дело—количественное изменение пушной добычи в связи с уменьшением промыслового зверя.

Падение пушного промысла—общая фраза, находящая даже принципиальное обоснование в словах американского зоолога Хорнадея, что никакой род дикого зверя не выдерживает человеческой эксплоатации, не подвергаясь конечному истреблению. Когда рассуждают об естественных рессурсах какой-нибудь страны, важна однако не подобная общая предпосылка, а конкретно данное уменьшение промысла; имеет ли место такое явление на северо-востоке, посмотрим.

Прямых материалов для такого вывода нет не только по отношению к прошлому, но даже настоящему; но неблагоприятные косвенные данные имеются.

Казаки при завоевании северной окрайны тут нашли такое изобилие пушнины, что она в глазах туземцев не стоила даже того, чтобы стать предметом мены и потреб-

*) Словцов, *Историческое обозрение Сибири*, кн. 1, Тобольск, 1837, стр. 98.

лялась на разные нужды в личном хозяйстве, начиная от собольих шапок камчадалов и кончая тунгусскими лыжами, подбитыми чернобуркой. Казаки, естественно, не отставали от туземцев, щеголяя, как и жены их, в платьях из соболей и чернобурок.

Пушная торговля развилась необычайно; напр. на Средне-Колымской ярмарке выменивалось до 32.000 соболей, а сюда, несомненно, поступали больше камчатские соболя.*)

Такое количество пушнины в то время (XVII - XVIII в.), действительно, могло поступать в государеву казну, если принять во внимание, что одних камчадалов тогда было до 10.000 ч., а каждый объясаченный туземец платил соболей: 5 (холостой) - 7 (женатый). Прибавим к этому воеводские „поминки", увеличивавшие ясак чуть не вдвое в личную пользу его взимавших, и предположим, что туземец, вероятно, несмотря на всю алчность ясачных сборщиков, не ограблялся начисто; 50.000 соболей окажется наименьшей цыфрой, в которой выражалась добыча тогдашней Камчатки.

Подобная эксплоатация пушных рессурсов оказалась чрезмерной, так как немногим более, через столетие после прихода русских, на Камчатке, как и на всем северо-востоке, обнаружился кризис пушного промысла.**)

К 20-м годам прошлого столетия уже можно было сказать словами Крашенинникова: „не токмо там (в за-Ленском крае), но и в других местах, где есть российские поселения, нет никакого промысла."

К нашему веку пушной промысел как будто стабилизировался на цыфре около 4000 соболей. Пушная добыча была несколько больше в дореволюционное время (может быть, до 5000) и стала несколько меньше в ближайшее время.

Для одного соболиного района, правда, главного (Ука), сделана попытка проследить падение промысла в ряде последних лет; оно оказалось прямо катастрофическим: добыча уменьшилась в несколько раз.***)

---

*) Словцов, цит. соч. стр. 169.
**) Фирсов. *Чтения по истории Сибири.* Вып. II, Москва, 1921, стр. 26.
***) Целищев. Камчатка. Чита, 1923.

Делать отсюда какой-нибудь вывод об уменьшении зверя однако нельзя: эти годы совпали с гражданской войной на Камчатке, жители тогда охотились мало, и количество пушного зверя, в противоположность добыче, могло возрасти. Но, конечно, это было ненадолго.

В общем, зверь истреблялся в большом количестве и неэкономно. Сначала изобилие зверя позволяло охотиться за ним самыми простыми средствами, конечный эффект, получение возможно большей добычи, зависело только от энергии охотника. Когда в пушном промысле обнаружился кризис, туземцы перешли к более совершенным средствам, от стрелы к пуле: любопытно, что к этому они побуждались не только собственной инициативой, но и внушениями администрации, поучавшей их устно и письменно о пользе огнестрельного оружия. Это было в середине прошлого века; поэтому ошибочно предположение, что период наиболее сильного истребления зверя падает на наше столетие. То совершенное оружие американского изготовления, которое туземцы получили теперь, досталось им слишком поздно, когда промысел и без того склонился к упадку. Независимо от того, охотился ли туземец луком и стрелой или ружьем и пулей, всякого рода старинные ловушки, легкие и простые, применялись всегда.

III.

Охота на каждого зверя требует своих приемов, приблизительно одинаковых на всем северо-востоке; это совершенно справедливо относительно таких зверей, как выдра, белка, колонок, горностай. Но охота на более крупного зверя или на зверя, характерного для Камчатки, как соболь, имеет особенности, свойственные только этой стране и ее населению. Можно различать охоту на соболя, лисицу, медведя (бурого); своеобразна также охота на песца и белого медведя.

Соболиная шкурка слишком мала и ценна, чтобы ее можно было портить зря пулей; старинная стрела—лучшее на него оружие, но оно сейчас повывелось, как уменьшилось среди населения и искусство стрельбы (вопреки распространенному мнению, надо отметить, что если кам-

чатский житель—искусный и неутомимый охотник, то это не значит, что он превосходный стрелок).

Сетка дает возможность поймать соболя, собака—„гонять“ его. Охотник живет несколько месяцев в лесу, гоняется за соболем днями и даже неделями, до изнеможения бегает на лыжах, с трудом пробираясь сквозь чащу кедровника, пока нюх собаки не приведет его к норе или дуплу, где спрятался преследуемый зверек. Его убежище опутывается сеткой, и охотник начинает тревожить соболя шумом, дымом и пр. Соболь бросается к выходу из сетки и попадает или под пулю охотника или в лапы собаки, которая его душит. При той трудности, которой отличается охота на соболя сейчас, когда его мало, совершенно неосновательны традиционные рассуждения, что много соболя гибнет в ловушках: сейчас не соболь идет на охотника, а охотник за соболем: терпение, физическая выносливость, знание места, вот что решает дело, а не „фарт.“*)

Упомянутые рассуждения более приложимы к лисьему промыслу, который ведется преимущественно капканами: их ставится много, и попадающийся зверь иногда погибает от раны, иногда заносится пургой. От охотника такой промысел не требует ни особого труда, ни какого-нибудь искусства; достаточно изредка посмотреть капканы.

Но есть еще другой способ охоты, при котором труд охотника сводится к минимуму: это выкапывание лисицы. Охотники отправляются в какое-нибудь место, известное обилием зверя, для чего далеко ходить не приходится, так как лисица живет подле самых селений; находят нору лисицы и начинают ее копать; когда лисица выскакивает из норы, ее хватают за горло и бросают собакам, если, они есть, а если нет, ей тут же ломают ноги.

Иногда бывает „набег“ лисиц: охваченные какой-то болезнью, они покидают свои норы, бегут в селения, мчатся на людей; тогда их можно ловить чуть не дома и бить чем попало. Такую добычу нельзя назвать промышленной, она случайна; но она любопытна в другом отношении, давая, возможно, картину человека и зверя рядом в более отдаленный период северной жизни.

*) Ср. В. К. Арсеньев. *Дорогой хищник. Охота за соболем.* Владивосток, 1925.

Между большим зверем и человеком угодья и поныне остаются неразграниченными; так медведь, не тревожимый никем и сам никого не смущая, приходит к речке и тут же рядом с туземцами делает то же, что они: ловит рыбу. Охота на медведя не требует дальних поездок, для нее нужно только искусство стрелка и еще больше смелость, так как камчадал, не будучи уверен в своей меткости, предпочитает стрелять в зверя чуть не в упор.

На малых речках все - таки приходится искать медведя; на больших реках охота превращается в забаву, что, конечно, не уменьшает ее опасности. Охотники отправляются ночью на „ бату“ и, плывя по реке, подбивают встречающихся медведей; за ночь их убивают несколько штук.

Охотники пользуются при всех типах охоты огнестрельным оружием, количество которого тут за последние годы заметно увелчилиось. Раньше, т. е. в начале нашего столетия, хорошая берданка составляла предмет вожделения многих охотников; теперь они обзавелись многозарядными винчестерами, пули которых бьют метко и сильно. Недостаток оружия вызывается больше тем, что хитрые американские торговцы постоянно меняют калибры оружия и размеры патронов; у охотника, скажем, есть винчестер 30 х 30, но не оказывается к нему патронов и т. под.

Можно признать, что северо - восточное население достаточно снабжено огнестрельным оружием для более или менее скорого истребления зверя. Несомненно, что оно, население, находится в этом смысле в лучших условиях, чем его ближайшие соседи по материку, хотя бы тунгусы Охотского побережья. Стоит ли говорить поэтому о вредном для промысла значении самоловных аппаратов, разных плашек, кулемок, стрелок, которые по прежнему применяются при охоте на мелкого зверя?

Гораздо опасней, что самой местной психологии не свойственно сознание необходимости вести промысел экономно, заглядывая в будущее. Всякие запреты, ограничение промысла временем и местом, тут соблюдаются очень неохотно, либо нарушаются вовсе. Конечно, камчадал не охотится круглый год, потому что это физически невозможно: но охотится, пока можно ездить на собаках. Тради-

ционный срок соболиной охоты, декабрь - февраль, в случае неудачного промысла, т. е. когда соблюдение сроков имеет наибольшее значение, по соглашению охотников оттягивается дальше. Столь же тщетно оказалось установление заповедников в местах размножения соболя, в Асачинском и Кроноцком районах. Первый уже давно уничтожен начисто, а во втором жители охотились до самого последнего времени. Местные губернаторы оказались перед этим злом также бессильны, как областные съезды. Пафос представителей населения, направленный против „хищников," т. е. против самих себя, был и неискренен и безплоден: о мерах охраны зверя стали говорить, когда он был выбит.

При такой психологии охотничьего населения понятно, что какие-нибудь длительные меры, требующие от него известных жертв, здесь совершенно не удавались. Общий запуск на соболя в 1913-1916 г. был распространен и на Камчатку; результат получился один: так как соболь продавался тайно, то цена на него небывало упала, били же его в это время не меньше, чем обыкновенно.

Удивительно, что сюда не проник стрихнин и что население настроено против его потребления для охоты. Сознание, что использование этой отравы в лисьем промысле не остановилось бы на этом последнем и подпилило бы сук, на котором сидит туземный охотник, очевидно, было достаточно ярко; а расчитывать на осторожность своих русских товарищей туземцы не могли.

IV.

Большая вообще разница между типами туземного и русского охотника, Для первого промысел—привычное занятие, помогающее ему прокормить семью; жажда наживы привела на север второго и заставила его заняться несвойственным ему делом. Туземец живет и умирает в этой стране, русский может здесь жить долго, но всегда смотрит на свое пребывание, как на временное. Поэтому русский охотник заинтересован гораздо сильней, чем туземный, в наибольшей добыче; если туземец не слишком заглядывает в будущее промысла, то у русского охотника таких сомнений не возникает вовсе. Русский охотник вооружен совершенней, чем туземец, более крепок и настойчив, и не

удивительно, что в конце концов именно он оказывается лучшим охотником. Выдающиеся соболятники—не тунгусы или коряки, а метизированные русские Петропавловска или чистые русские с Уки.

Камчадал обычно охотится со своими родственниками или во всяком случае „спаривается" с товарищем, уходить в лес один он боится. Русскому бояться некого, а брать кого-нибудь с собой не хочется: жаль делить добычу. В противность камчадалу, главе семьи, который ходит на охоту, пока его не заменит подросший сын, русский отправляется на промысел один или с братьями; он большей частью холост и охотится, пока не умрет, что, кстати сказать, вследствие пьянства и тяжелой жизни наступает рано. Семейный и особенно многосемейный охотник из русских—некоторая редкость.

Между охотниками из туземцев также сказываются некоторые различия. Кочующий коряк больше оленевод, чем охотник, а береговой чукча лучший охотник на море, чем на суше. Камчадалы и тунгусы, вот главные и лучшие охотники. Трудно сказать, кому из них отдать преимущество: пожалуй, вторым, хотя первые, благодаря условиям местности, добывают больше зверя; зато тунгус - охотник по душе, не могущий жить вне тайги, он охотится не только прибытка ради, но и для игры. При том охота—его единственная опора в жизни, так как рыболов он неважный.

Итак, русский охотник предпочитает индивидуальный промысел, туземный охотится группами, но все же слишком небольшими для того, чтобы коллективное начало в пушном промысле могло получить более широкое значение.

Достоинство охотника определяется его способностью и удачей в соболиной охоте. Времена богатого промысла миновали, и укинский охотник, добывающий около 10 соболей (здесь была семья, добывавшая до 40 соболей)—исключение, подчеркивающее невысокую добычу среднего промысла. Хороший охотник добывает 5 - 6 соболей, средний 2 - 3, плохой одного, или неудачно бродит всю зиму.

Что касается пушного промысла вообще, то добыча отдельного охотника, расцениваемого по его достоинству, выражается такой схемой.

Звери	Хороший. охот.	Средний. охот.	Плохой охот.
Лисица	10 — 12	4 — 6	2
Песец	12 — 15	8 — 10	5
Медведь		2 — 4	
Выдра		1 — 2	
Белка	200—300	100 —150	50

Надо, конечно, не забывать, что не каждому охотнику достается такая добыча целиком; ее состав варьируется по районам, в зависимости от фауны им свойственной (эти районы охарактеризованы выше). Кроме того, охотник за соболем добывает и другого зверя, как и всякий охотник мечтает, что он поймает соболя. Тем не менее, отличный охотник по преимуществу будет соболятником, а совсем плохой ограничивается добычей прочего зверя, указанного в схеме.

Добытая пушнина не подвергается никакой обработке, кроме выправки и сушки; скорняжное ремесло туземцам неизвестно, чем, разумеется, ценность пушнины понижается. Камчатская пушнина обрабатывается за границей, получающей на этом значительную прибыль.

V.

Скупка пушнины производилась до последнего времени частными торговцами, т. наз. приказчиками, сбывавшими ее в свою очередь приезжим американцам; сейчас скупка ведется государственными предприятиями при участии тех же американцев.

Характер торговии с туземцами достаточно известен, ее злоупотребления порой анекдотичны. Не останавливаясь на этом, следует только отметить неблагоприятные отличия торговли среди северо - восточных туземцев, в особенности беззащитных: 1) громадность расстояний, при отсутствии телеграфа и даже почты, ведет к тому, что сведения о ценах пушного рынка совершенно не проникают в тундру; 2) страх перед русскими из любого торгующего делает лицо как бы официальное, с которым спорить не приходится: самое слово „приказчик" есть старинное название местного администратора; 3) туземцы поголовно неграмотны и

даже не умеют правильно считать, почему для обсчета, обмера, обвеса тут открывается широкое поле; 4) ввоз алкоголя сюда до последнего времени был запрещен, в результате чего за „банчок“ спирта можно было выменять не только лисицу, но при удаче и соболя.

Нельзя сказать, чтобы эти свойства местной торговли сгладились сейчас; кое-что из них по традиции проникло и в государственную торговлю.*) По прежнему туземец держится в неведении относительно действительных пушных цен; пушные торговцы казенного типа напускают на себя еще больше официальности, чем это мог сделать частный торгующий; а эти последние, перейдя на казенную службу, часто не забывают в новой роли о своей личной прибыли, и контролировать их трудно. Свободная продажа крепких напитков, при том производимая помимо общей торговли, „Госспиртом“, можно сказать без ложного лицемерия,—все таки лучше, чем спаивать туземца втридорога и тайком. Торгующие прежнего времени, как и следовало ожидать при промысле, подходившем к упадку, принадлежали к предпринимателям, сидевшим разбросанно по разным селениям или даже стойбищами: капитал такого торгующего исчилялся в несколько тысяч рублей, редко доходя до десятка тысяч, зато часто спускаясь до нескольких сот рублей. Фирмы среднего масштаба были исключением: такими были Машихины в Петропавловске, Демби в Усть Камчатске, Караевы на Чукотке, Бушуевы в Охотске. В Петропавловске имела отделение старая фирма, т. д. Чурин.

Средняя и особенно мелкая торговля зависела от снабжавших ее американцев, ежегодно посещавших русский север на своих шхунах; на Чукотке их было много, и они (шхуны) принадлежали мелким хозяевам, среди которых трудно было различить северного торговца, более или менее добросовестного, от северного хищника, ни перед чем не останавливающегося. На Камчатке, где надзор властей был сильный, работали крупные фирмы, присылавшие приспособленные к северному плаванью шхуны или пароходы, наполненные богатым набором хороших товаров. Долгое

---

*) О приемах скупки соболей мелкими торговцами, характерных для северо-востока вообще, рассказывает В. К. Арсеньев. *За соболями. Скупка пушнины на Д. В.* Владивосток, 1925.

время такими предпринимателями были американцы Гиббард, Свенсон и Ко, а в последние годы революции их попыталась сменить канадская Компания Гудзонова залива (Hudson Bay Co). Последняя фирма из - за дороговизны товаров и жесткого кредита не снискала симпатий населения. Эти фирмы работали с оборотом в сотни тыс. дол.

Государственная торговля, в широком смысле слова, существовала здесь и до установления советской системы, в самых разных формах, начиная от маленьких казенных складов, где, в случае недостатка у населения, продавали порох и соль, и кончая обширной организацией, пытавшейся охватить всю страну (продовольственное управление). Эта торговля строилась то на чисто бюрократических, то на мнимо кооперативных началах, при некотором участии населения в казенной организации.

С 1923 г. на северо - востоке стала действовать советская система государственной торговли, сначала через Охотско - Камчатское акц. рыбопром. о - во (Окаро), а позже через „Дальгосторг,"—организации, работавшие на коммерческих принципах.

При государственной торговле товарообмен с населением шел в таком же направлении, как прежде: пушнина собиралась через казенные склады (фактории, как их торжественно называют), разбросанные в местах, где прежде сидели частные скупщики. Сеть этих пунктов весьма полно охватила промысловую территорию, проникнув даже на побережье Северного океана, и в значительной степени гарантировала государство от утечки пушнины через частные руки на сторону.

Главными пунктами скупки являются следующие населенные места. Полуостров Камчатка: на Восточном берегу Петропавловск, Мильково, Ключи, Усть - Камчатск, Ука, Карага, Кичига; на Западном берегу Голыгино, Большерецк, Соболево, Облуковино, Хайрюзово, Тигиль, Паллана, Лесная.

Охотское побережье: Охотск, Ола, Тауйск, Ямск, Наяхан.

Гижигинский районы: Гижига, Пенжино, Каменка, Марково.

Чукотско - Анадырское побережье: Анадырь, б. Провидения, м. Дежнев, м. Сердце - камень.

И в другом отношении новая пушная торговля пошла по проторенному пути: она оказалась вынужденной работать при участии англо - американского капитала в лице фирм, названных выше. Несколько лет прошло в поисках формы сотрудничества: то государство возлагало снабжение населения и скупку пушнины на концессионера, выговорив себе процентное отчисление с собранной пушнины, такой порядок существовал в первое время советской власти; в дальнейшем государство взяло торговлю в свои руки, ограничив роль иностранного контрагента содействием по заготовке необходимых товаров, которую приходилось делать в Америке.*)

Итак, государственная торговля в пушном деле на северо - востоке не отлила своей деятельности в устойчивую форму, как в смысле организации торговли, так и ее финансирования. Этот основной недостаток должен был неблагоприятно отразиться на ее деятельности; частная пушная торговля, имевшая за собой вековую традицию, могла действовать уверенней и успешней.

VI.

Обращаясь к размерам этой деятельности, к определению количества и ценности собираемой пушнины, встречаем большое затруднение в отсутствии сколько - нибудь точных сведений о положении дела в прошлое время, почему и авторы, делавшие такие подсчеты, как К. П. Лавров и И. Д. Добровольский, оказались в своих исчислениях весьма субъективными, особенно первый в сторону преувеличения. Официальные издания новейшего времени, отражают, хотя тоже не вполне точно, действительную картину, но эти сведения относятся к слишком краткому периоду, чтобы претендовать на общее значение. Средняя пушная добыча северо - востока определяется так.

---

*) О пушной торговле на северо - востоке, первое время являвшейся основной деятельностью государственных предприятий на Д. В. см. А. Д. Гачечиладзе. *Оперативная деятельность Дальгосторга.* Эконом. Жизнь Приморья. Владивосток. 1924, 5.

Промысл. звери	По Лаврову	По Добровольскому
Соболь	9000	5000
Лисица красн.	4000	5000
Лисица черн.	10	10
Песец белый	14500	8000
Песец голубой	2000	1300
Медведь бурый	2000	3500
Медведь белый	100	300
Бобр морской	10	35
Выдра	400	600
Белка	100.000	200.000 *)

Цыфры Добровольского ближе, чем предположения Лаврова, определяют средний промысел, каким он был в минувшей четверти века, исключая соболя и белку. Что касается настоящего времени, то в результате естественных причин (истребление зверя) и экономических (ослабление доходности), промысел еще уменьшился, и изменилось соотношнеие промысловых объектов: добыча соболя пала чуть не вдвое, лисий промысел держится устойчиво, промысел белки развивается.

Отдельные уезды северо - востока, по Добровольскому, характеризуются такими цыфрами,

Петропавловский .... 4900 соб. и 3000лис.
Чукотский .... 4500 белых песцов.
Гижигинский .... 80.000 белок
Охотский .... 115.000 белок
Анадырский .... 2.000 белых песцов.

Не обращаясь к прошлому и ограничиваясь нашим столетием, можно отметить значительное колебание цен на пушнину на северо - востоке. В дореволюционное время главные пушные объекты тут расценивались так: соболь около 25 руб., лисица 5 - 6 руб., белка 25 к. Эти цены соответствовали тогдашнему пушному рынку, исключая со-

*) К.П. Лавров. *Пушной промысел на Д. В.* Токио, 1923. Статья И. Д. Добровольского в сборнике Дальрыбохоты „*Рыбные и пушные богатства Д. В.*" Владивосток, 1923, стр. 376 - 379.

боля, цена на которого была слишком низка, наверное, потому что он шел на уплату ясака. В революционный период конкурренция, родившаяся из энергичной погони за пушниной со стороны американцев и казны, вызвала повышение цен, иногда даже превышавшее стоимость пушнины на внешнем рынке. Соболь расценивался в 150 - 200 р., лисица 20 - 25 руб, песец 30 - 40 р., медведь 12 - 15 р., белка до 2 р., даже за маленького горностая давали более рубля. Повышение цен совпало с усиленным требованием на пушнину со стороны Соед. Штатов и Канады, что наблюдалось в первые годы после войны (затем наступил пушной кризис). Чрезмерные же цены, порой существовавшие на Камчатке, обязаны психологическому расчету торговцев, знавших, что, уплатив иной раз 400 р. за соболя, они наверстывают потерянное на том, что прельщенный их щедростью охотник за бесценок отдаст „приятелю" остальную пушнину.

Жители не должны были ожидать, что такое положение будет постоянно, и разочарование, в которое им пришлось впасть по приходе советских предприятий, установивших весьма „твердые" цены на пушнину, было не вполне основательно.*)

Цены на пушнину

Соболь	100 - 150 руб.
Лисица	18 - 30 руб.
Песец	30 - 55 руб.
Белка	0.90 - 1 руб.
Выдра	45 руб.
Горностай	0.65 - 1.30 руб.
Медведь	8 - 12 руб.

Ценность пушного промысла, при благоприятных условиях добычи и рынка, определялась Лавровым в 2.500.000 руб., что весьма преувеличено, а Добровольским в 1.700.000 руб. Так как оба условия промысла сейчас слагаются неблагоприятно, то ценность промысла понизилась даже против второй цыфры. Добыча всего Д. В. сейчас определя-

*) О ценах на пушнину и полноте снабжения северо - востока напечатаны доклад С. А. Бутурлина и возражения Ф. И. Адрианова в протоколах Северного Комитета, Северная Азия, Москва, 1926, кн. II, Стр. 90 - 95.

ется 1.500.000 руб., из которой, правда, большая часть приходится на северо-восток.

Промысловая ценность отдельных его уездов, по Добровольскому, выражается так.*)

Петропавловский	40%
Чукотский	23
Гижигинский	14
Командорский	11
Охотский	8
Анадырский	5
	100%

Пушнина на северо-востоке больше приобретается на товар, чем на деньги, которые, кстати сказать, туземец не умеет толком и считать. Исключением являются Петропавловский район и северо-восток Чукотки, так как пригородные камчадалы и прибережные эскимосы, отличаясь торговыми способностями, хорошо разбираются и в рублях и в долларах.

Камчатский туземец издавна избалован хорошим набором товаров, которыми его снабжают благодаря близости Америки. Он получал автоматическое оружие и охотничьи принадлежности Ремингтоновской компании, американские „бутсы" (сапоги) и „макино" (куртки), шерстяные, кожаные и резиновые вещи и всевозможные предметы питания, до сгущенного молока (между прочим, чукчи больше его любители) и консервированных фруктов включительно; доставлялся также табак и керосин. Лишь мука привозилась из России и была много дешевле американской; незаменимым предметом русской торговли был кирпичный чай, Сибирские туземцы, хотя бы обитатели соседней Якутии, не знают ничего подобного; понятно, что камчатский туземец при таком товароснобжении не гнался за дешевизной; и цены на товары, при том в долларах, тут всегда были высокие.

Казенная и кооперативная торговля пыталась еще больше разнообразить этот ассортимент, включив в него женские шелковые чулки, цилиндры и сюртуки, каустическую соду (для стирки билья), перец пудами на жителя, надо думать, для вящшего приобщения туземцев к куль-

*) И. Д. Добровольский, статья в цит. сборнике, стр. 381 - 382.

туре. Предпринятая, кроме этих курьезов, более серьезная попытка повести все снабжение края из России оказалась неудачной и, в конце концов, чуть не привела весь северо-восток к голодовке, в относительном смысле, конечно.

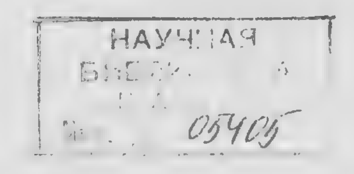
Силой вещей и государственная торговля была принуждена открыть сюда доступ американскому снабжению, сначала пользуясь готовыми товарами американских коммерсантов, а потом ввозя их самостоятельно.

Правильная постановка пушной торговли существенно связана с вопросом о кредите, которым энергично сжимается или стимулируется самый промысел. Конечно, в старой торговле кредит был одним из злоупотреблений: благодаря нему, туземец не только постоянно, но и наследственно прикреплялся к известному приятелю-коммерсанту, который прижимал его при каждой сделке, не говоря уже о разных услугах, которые требовались от должника, вроде доставки оленей на мясо.

Но промысел испокон века так поставлен нерасчетливым туземцем, что к осени ему нечего есть, а не только итти на охоту, для чего нужен и охотничий припас и продовольствие. Поневоле охотник обращается за помощью к купцу и всегда получает кредит. Наоборот, никогда то, что камчадал зовет „казной", ему такого кредита не дает по формально понятным причинам. Весьма показателен пример Hudson Bay Co, которая довольно неудачно пыталась приучить население к торговле на наличные.

Охотник, идущий на промысел, нуждается в следующем, по крайней мере, запасе.

Оружейн. припас	I норма	II	Продовол. припас	I норма	II
Порох	1 1/2 ф.	1/2 ф.	Мука	1 1/2 п.	1/2 п.
Дробь	10 ф.	3 ф.	Чай	1 к.	1/2 к.
Пистоны	500 шт.	300 шт.	Табак	3 ф.	1 ф.
Свинец	1 ф.				
или					
Патроны	100 шт.				

Первая норма относится к продолжительной охоте (2 - 3 м.), вторая к случаю, когда охотник ходит „лесовать“ не однажды, а каждый раз на $^1/_2$ - 1 м.

Субъективные свойства охотника делают кредит рискованным, особенно для „казны“, на которую туземец смотрит, как на благотворительное учреждение; неудачным промыслом аннулируется весь долг.

Солидарное поручительство охотников за исправность платежа тоже неосуществимо в виду слабого развития охотничьей кооперации.

Не весь доход от пушного промысла поступает в распоряжение населения или государства, значительная часть падает на долю иностранного капитала. Может ли такое положение измениться в сторону более благоприятную в ближайшее время?

Государство может вытеснить иностранного посредника, лишь взяв в свои руки пушные аукционы, на которых дальневосточная пушнина шла бы общей массой.*)

Такие аукционы намечались во Владивостоке, но целый ряд препятствий должен неизбежно мешать делу; 1) операции этих аукционов не будут велики, 2) иностранные покупатели сюда не поедут, 3) здесь нет приспособленных хранилищ для пушнины. Государство может сбыть свою пушнину только выступая на иностранных аукционах, что связано с крупными накладными расходами. Наконец, необходимость вести товарные заготовки за границей еще больше удорожит всю операцию.

Цены на пушнину, приобретаемую на русском севере, более или менее отличаются от таковых же на мировом рынке: менее при частной торговле, более при государственной. Было бы интересно определить реальную долю народно - хозяйственного дохода, падающую на охотничье население в целом. Это можно сделать лишь очень схематически.

Различие цен внутреннего и внешнего рынка отнимает от охотника, смотря по виду добычи, до 50 и даже 80% ее стоимости, соответственно при частной и государственной торговле. Разница, особенно ощутимая на соболе, выравнивается на менее ценном звере. С другой стороны,

---

*) Н. Д. Добровольский, *К вопросу о торговле пушниной и организации пушных аукционов на Д. В.* Эконом. Жизнь Д. В., Хабаровск, 1924, 4, стр. 60.

цены на товары всегда значительно выше их действительной стоимости, так что туземец и здесь недополучает то, что ему причитается.

Для примера сравним цены на некоторых пушных зверей на внутреннем и внешнем рынке.

Промысл. звери	Внутрен. рынок	Внешн. рынок
Соболь	100.00 - 150 руб.	200 - 300 руб.
Лисица	18.00 - 30	20 - 40
Белка	0.50 - 1 руб.	1 - 2

Параллельно приведем справку о существующих на северо-востоке ценах на некоторые товары.

Мука (пуд) . . . . 5 - 7 руб.
Чай (кирпич) 1.00
Табак (фунт) 1.50
Мануфактура (арш.). . 0.80 - 1.20
Керосин (пуд) 5.50
Дробовик 76.00
Порох (фунт) 2.50

Но и у себя дома, при покупке пушнины от населения, никакая казенная организация не в состоянии охватить всей страны, не создав тяжелого и дорогого аппарата, тяжким бременем лежащего на населении. Таким образом, доля населения в пушном доходе при нынешнем состоянии торговли не может значительно возрасти.

VII.

Положение пушного дела на северо-востоке настоятельно побуждает задуматься и над неблагополучием самого промысла и над несовершенством его эксплоатации. Как поднять падающий промысел, какой принцип положить в основу пушной торговли, чьи интересы должны быть признаны руководящими?

Опыт регулирования пушного промысла в Сибири показывает, что запретительные меры и запоздали и несочувственно встречаются населением. Уже отмечено, как смотрят камчатские охотники на всякие запретные сроки и территории в соболином промысле, и сомнительно, чтобы

широкие меры, которые предполагаются для охраны зверя, привели к удовлетворительному результату.

В 1926 г. был намечен запуск на соболя и несколько позже он, действительно, был осуществлен. Не предполагал ли Дальгосторг одновременно с этим прекратить торговлю соболями? Очевидно, нет: он имел наскладах и камчатских соболей, не слишком задумываясь, откуда же они берутся. А они, несомненно, и промышлялись и продавались. Подобный запрет, проводимый более продолжительное время, при надлежащей дисциплинированности населения, мог бы оказаться успешным; но тогда и государству пришлось бы приходить на помощь туземцам. Иначе говоря, продолжительный запуск на соболя только тогда может быть успешно осуществлен, когда на ряду с этим будет создан камчатский резервный фонд, по образцу канадского national fund, к которому сможет обращаться туземное население, застигнутое острой нуждой. Нечто подобное существовало в небольших размерах и прежде в виде т. наз. „инородческого капитала.“

Еще больше сомнений вызывает другой, широкий проект, предложенный А. К. Емельяновым: объявить заповедником всю Камчатку, практически—ее соболиную территорию, тщательно регулировать промысел в интересах экономного пушного хозяйства и перевести туземцев, занимающихся охотой, на государственное обезпечение. Не говоря уже, что для этого понадобилось бы обратить страну в сплошной полицейский участок, проект потребовал бы расходов, которые поглотили бы добрую долю промысловой продукции, если не всю ее. Если так заботиться о туземном охотнике, пожалуй, проще отдать его произволу самый промысел и отказаться от всякого пушного хозяйства, а не только экономного.

В действительности, невозможно интересы соболя поставить выше благополучия туземцев: соболь только один, и не такой уж значительный, из естественных рессурсов на северо-востоке; пушной промысел отжил свое блестящее время, с этим надо примириться. А несколько десятков тысяч туземцев еще долго будут главными насельниками страны и существенным элементом, на который бу-

дет опираться северная колонизация. Без них нельзя полностью эксплоатировать естественные богатства края, как уже открытые, так и пока скрытые Поэтому от мероприятий, регулирующих промысел только в его интересах, надо отказаться.

Кроме того, надо исходить не из промысла ныне существующаго или, верней говоря, погибающего. Следует перейти к созданию нового пушного капитала путем, на который уже стали другие пушные страны: искусственное разведение пушного зверя. Этот вопрос удобней рассмотреть в связи спушным хозяйством Командорских островов; не касаясь его, пока отметим лишь руководящее значение. которое должно принадлежать в новой промышленности государству: от него зависит предоставление всевозможных привилегий частным пионерам этой промышленности, оно должно пропагандировать среди туземцев разведение пушных зверей в неволе, ему может принадлежать честь открытия образцовых пушных питомников, откуда племенной материал будет распространятся по всей стране. *)

Коль скоро даже вопрос о пушной продукции приходится разрешать с точки зрения туземных интересов, то тем более она уместна в применении к пушной торговле, соприкасающейся с насущнейшими интересами охотников. Недопустимы, конечно, ни злоупотребления в торговле, ни прижим туземца низкой платой; громоздкий торговый аппарат, увеличивающий себестоимость пушнины, нетерпим.

Елки прибавить, что сама по себе пушная ценность не настолько велика (менее 1,5 мил. р.), чтобы за ней особенно гнаться, что казенные предприятия (в лице „Окаро") оказались не в состоянии вести дело безубыточно, то можно прийти к выводу, что государство мало заинтересовано в пушной монополии на северо - востоке. Слишком она одиозна в глазах населения, слишком ничтожна по результатам, чтобы стоило за нее держаться.

Лучше всего было бы передать, учитывая бывший опыт, пушную торговлю на концессионных началах иностранной фирме, имеющей местный опыт и достаточно солидной, благо и солидность - то не требуется тут большая. При

---

*) Н. Д. Добровольский. *Звероводство, как отрасль промышленности и условия создания его на Д. В.* Эконом. Жизнь Д. В., 1924, 5.

такой организации торговли, можно уверенно сказать, что она привлечет всю наличную пушнину и сможет платить населению хорошую цену; государству останется благодарная роль регулятора, умеряющего иностранный аппетит и туземное хищничество в интересах пушного хозяйства; как предприниматель, государство будет выступать только в новой пушной промышленности (пушные питомники). Государство в скромной области пушного хозяйства должно менее руководиться фискальными выгодами и более заботиться о культурном интересе; но, несомненно, и фискальный интерес может быть достаточно охранен концессионным договором. Должен ли последний строиться на „пошкурной плате" или % отчислении, вопрос технический; недопустимо лишь прямое и кровное участие государства в прибыли, что неизбежно создает для него заинтересованность в эксплоатации населения, а не промысла.

После только что изложенного и сказанного раньше о развитии пушного промысла, совершенно понятно скромное значение, которое ему следует приписать в народном хозяйстве северо-востока. Конечно, среди прочих округов Д. В. по пушному промыслу Камчатка на первом месте: Забайкалье и Приморье, самые богатые пушным зверем, каждое дают продукцию вдвое меньше камчатской; из общей ценности в 2 мил. р., каковой определяется вся пушнина Д. В., на Камчатку приходится около половины суммы. Но много ли это сравнительно с другим камчатским промыслом, рыбным, насчитывающим не двести, а двадцать лет существования и уже дающим 30 мил. р?

VIII.

Промысел на морского зверя распространен везде, где есть береговое население: им занимаются не только жители Камчатского полуострова, но и тунгусы Охотского побережья; это промысел разнообразных ластоногих, начиная от громадного сивуча и кончая мелкой акибой. Однако настоящими промышленниками моря оказываются обитатели крайнего севера—чукчи и эскимосы; в то время как камчадалы, так искусно плавающие по своим стремительным речкам, прямо боятся моря, чукчи не опасаются переплы-

вать Берингов пролив. На побережьи Ледовитого океана они бьют не только нерп и моржей, но и китов.*)

Моря Тихого океана богаты ластоногими и китообразными разных родов. Типичным и распространенным представителем ластоногих является нерпа, попадающаяся тут в нескольких разновидностях: обыкновенная серая нерпа, охотская черная нерпа, ларга или акиба. Столь же распространены, хотя и меньше промышляются дельфины. Более ограничены промысловые территории, где обитают морж, лахтак, сивуч.

Промысел ластоногих и китообразных в водах северо-востока весьма мало обследован: не выяснены районы распространения морского зверя, не установлены даже виды животных, свойственные этим водам.

Они принадлежат к таким отрядам.

Phocidae	(нерпы)
P. foetida	(нерпа серая),
P. ohotensis	(нерпа черная), P. larga (акиба).
Otaridae	(ушастые тюлени)
O. Stelleri	(сивуч), Calorhinus ursinus (котик).
Trihehidae	(моржи)
T.obesus	(морж тихоокеанский)
Mystacoceti	(беззубые киты)
Balaena Sibbaldii,	B. borealis, B. longimana, B. mysticetus, B. japonica.
Odontoceti	(зубастые киты)

Physeter macrocephalus (кашалот), Orca gladiator (касатка), Beluha leucas (белуха), Phocaena communis (дельфин).

Китами в собственном смысле слова оказываются mystacoceti, которые и являются предметом промысла: odontoceti на них вовсе непохожи, наибольшее промысловое значение из них имеет кашалот.

Нерпа распространена повсеместно, где свойства берега позволяют ей находить удобные лежбища, т. е. на песчаных отмелях или прибрежних скалах. Довольно часто попадается и акиба, не заходящая, впрочем, далеко на север. Охотская нерпа свойственна южно-охотскому побережью; наоборот, лысун (гренландский тюлень) встреча-

*) О подробностях см. мою статью *Промысел ластоногих и китообразных на Д. В.* в „Рыбных и пушных богатствах Д. В.“ цит. соч. стр. 333.

тся только в Ледовитом океане, и то распространение его в этой части океана находится под сомнением.

При общем богатстве северного побережья нерпой, есть однако на нем места, которые особенно отличаются скоплением этого зверя, находящего удобнейшие для него лежбища. Это—Тауйская и Ольская б., Гижигинское и Пенжинское побережье, Палланский район, Нерпичье оз. (близь Усть - Камчатска), б. Корфа, Анадырский лиман, район м. Дежнева. Там где наблюдается скопление нерпы, встречаются и лахтаки, но в неизмеримо меньшем количестве.

Как сказано, распространение моржа и сивуча более ограничено; первый уходит к северу, второй к югу, в поисках более недоступного людям водного пространства. Морж обитает по Чукотско - Анадырскому берегу, сивуч по Восточно - Камчатскому берегу в районе Кроноцкой б., Командорских о - вов и Авачинской б. Между тем раньше (в прошлом столетии) морж доходил на юге до Усть - Камчатска, и точно так же сивуч попадался около Анадыря.

Дельфины встречаются везде в камчатских водах; табуны этого осторожного зверя не любят держаться близко к берегу и входят в реки за рыбой только там, где они находят глубокое устье; таковы реки на севере Камчатско пол. Скопление дельфинов наблюдается также в Гижигинском районе и против Усть - Камчатска.

Совершенно исключительный зверь обитает в море, омывающем Командорские о - ва: бобры и котики. Морские бобры, кроме того, обитают лишь около м. Лопатка. В обоих местах они встречаются только в десятках экземпляров.

Морской зверь при энергичном преследовании подвергается участи одинаковой с сухопутным, он в конец уничтожается. Первой наступает очередь зверя крупного, мало размножающегося, нуждающегося в особых условиях для существования; таковы бобры, промышляемые сейчас десятками и даже единицами, тогда как во время экспедиции Беринга они попадались по всей Камчатке и продавались по 5 р. (на наши деньги около 75 р.) Если не прекратить убой бобра совершенно, скоро он будет истреблен начисто, с ним случится то же, что с морской, коровой, прежде в изобилии плодившейся на Командорских о - вах и совершенно вымершей уже в конце XУIII в.

Условия жизни ластоногих (море), конечно, больше предохраняют их от истребления, чем это возможно для сухопутного зверя. Но охотничья энергия, соединенная с современной техникой, и тут может в короткое премя свести к нулю богатейший промысел. Возьмем охоту на моржа, который у северных туземцев является предметом всестороннего потребления и мало добывается для продажи: этот промысел, хотя и уменьшающийся постепенно, на русском берегу еще значителен; не то у американцев, где морж преследовался не только туземными, но и пришлыми охотниками для сбыта. По свидетельству Эллиота, после присоединения Аляски в американских водах добывалось до 10 тыс. моржей, а сейчас их едва попадается несколько десятков.

Надо полагать поэтому, что и возможности нерпичьего промысла, как они ни велики сейчас, со временем должны уменьшиться.

Тем более сокращается промысел китообразных; это показывает последнее пятидесятилетие. Во времена Миддендорфа, посетившего Приамурье в середине прошлого века, тихоокеанские воды кишели китами, которых тут убивалось не менее 500 шт. Позже и в Японском и в Охотском морях работали русские китобои, добывавшие по несколько десятков китов; не меньше была добыча американских китобоев, успешно работавших в Беринговом море и Ледовитом океане еще в нынешнем столетии. В наше же время китобойный промысел русского севера выражается в нескольких китах, случайно добытых туземцами. Истреблен ли безнадежно кит, или только пал промысел его? Удачный опыт норвежской компании „Вега“, работавшей на концессионных началах в водах русского северо-востока, обнаруживает, что мнение о таком сильном истреблении кита преувеличено и что этот промысел здесь по прежнему заключает в себе значительные возможности.

IX.

Морской промысел, свойственный туземному населению есть преимущественно нерпичий промысел; морж важен только для группы чукотского населения, а китобойство имеет чисто предпринимательский характер.

Нерпу бьют в течение всего года, но лучшее время

для охоты—весна и осень, когда нерпа располагается погреться солнцем на льду или на отмели, собираясь тут большими группами. Не способная к быстрым движениям вне природной стихии, она легко становится добычей охотника, незаметно подбирающегося по льду на легкой, как скорлупа, „байдарочке", сделанной из кожи морского же зверя. Нерпу можно бить ружьем, для чего употребляется легкий Винчестер 22 кал., если зверь лежит далеко; но обычно на него жалеют пули, предпочитая брать зверя „зубом," т. е. легким гарпуном. Добывать нерпу на отмели еще легче, потому что здесь ей некуда деться; ее и бьют прямо палкой.

Нерпу можно ловить и летом, когда она входит за рыбой в реки, и зимой, когда она вылезает на лед. Но нерпа—лукавый зверь, и ускользнув от пули охотника, второй раз под нее не полезет; точно также она вытянет рыбу из сетки, но не попадется в нее. Такой способ охоты не выгоден для туземца, который предпочитает массовую добычу на лежбищах: дешевле и верней; но в таких приемах именно и лежит опасность, угрожающая промыслу в будущем.

Сейчас же о ней говорить не приходится. Лежбище среднего достоинства дает возможность добыть 500 - 1000 нерп за сезонный период охоты, а хорошее лежбище, как около Гижиги или Охотска, даже 2000 - 4000 шт.*)

Охота на моржа по существу сходна с нерпичьей: моржа бьют и пулей и палкой, смотря по тому насколько он беззащитен, т. е. производится охота в море или около берега; морж, как и нерпа, имеет свои любимые лежбища, большие камни, расположенные под утесистыми берегами, какими изобилует северо - восточная оконечность Чукотки. Конечно, справиться с громадным зверем, хотя бы и в беспомощном состоянии, нелегко; к тому же он нагоняет страх на охотников своим яростным видом и неистовым ревом. Эти средства защиты не спасают его в конце концов от охотников.

Иное положение в море: тут морж и достаточно проворен, чтобы далеко уйти, таща за собой брошенный в него гарпун, и достаточно может показать свою силу, навалившись своим тяжелым телом на хрупкое суденышко, в котором сидят охотники. Такая охота возможна лишь при

*) В. К. Арсеньев, *Гижигинский промысловый район*, Эконом. Жизнь Д. В., 5 - 6, Хабаровск, 1925, стр. 29.

большой смелости и проворстве охотников, что именно и отличает береговых чукчей и эскимосов; она требует коллективного труда группы туземцев, гребцов и стрелков; наконец, весьма существенно, когда за зверем приходится отправляться все дальше, обладание совершенным охотничьим снаряжением: дальнобойным оружием, исправным гарпуном, прочной шлюпкой. Недостаток охотничьего снаряжения у туземцев русского севера и спасает моржа от участи, постигшей его в Америке. В местах, где есть хорошие лежбища, как у м. Чаплина, и поныне моржа бьют в количестве 300 - 500 шт. на охотничье селение.*)

Отмеченные условия охоты в еще большей степени требуются китобойным промыслом. Но они сейчас не могут быть выполнены, особенно в части касающейся снаряжения. Поэтому промысел кита достается на долю особо смелых охотников, рискующих отправляться в море с самыми ничтожными средствами, или кит попадает в руки охотников, как настоящий подарок природы: волны выбрасывают на берег животное, замученное касатками или израненное китобоями, к общей радости всего селения, которое обезпечивается, благодаря этому, пищей на целый год. Туземное китоловство носит еще более подчеркнутый коллективный характер, чем промысел моржа: не только самая охота требует организации охотничьей группы, но и добыча считается общей собственностью всего селения, жители которого участвовали в охоте.

Промышленное китобойство ведется специальными судами, имеющими достаточное помещение для китового жира: на них установлены котлы, где можно вытапливать китовый жир; суда снабжаются особыми пушками, выбрасывающими снаряд с прикрепленным гарпуном; пароходные машины должны быть достаточно сильны, чтобы обезпечить судну возможность длительной погони за убегающим китом. Операции по пластанию кита следует производить молниеносно, иначе убитый кит может затонуть; корабельная команда, не слишком малая, должна состоять из людей квалифицированных, которых оказывается не так легко найти: преимущественно норвежцы. Словом, промышленное китобой-

*) Е. К. Суворов. *О промысле моржа и кита в Чукотской земле*: Материалы к познанию русского рыболовства, III. Петербург, 1913.

ство никак не межет быть туземным промыслом ,оно может вестись только в форме капиталистического предприятия.

В северных водах оно осуществлялось американцами и часто соединялось с моржевым промыслом. Его базой был Сан-Франциско, где даже существовал китобойный синдикат Андерсон, Льиюс и Форд; отсюда китобои шли по всему Тихому океану, между прочим, и к русским берегам через Аляску. Этот промысел, официально всегда считавшийся хищническим, еще до революции прекратил свое существование и велся только спорадически.

Американцы не только участвуют в промысле морского зверя, но и в скупке его продуктов, даже преимущественно перед прочими скупщиками: казна до последнего времени вообще не покупала шкур морского зверя, опасаясь осложнить свою торговлю, а из частных коммерсантов на это шли только те, кто имел непосредственные связи с Америкой, как Караевы на Чукотке, скупавшие продукты морского промысла в наиболее крупных размерах.

Американцы довольно давно оценили прочность нерпичьей шкуры и охотно приобретали ее по дол. за штуку. Из продуктов моржевого промысла они покупали клык по 5-6 дол. за пару и сравнительно недавно стали приобретать шкуру этого зверя. Туземное китобойство доставляло им ценную добычу в виде китового уса.

В этой торговле принимали участие те же фирмы, какие работали по скупке здесь, пушнины как напр. Свенсон; из китобоев на Чукотке работал Петерсен. Менее значительные коммерсанты, обамериканившиеся выходцы из других стран, сидели в разных местах Чукотки. Наконец, летом она посещалась порядочным количеством мелких американских шхун для той же торговли.

Добыча морского промысла на северо-востоке.

Туземный промысел.

Промысл. звери	Количество	Ценность
Нерпа	70.000 шт.	70.000 ам. дол.
Морж	4.000	30.000 ам. дол.
Кит	1 - 2	-
	Всего	100.000 ам. дол.

Американский промысел.

Предметы промысла	Количество	Ценность
Китовый ус	150.000 фунт.	300.000 ам. дол.
Китовый жир	13.000 баррел.	
Моржевый клык	2.000 шт.	20.000 ам. дол.
	Всего	320.000 ам. дол.

Ценность американского промысла определена при добыче 10 - 20 китов. Такова и была добыча американских котобоев в русских водах. При неблагоприятных для промысла условиях (он является нелегальным), он падает, даже уничтожается, и приведенная цыфра выходит из хозяйственного оборота страны.

Промысел морского зверя имеет первостепенное значение в туземном быту, снабжая население предметами непосредственного потребления. Нерпичья шкурка широко используется, как брезент: из нее шьются куртки, шапки, рукавицы, бродни (сапоги), незаменимые для рыболовов. Шкура более крупного зверя дает материал для прочных и одновременно легких „байдар", на которых охотники смело идут в море. Даже постройка чукотской яранги (юрта) не обходится без моржевой кожи, которая оказывается для этой цели пригодна не менее, чем для изготовляемых американцами непромокаемых дождевиков.

Столь же важная статья туземного хозяйства—жир морских животных, потребляемый для освещения и в пищу. Белый полужидкий жир лахтака или белухи признается лакомством, но и темный пахучий жир нерпы поедается не менее охотно. При дороговизне и прямой недостаче соответственного предмета питания, значение морского зверя для туземца нельзя переоценить.

Мясо морских животных, особенно моржа, жесткое и пахучее. Где не хватает оленьего мяса, как на крайнем севере, там охотно едят и моржевое. Морж для чукчи то же, что корова для якута; особенности самого промысла делают такое сравнение не преувеличенным: благодаря миграционным привычкам моржей, их можно бить в точно

известном месте и в определенное же время. А вкусовая привычка заставляет чукчу, питающегося этим мясо, презрительно называть мохоедом коряка, питающегося олениной. Что касается китов, то о значении такой добычи для берегового населения, постоянно недоедающего, не может быть двух мнений. При том китовое мясо мягко и нежно, напоминает вкусом свинину.

При таком значении морского промысла для туземного потребления, хищническое к нему отношение со стороны иностранного предпринимателя особенно недопустимо. Между тем американцы, убивая по несколько сот и даже тысяч моржей, выбрасывали не только их шкуры, но и мясо, довольствуясь одними клыками. Сходно поступали китобои, бравшие от убитого кита только ус и пренебрегавшие остальным продуктом. Из-за таких приемов промысел рос, а население голодало.

X.

Учитывая размеры морского промысла и еще больше важность его в туземном быту, следует признать, что народно-хозяйственное значение этого промысла достаточно велико, во всяком случае, не меньше, чем таковое же пушного промысла, сравнительно с которым принято однако отводить морской промысел на задний план и в теоретических и практических построениях Д. В. хозяйства.

Не обследованы распространение и размеры промысла; в противоположность сушевой охоте, ради которой написано столько правил и законов, морской промысел, можно сказать, не регулируется никакими нормами; правительство издавна находится в сомнении, то ли признать промысел, особенно китобойство, ценным, то ли отдать его на разграбление иностранцам.

При хозяйственно-разумном отношении к морскому промыслу со стороны государства, должно обратить внимание не столько на увеличение добычи самого зверя, сколько на более широкое использование промысловой продукции. Необходимо в первую очередь открытие на Камчатке хоть небольших жироваренных заводов, которые приучили бы население к вытапливанию жира из убитого зверя. Сбывая свою добычу на такие заводы, охотник получил бы гораз-

до большую оплату за свой труд: нерпа дает до 2 пуд. жира, что при низкик рыночных ценах стоит не менее 4 - 5 р., тогда как при использовании только шкурки охотник получает 1 - 2 руб. Техника жироваренного дела несложна, оно с успехом практикуется на европейском севере, между прочим также в Европ. России, почему такие заводы, при отсутствии предпринимателей, могли бы быть поставлены, как казенное предприятие.

Наоборот, китобойство, как промысел, включающий большую долю риска, может с успехом вестись только частным предпринимателем, при том обладающим большой опытностью в этом деле. Вероятно, таковыми явятся иностранцы, возможно, норвежцы и вряд ли русские, которым этот промысел совершенно неизвестен.

Необходимо лишь, чтобы этот промысел был связан с всесторонним использованием побочного продукта, для чего придется позаботиться об устройстве береговых станций, при помощи которых китобои могли бы, не опасаясь перемен погоды, заняться разделкой кита не только в целях жироварения, но и ради второстепенных выгод, напр. изготовления пудрета из костей животного. Для берегового населения обработка китов на станциях была бы полезна в том, что в его распоряжение доставалось бы китовое мясо.

Устройство жироваренных заводов и китобойных станций—вот что требуется для оживления морского промысла. Что касаестя увеличения лова, то его можно признать достаточно напряженным, и дальнейшее развитие его не вызывается необходимостью. Тем не менее, не исключается возможность работы и в этом направлении: нет обоснованных данных об истреблении морского зверя и возможном кризисе промысла, распространенное мнение относительно китобойства, что этот промысел исчерпал свои возможности, как видно, не потверждается. Поэтому не приходится, в конце концов, возражать против предоставления предпринимателям права не только на обработку добываемых жителями ластоногих, но и на самостоятельный лов. Для этой цели в подходящих по изобилию зверя местах могут открываться участки или целые районы для убоя ластоногих, на одинаковых приблизительно основаниях с участками для нужд рыбопромышленности. Китобойство, как

дело технически требующее более сложной постановки, а экономически выходящее за пределы чисто местных интересов, должно предоставляться желающим на концессионных началах.

Следует однако упомянуть о двух промысловых объектах, к которым неприменимы приведенные соображения: промысел моржа, как несомненно падающий, нуждается в охране; наоборот, промысел дельфина, как совершенно не практикующийся,*) носит пионерский характер и требует всяческого поощрения.

XI.

Роды копытных животных, свойственных северо-востоку, немногочисленны, особенно на Камчатском полуострове: дикий олень, горный баран, косуля, вот и все, что может быть здесь предметом промысла. На Охотском побережьи к ним прибавляются сохатый, кабан, кабарга; два последних—обитатели более южных фаунистических областей, и в здешнем краю попадаются не часто, не столько составляя предмет промысла, сколько обнаруживая пестроту животного царства на этой окрайне азиатского материка. Сохатый - весьма ценный промысловый объект для безоленных тунгусов, обитающих на южно-охотском побережьи, и благодаря энергичному промыслу, этот красивый и сильный зверь значительно истреблен; особо удачливый охотник добывает не более 1 - 2 гол. на охотника, и при том в ограниченных районах его распространения; спасаясь от истребления, сохатый уходит в недоступные болотистые „мари", прилегающие к южноохотским бухтам.

Горный баран и дикий олень промышляются в гористых частях Камчатского поль. Как и охота на сохатого, этот промысел ведется не в целях сбыта, а непосредственного потребления: к весне и к осени камчадал сидит без мяса, резать скот жалко, и вот является соблазн раздобыться бараниной или олениной, соблазн тем более сильный, что самая охота весьма интересна; преследуемый зверь

---

*) О возможностях второго промысла см. В. К. Арсеньев, *Дельфиний промысел*, Эконом. Жизнь Д. В., 3—4, Хабаровск. 1925. О напряжении первого промысла см. его же, *Моржевый промысел*, Владивосток, 1927.

ловок и силен, забирается на недоступнейшие скалы, охотнику приходится проявить и проворство движений и меткость стрельбы. На эту охоту способен не всякий камчадал, зато выдающийся охотник может снять за одну поездку нескольких баранов.

Еще не так давно, четверть века назад, дикий олень распространялся значительно северней, чем сейчас, и представлял объект весьма широкого промысла, подвергаясь хищническому истреблению.

Этот зверь, отличающийся привычкой к миграции, встречает при своих весенних и осенних передвижениях преграды в виде больших рек, как Анадырь, где и происходит естественное скопление зверя. Охотники встречают плывущих массой оленей и в такой же массе истребляют их; этот „бой на переправе", дававший возможность бить на Анадыре до 2000 оленей—один из наиболее нерасчетливых способов охоты, так как добрая часть побитого зверя уносится водой. Сейчас массовая охота на оленя стала невозможной; он ушел в малодоступные хребты, Анадырский и Колымский, с одной стороны, хребты Камчатского пол., с другой.

Дикий олень ценен не только, как объект промысла: рослый крупный зверь, дающий тушу до 5 пуд., выгодно отличается от мелкого домашнего оленя и мог бы с успехом быть использован, как производитель, в табунах домашнего оленя, подобно тому как на Аляске это делается с карибу.

Наибольшее хозяйственное значение однако на северо-востоке имеют не эти копытные животные: мелкий и слабый домашний олень, вот кто дает главную хозяйственную продукцию, как для рыночного сбыта, так и для туземного потребления.

Оленное хозяйство, столь распространенное среди коряков и чукчей, так сильно зависит от естественных условий, так мало руководится волей туземца, что совершенно правильно смотреть на него именно как на промысел, подобный сушевой или морской охоте, а не как на отрасль скотоводства, чем может сделаться это хозяйство в будущем.

Оленеводство распространено на северо-востоке по-

всеместно, исключая Охотский и Анадырский районы, где оно получило слабое развитие, и южную часть Петропавловского района, откуда оно исчезло с течением времени. Главный территорией оленеводства является моховая тундра т. наз. Центральной депрессии,—понижения между хребтами Охотского побережья и Камчатского пол. Пенжино-Каменский район, заселенный кочующими коряками, и есть центр туземного оленеводства, где изготовляется лучшая и большая часть оленьего „барахла“ (поделки из шкур).

Статистика камчатского оленеводства весьма неопределенна; в полемике, возникшей по этому поводу между знатоком оленного хозяйства С. А. Грюнером и „сочинителями“ оленеводной статистики, как он их называет, выяснились те точные приемы, при помощи которых бесспорно может быть решен вопрос, но сущность дела, отсутствие точных подсчетов, не изменилась и после выступления Грюнера.*)

По прежнему о размерах оленеводного хозяйства приходится судить по косвенным данным: потребности туземных хозяйств в продуктах оленеводства, количеству оленьей рухляди на рынке и т. под. При такой оценке цыфр, которыми определяется камчатское оленеводство, наиболее близким к истине оказывается подсчет И. Д. Добровольского.

Районы	Количество оленей
Петропавловский	100.000
Гижигинский	400.000
Охотский	50.000
Анадырский	50.000
Чукотский	200.000
Всего	800.000

На цыфре 700 - 800.000 гол. сходятся все авторы, касавшиеся этого вопроса, в том числе и Грюнер. Как вид-

*) Приблизительные цыфры камчатского оленеводства были даны Добровольским и мной; их подверг критике Грюнер, *Статистика камчатского оленеводства*, Эконом. Жизнь Д. В, Хабаровск, 1925, 11.

но, $^{3}/_{4}$ оленьего стала находятся в Гижигинском и Чукотском районах, где следовательно, и должно сосредоточить, как теоретическое изучение местного оленеводства, так и практические мероприятия по его сохранению.

XII.

В последнем оленеводное хозяйство, несмотря на колоссальный размер принадлежащего ему стада, ощущает острую нужду. Оленье стадо опустошается вследствие трех причин: 1) недостаточная со стороны хозяев забота о подборе хороших производителей, об улучшенном питании самки во время беременности, об уходе за новорожденным олененком влечет за собой уменьшение приплода или прямую гибель только что появившихся на свет оленят от холода; 2) истощение кормовищ в привычных местах туземного кочевания затрудняет питание табуна, а частые пурги, глубокие снега, лед после зимней оттепели, не позволяя оленю добраться до мха, вызывают массовую гибель животных от безкормицы, бороться с которой при помощи искуственной подкормки хозяевам, разумеется, никогда и в голову не проходило: 3) если однако малый приплод и гибель от безкормицы встречают некоторое противодействие хозяев, кое-как поддерживающих свое хозяйство на традиционном уровне, то поражение табуна какой-нибудь эпизоотией, при полном отсутствии ветеринарной помощи (что здесь еще недавно имело место), при заразительности оленьих болезней (лекарственные средства против них весьма слабы) — непоправимое бедствие.*)

Олень гибнет массами от копытной болезни и чесотки, развивающихся очень быстро, заканчивающихся смертным исходом и легко распространяющихся по всему табуну. Убой заболевших животных—единственное, но не радостное для оленевода средство борьбы против таких заболеваний. Немалые опустошения причиняются табуну разными паразитами - червями, поражающими внутренность оленя,— также заразительная болезнь, против которой используется весьма слабый паллиатив, отделение заболевших животных.

---

*) О санитарной, технической и коммерческой стороне оленеводства см. мой очерк: *Промысел оленя и оленеводство на Камчатке и в Приморьи.* Эконом. Жизнь Д. В., Хабаровск, 1924, 6.

Кроме этих заболеваний, можно сказать постоянно поражающих оленье стадо, стационарный характер имеют заболевания, вызываемые нападением овода, откладывающего свои личинки или под кожей животного или в носоглотке, болезнь не столько опасная, сколько мучительная для оленей и хлопотливая для хозяев, тщетно ищущих для табуна защищенное от овода место.

Нет надобности упоминать о более мелких болезнях, свойственных оленю: их достаточно, и в совокупности они, конечно, способствуют понижению прироста. Что касается последнего, то он, определяемый знатоками хозяйства приблизительно в 30%, правда, уступает приросту в искусственном оленном хозяйстве (на Аляске он превышает 40%); но все же, принимая во внимание обилие неблагоприятных для северо-восточного оленеводства факторов, можно удивиться и такому приросту: несомненно, лишь колоссальная численность оленьего стада делает незаметным по существу неблагополучное состояние камчатского оленеводства.

Организационная сторона туземного оленного хозяйства весьма несложна и носит отпечаток старины. Руководство хозяйством принадлежит главе семьи, а забота о нем, которая едва ли не сводится к охране табуна, ложится на подростков из членов семьи или безоленных туземцев, служащих работниками у более богатых соплеменников. Хозяину принадлежит только распоряжение табуном, и то не постоянно: каждый член семьи имеет в табуне свою идеальную долю, а табун является общей собственностью; в особенности охраняется доля жены, принесенная ею мужу при заключении брака; по смерти жены она возвращается той кровной группе, в состав которой входила умершая женщина, а если эта доля переходит по наследству, то лишь по женской линии. Оленное хозяйство, таким образом, как в смысле прав на него, так и в смысле хозяйствования, как такового, основывается на коллективистическом принципе.

Однако под влиянием торговых сношений с русскими принцип хозяйственного индивидуализма пробивает себе дорогу в области туземного оленеводства. Разные причины: естественные условия, богатые браки, заботливость хозяев способствуют скоплению большого числа оленей в

одних руках; средний хозяин в богатом районе имеет 2000-5000 оленей; есть коряки и тунгусы, владеющие по 10-15.000 оленей и больше; это, конечно, исключения, но имеющие только по несколько сот оленей или совершенно неимущие туземцы, „задающиеся" пастухами к богатым, уже не исключение. Доля таких несчатливцев, получаемая за работу, в общем табуне становится все более фиктивной, а роль удачливого хозяина, наоборот, возрастает.

Торговля продуктами оленеводства не только имеет немаловажное значение в местном обиходе, но и постепенно находит спрос на внешнем, даже иностранном рынке. Эта торговля ведется одновременно с пушной торговлей, в ней участвуют те же лица, что в скупке пушнины, ее приемы те же, что в пушной торговле; только круг лиц, в ней заинтересованных, шире, а психологический момент здесь важней, чем экономический. Важный предмет торговли— оленье мясо, а оно нужно всякому; с другой стороны, по туземной традиции, оно не продается, а дарится приятелю, чем открывается широкой простор для всяких обманов; страдающим лицом, понятно, остается туземный „приятель".

Кроме мяса, от оленеводов приобретается пушная рухлядь: кухлянки, кагагли (верхнее платье), малахаи, рукавицы, торбаса (обувь), все выделанное из оленьих шкур. Эта выделка, несмотря на простоту обработки, которая производится при помощи одних орудий: рук да зубов, и пользуется подручными веществами: ольховым раствором, мочей, грязью (для дубления и окраски), вполне удовлетворяет своей цели: дать северному населению теплое и прочное платье; когда к обработке прибавляется терпение и труд, правда, поразительные, то и результаты получаются на заглядение: таковы напр. мягкие рукавицы, не уступающие фабричной замше, или узорчатые „опованы" (подолы), которыми украшаются кухлянки.

Полуобработанный продукт тоже находит неменьший сбыт: это шкуры разного вида, постели (взрослый олень), пыжики (олененок) выпоротки (утробный олень). Оленьи шкуры охотно потребляются на Камчатке для понятных надобностей; пыжики и выпоротки находят спрос за ее

пределами, в частности привекли внимание американцев, как дешевый мех, пригодный для широкой публики.

Масса пушной рухляди, добываемой на севере, совершенно не соответствует ее ценности, чрезмерно малой. Ничтожный результат объясняется традиционным характером этой торговли; десятками лет установилась плата за оленя, два кирпича чая или ей соответствующий эквивалент; выпороток расценивался 25 - 50 коп., иначе говоря, главная часть сырья, шкуры и шкурки, стоили слишком дешево. Нынешняя практика склонилась, где было колебание цен, к нисшему, а не высшему пределу, вследствие чего пала цена на пыжиков. Обработанная же рухлядь, хотя и довольно дорога, но ее слишком мало, сравнительно со шкурами, чтобы сильно повысить ценность оленеводства.

Общую продукцию оленеводства на северо - востоке учесть затруднительно: часть ее, поступающая в казенные склады, ничтожна сравнительно с общей массой; часть, приобретаемая частными скупщиками, тоже не покрывает всего оборота оленьей рухляди, о количестве которой можно судить только по косвенным данным.

Добыча оленеводства.

Продукты оленеводства	Количество	Ценность
Мясо	30 - 50.000 шт.	60.000 руб.
Постели	30 - 70.000	40.000
Выпоротки	30.000	30.000
Пыжики	20.000	30.000
Кухлянки	5.000	100.000
Торбаса	10.000	30.000
Мелочь	---	10.000
	Всего	300.000 руб.

XIII.

Значение оленеводства в туземном быту необычайно велико; сказанное относится преимущественно к тем племенным группам, которые занимаются этим хозяйством непосредственно, т. е. к корякам и чукчам. Но они - то и со-

ставляют самую значительную и самую здоровую часть туземного населения, и опорой ее существования, несомненно, является оленеводство; оно используется во всем: в пище, платье, при постройке жилища, при передвижении по тундре.

Коряки и чукчи всегда снабжены хорошим мясом, которое они поедают в неимоверном количестве; семья среднего состава потребляет в год до 100 оленей. Мясо поедается в плохо проваренном виде, никакие мясные консервы тут неизвестны (да они, пожалуй, и не нужны). Лишь тунгусы приготовляют мясо мелкими ломтиками в засушенном виде, да чукчи делают род мясных галет круглой формы, замораживая на холоде („пререм"). Тунгусы пользуются еще оленьими молоком, коряки же и чукчи его не любят, находят пахучим; любопытно, что это делают люди, считающие вкусным нерпичье или моржевое мясо. Еще более любопытный пример вкусовой привычки—любимое коряками „моняло," кушанье из крови и содержимого оленьего желудка.

Об использовании оленьих шкур для платья уже сказано. Если для камчатского жителя, приобретающего пушную рухлядь от кочующего, она составляет часть одежды, то сам кочующий одет благодаря ей с головы до ног, не испытывая надобности в белье. Мужчины, женщины, дети, все одеты приблизительно одинаково и по покрою и по качеству платья, и одеты не слишком хорошо: нужда в русских товарах заставляет продавать более ценную рухлядь, хозяевам же остается по истине „барахло".

Незаменимый материал дается оленеводством для туземных жилищ. Как можно было бы построить коряцкую юрту в безлесной тундре, если оленья шкура не давала бы превосходной ровдуги (брезент)? Эта шкура, вымоченная и продымленная, обратившаяся в крепкую непромокаемую кожу, каких нужно около 20 шт. на обновление юрты ежегодно.

Оленем, наконец, пользуются, как верховым (тунгусы) и упряжным животным (коряки). Запряженный в изящную легкую нарту, олень быстро бежит даже по глубокому снегу, значительно превосходя собак скоростью движения; впрочем, при продолжительной дороге он утомляется и в общем

проходит 40 - 50 в. в сутки. Нарта, запряженная парой оленей, поднимает до 20 пуд. груза, тоже большое преимущество перед „собачьей ездой“.

Значение оленеводства выходит за пределы круга его хозяев. Как было упомянуто, оленье мясо вообще продается дешево, как своеобразный дар природы. Но когда население ощущает острую нужду, как это бывает при недоходе рыбы, кочующие коряки кормят пострадавшее население, действительно, даром. Случается, что один коряк поддерживает так целую волость не только месяцами, но и целый год. Принадлежащее кочующим туземцам оленеводство таким образом становится общетуземным резервным фондом, предохраняющим население северо - востока от возможности голодовки.

Народно - хозяйственное значение этого оленеводства не определяется ни его живым капиталом, ни его продукцией. Этот капитал, чуть не миллионное оленье стадо, превосходит своей численностью самые большие стада русских оленеводных территорий (архангельское и тобольское оленеводство насчитывают по 400 - 500.000 гол.), и тем более оленьи стада других стран, где развито это хозяйство, Швеции и Финляндии.*) Несколько десятков миллионов руб., которые составляют ценность живого материала в северо - восточном оленеводстве, ни в какой мере не отражаются на жизни туземного оленевода: она не становится оттого изобильней. Рыночная ценность продуктов оленеводства, как видим, тоже не велика, особенно взятая сравнительно с величиной оленьего стада. Это оленеводство есть пока только туземный промысел местного значения.

Но возможности оленеводства, как отрасли животноводства, гораздо шире; самый характер его использования на Камчатке показывает, в каком направлении оно могло бы развиваться с наибольшим эффектом. Олень, как мясное животное, вот что вызвало к жизни аналогичную промышленность на Аляске и что способствовало ее быстрому росту.

Несколько тысяч оленей составляли здесь живой инвентарь этого хозяйства 25 лет назад; теперь оленье стадо

*) Д. Дмитриев, *Северное оленеводство и его экономика*, Северная Азия. V - VI, Москва, 1925, стр. 105 - 114.

достигло 270 - 300.000 гол., не считая 100.000 оленей, убитых на мясо. Не только местные эскимосы приохотились к этому хозяйству, но и появились частные предприятия, работающие на этом поле; дело дает прибыль благодаря высоким, в 4—5 раз больше, чем на русском севере, ценам на оленье мясо, находящее усиленный спрос в лагерях золотоискателей.*)

Нельзя, однако, ограничиться более широким, чем ныне, использованием оленя, как мясного животного: недостаточно найти выгодный рынок для оленьего мяса, и было бы пагубно начать убой оленей напропалую для такой цели. Необходимо позаботиться об увеличении продукции оленеводства, начав с источника, необходимо, след. охранить от естественного уничтожения оленье стадо и способствовать его росту. Приемы рационального животноводства, примененные для этой цели американцами, организация у них же ветеринарной помощи составляют интерес аляскинского оленеводства, источник необычайного прогресса в этом хозяйстве.

То и другое должно составить предмет инициативы и заботы со стороны государства, имеющего организовать на северо - востоке несколько оленеводных станций и ферм, как для теоретического изучения этой отрасли хозяйства, так и в показательных целях.

Здесь легче, чем на Аляске, могли бы появиться и оленеводные фермы и мясоконсервные заводы; необходимо только, чтобы Камчатка была поставленна не в хвосте мероприятий по оленеводству, как сейчас, а во главе. Тогда ее оленный капитал не будет, как теперь, лежать втуне или даже гибнуть.

---

*) Seymour Hadwen and Lawrence Palmer, *Reindeer in Alaska*, Washington, 1922, p. 1-4.

Глава II.

Рыбопромышленность.

I.

Рыболовство на северо - востоке, в противоположность охотничьему и в частности пушному промыслу, лишь недавно получило промышленное значение; еще в первое десятилетие нашего века в Европейской России не имели представления о камчатский кете и кетовой икре, смотря на первые появившиеся образцы того и другого, как на диковинку.

Понятно, почему рыбные богатства Камчатки, быстро поставившие ее в число русских лучших рыболовных районов, долго, два столетия, лежали под спудом.

Завоевавшие север казаки не могли быть удивлены обилием рыбы: они привыкли к подобному богатству сибирской природы, познакомившись с большими реками, как Амур, или озерами, как Байкал; стоит припомнить, как в XVII в. говорил об этих богатствах сосланный в „Даурию" протопоп Аввакум, не забывавший отметить их среди рассказа о злых бедствиях, претерпенных им от воеводы - Пашкова.*) Скорей казаков могло изумить, что жившие среди рыбного изобилия камчадалы время от времени голодали, что происходило и от недостатка рыбы во время ее „недоходов" и от крайней простоты способов лова. Как ни старинны, кажется, приемы лова, практикуемые туземцами сейчас, но даже ими они, туземцы, обязаны культурному влиянию казаков.

Простота туземного рыболовства, естественная в условиях рыбного изобилия, не останавливала внимания первых бытописателей севера. Но заготовка этой рыбы, говорившая о другом свойстве здешней жизни, ее крайней бедности, поразила даже видевших виды камчатских завоевателей: уже Атласов (начало XVIII в.) отметил варку рыбы в воде, лишь разогретой раскаленными камнями, „смрадный," невыносимый для русского человека дух от такой рыбы и рыбный

---

*) А. К. Бороздин, *Протопоп Аввакум. Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII в.* Петербург, 1900, стр. 69 -72.

запах самих туземцев.*) Такое рыболовство не могло прийтись по вкусу русским пришельцам, избалованным у себя на родине хорошим рыбным столом.

Северо-восточные воды не богаты породами рыб, но зато те рыбы, которые им свойственны, плодятся здесь в необычайном изобилии. Лососевые являются главной промысловой рыбой и составляют славу Д. В. рыбопромышленности. Они представлены горбушей, которую еще так недавно не ценили вовсе и на которую обратили внимание с исчезновением более ценных рыб, кетой летней и осенней (по местному „хайко“), красной рыбой, семгой (ее немного), кижучем и чавычей, отличающейся большими размерами и превосходным качеством (недаром ее американцы называют king salmon, лососевый король).**)

Различие между породами лососевых на Камчатке соответствует зоологическим различиям вида Salmo Oncorhynhus: S. gorbuscha, S. nerka, S. keta, S. kisutsch, S. tschavytscha.

И. И. Кузнецов так определяет соотношение их добычи в главных районах Охотского, Запад. Камчатского и Вост. Камчатского побережья в %.***)

Породы	1920 г.			1922 г.		
	О.	З. К.	В. К.	О.	З. К.	В. К.
Чавыча	–	0,1	1,5	–	–	–
Кета	50,16	38,8	27,4	77,6	8,2	17,4
Горбуша	49,82	58,2	0,8	22,25	90,1	1,2
Красная	0,01	2,5	46,5	0,1	1,6	74,4
Кижуч	0,01	0,4	23,8	0,05	0,1	7,0

Лов лососевых имеет промышленное значение; но туземцы ловят, кроме того, и другую рыбу, которая идет на

*) Огороднпков, *Очерк заселения Сибири до начала XIX стол.* ч. II, в. I, Владивосток, 1924, стр. 110.

**) Для общей характеристики рыб Камчатки с научно-промысловой точки зрения см. В. Бражнпков. *Рыбная промышленность на русском Дальнем. Востоке.* Рус. Дальн. Вост. I-II. Токио, 1920.

***) См. статью И. И. Кузнецова в „*Рыбних и пушных богатства Д. В.* цит. соч, стр. 136.

их личные потребности: таковы гольцы, напоминающие форель,—лов, благодаря которому туземцы получают свежую рыбу как раз, когда у них истощаются запасы пищи, т. е. весной; во всякое время года ловятся уйки,—мелкая рыбешка в массах выбрасываемая волнами прямо на берег.

Мог бы иметь промышленное значение лов таких рыб, как сельдь и треска. Сельдь, замечательная по питательности, промышляется только несколькими рыбалками около Петропавловска, а треска, место размножения которой находится около м. Лопатка, не промышлялась до сих пор вовсе, местная рыбопромышленность пока не имеет опыта в этом деле.

Вся рыба, живущая в северо-восточных водах, можно сказать, не вмещается реками: надо видеть ее, хотя бы на небогатой ею реке, что при этом происходит: рыба с шумом движется по реке, бьется среди ей подобных о мелкое дно, выбрасывается из воды, перескакивает заграждения, построенные для лова; в водах реки только рыба и рыба, которую можно не только хватать багром, но и черпать ведрами.

II.

Лососевые распространены по всему северо-востоку, как в Охотском море, так и в Тихом океане, начиная от м. Лопатка и южней и кончая Беринговым прол. По численности, естественно (как мелкая рыба), преобладает горбуша, что можно сказать про все районы; но некоторые районы, кроме того, можно обозначить, как горбушечьи по преимуществу: таковы Западно и Восточно-Камчатский берега в их северных частях. Наоборот, о чавыче можно сказать, что это наименее (исключая семгу) распространенная рыба, попадающаяся больше по Восточному берегу, особенно в районе Усть-Камчатска. Остальные породы заходят во все реки; некоторую особенность представляет красная рыба, предпочитающая для икрометания реки, вытекающие из озер, как Курильское, Нерпичье, Палланское и другие более мелкие.

Есть некоторая разница во вкусовых качествах одной и той же рыбы в зависимости от места, где она плодится, напр. лучшие экземпляры кеты добываются в Охотском и

Анадырском районах, и вообще, северная кета по качеству приближается к аляскинской, что находит объяснение в характере планктона у этих берегов.

По численности добычи всей рыбы, с возникновения камчатского рыболовства на первом месте стоял Восточный берег; теперь он начал уступать первенство Охотскому и отчасти Западному берегу, где рыбопромышленность стала развиваться позже других районов.

Если за хорошую реку принять дающую около 200.000 шт. добычи, то наиболее богатыми рыбой окажутся следующие реки.

Восточно - Камчатский берег: Анадырь, Кичига, Карага, Ука, Шемлячик, Налачева.

Западно - Камчатский берег: Паллана, Облуковина, Ича, Воровская, Кихчик, Голыгина.

Охотский берег: Туманы, Иня, Кухтуй, Ульбея.

Реки Камчатка, Большая, Охота дают рекордные цыфры лова: на Охоте свыше полмиллиона шт.

Промышленное рыболовство, возникшее на северо - востоке всего двадцать лет назад, сразу получило, благодаря притоку японских капиталов, такой размах, что уже скоро почувствовалась угроза сохранению рыбных богатств, которые в начале казались неисчерпаемыми. С аналогичным результатом экстенсивного лова встретилась американская рыбопромышленность на Аляске, существующая там несколько дольше, чем на Камчатке. Сравнивая это явление с гораздо большей устойчивостью пушного промысла, не следует удивляться, что рыбопромышленность оказалась в менее выгодном положении, чем охота на зверя.

Там, в пушном промысле, ловом занималась численно ограниченная группа туземного населения, применяя несложные приемы и преследуя одну цель: несколько увеличить свои скудные доходы. Здесь, в рыбопромышленности, работают капиталистические предприятия, имеющие рабочих чуть не больше, чем все камчатское население; здесь применяются самые совершенные способы лова и, как во всяком капиталистическом предприятии, владельцы стремятся к безпредельному расширению продукции. Удивительно ли, что одинаковый результат получился в одном случае через 200 лет, а в другом через 20?

Что рыбный промысел, быстро достигнув высшего развития (во время войны), затем стабилизировался примерно в нынешних размерах, сомневаться не приходится.*)

Добыча рыбы по районам в штуках

(морские участки)

Районы	1910 г.	1913 г.	1917 г.
Охотский	86.595	895.962	3.256.277
З. Камчатский	14.569.167	31.014.176	76.499.581
В. Камчатский	3.086.189	9.615.641	5.752.665
Всего	17.741.951	41.525.779	85.508.573

районы	1920 г.	1922 г.
Охотский	7.145.552	3.584.970
З. Камчатский	56.221.471	73.473.943
В. Камчатский	11.687.654	4.530.748
Всего	75.054.677	81.589.661

(речные участки)

Районы	1910 г.	1913	1917 г.
Охотский	-	599.522	1.378.313
З. Камчатский	1.256.400	2.522.750	17.179.808
В. Камчатский	-	2.306.654	2.042.555
Всего	1.256.400	5.158.926	21.200.676

*) О рыбопромышленности на северо-востоке написано много статей и отдельными авторами и в официальных изданиях статистического характера. Из первых наиболее авторитетны для нашего времени М. С. Алексин. *Положение рыбопромышленности в водах русского Дальнего Востока.* Владивосток. 1923. П. А. Русанов. *Краткий очерк Д. В. рыбопромышленности.* Эконом. Жизнь Приморья, 3-4, Владивосток, 1924:

районы	1920	1922
Охотский	1.582.375	1.857.020
З. Камчатский	17.539.277	17.125.530
В. Камчатский	1.834.724	2.576.868
Всего	20.956.376	21.559.418

Всего по морским и речным участкам

18.998.851 (1910), 46.684.705 (1913), 106.709.199 (1917), 96.011.053 (1920), 103.149.079 (1922).

Оценивая эту статистику, надо иметь в виду, что она вообще неполна, потому что учет добычи ведется более точно только последнее время. Рост добычи, как видно, идет за счет увеличения лова горбуши, преобладающей в Запад. Камчатском районе, т. е. рыбы мелкого веса и низкого качества.

Сокращение рыбных богатств в северо-восточных морях станет ясней, если посмотреть на рост рыбной продукции, взятой в пудах, в пределах Д. В. вообще.

16.457	тыс. пуд	1923 г.
14.279	„ „ „	1923 „
11.477	„ „ „	1924 „
16.271	„ „ „	1925 „
12.965	„ „ „	1926 „

Из этих 13 мил. пуд. рыбы около 10 мил. приходится на долю охотско-камчатских вод (считая вместе товарную продукцию и потребление населения). В прежнее время эта доля была соответственно больше. Кроме того, в общей массе рыбной продукции начинает играть роль другая рыба (напр. сельдь), кроме лососевых, число которых, наоборот, уменьшается.**)

Но имеются более явственные признаки падения промысла. Замечено (что можно объяснить биологическими особенностями лососевых), что за годом удачного промысла следует три года слабого промысла. Ослабление промысла

*) М. С. Алексин, цит. соч. стр. 116 - 131.

**) Б. А. Редько. *Рыболовное хозяйство Д. В. края*, Эконом. Жизнь Д. В. 10 и 11, Хабаровск, 1926.

постепенно принимает форму недоходов рыбы, чем чаще, тем грозней: в этом отношении особенно памятен 1925 г., когда некоторым селениям вместо обычного изобилия пришлось ограничиться тысячами и даже сотнями штук кеты.

III.

Способы рыболовства весьма разнообразны в зависимости от того, кто их применяет: туземец ли, техника которого восходит в лучшем случае к XVIII в., рыбопромышленник ли, готовый поднимать рыбу тралами хоть со дна морского.

Туземец знает два основных способа рыболовства: „запор“ и сетку. Река перегораживается сооружениями из прутьев и кольев, рядом „морд“ (корзины), ниже которых поставлены „колпаки“ (решетки); рыба, пропущенная в отверстия запора, вспугивается при помощи особого шеста и наполняет ловушки, вот и весь запор, нехитрое сооружение, требующее минимальной энергии со стороны человека. Тип запора неодинаков, есть и более простые, применяемые на мелких речках, попросту перегораживаемых от берега до берега; пропущенная рыба вытаскивается багром или прямо подбирается руками, когда вода спадает при отливе.

Применение сетки требует больше труда со стороны ловца; этот способ более современный, хотя и на нем заметны следы старины: еще недавно были в ходу самодельные сетки из крапивы.*)

В местах усиленного лова, как в Усть - Камчатске или Охотске, где жители, особенно русские, заинтересованы в наибольшей добыче, конечно, старинные приемы непригодны. Там ловец работает неводом обычного типа: невод стоит несколько сот рублей, для невода нужна группа товарищей; этот промысел является организованным предприятием, которое под силу только зажиточному хозяину или артели.

Население, безразлично, как бы оно ни ловило, ведет промысел только на реках, т. е. в более благоприятных условиях, в смысле простоты приемов.

Рыбопромышленники также стремятся работать на ре-

*) О туземных приемах рыболовства рассказывает в своем общем очерке Комаров, *Путешествие по Камчатке*. Камчатская экспедиция Ф. П. Рябушинского, Ботан. отд. Москва, 1921.

ках; но главная часть добычи получается не здесь, а в море, т. е. на берегу, прилежащем к морю, что собственно и представляет „морской участок".

Условия рыболовства тут совершенно иные, чем в реках: оно может вестись лишь как капиталистический промысел, располагающий достаточным рыболовным снаряжением и технически опытными рабочими. Рыбопромышленник должен обладать „кунгасами" разных размеров для перевозки рыбы к берегу. На крупной рыбалке, где приходится работать быстро, кунгасы подвозятся катерами. Трудность выгрузки и погрузки с парохода, обслуживающего рыбалку, и обратно на него (немалая трудность в тех местах, где пароход принужден останавливаться далеко от берега или где перед устьем реки расположился бар), заставляет подумать о выгрузочных приспособлениях, каковых на севере нет нигде. Лишь в некоторой степени этот недостаток возмещается применением при выгрузке и погрузке крытых железных барж; ктому же они встречаются лишь в крупных предприятиях. Итак, морская рыбалка прежде всего должна обладать перевозочными средствами, начиная от кунгаса и кончая пароходом.

Лов производится неводом, который либо приобретается в готовом виде, либо вяжется рабочими из запасенной дели и прядева. На Камчатке получил известность „ставной" невод, способствующий лову рыбы в большом количестве и наверняка. Значение этого невода вызывало разногласия среди знатоков дела: в то время как лов при помощи этого невода признавался обычно хищническим, иной взгляд был высказан Т. М. Борисовым.*)

Ставной невод—слишком характерный способ лова, чтобы не вызвать энергичного осуждения или наоборот горячей защиты, в зависимости от точки зрения, с которой рассматривается вопрос о пользовании им. Менее бросается в глаза, но, видимо, очень способствует усиленному лову применение „дельфинов," сверкающих поплавков и т. под. приспособлений, пугающих рыбу и загоняющих ее в невод.

Несомненно, способы, практикуемые рыбопромышлен-

---

*) Т. М. Борисов. *Ставной невод.* Владивосток, 1923.

никами, имеют в виду одну цель: возможно более экстенсивный вылов рыбы, и трудно ожидать, чтобы при некультурности местного предпринимателя, при том иностранца или его ставленниика, могла приниматься во внимание необходимость более бережного отношения к промыслу, как национальному богатству. Нет принципиальной разницы между обдуманными ухищрениями рыбопромышленника, располагающего ставной невод в устье реки, или примитивными сооружениями жителя, перегораживающего реку запором. Туземный ловец, пожалуй, даже оказывается предусмотритрительней русского промышленника, так как первый все - таки открывает свой запор, чтобы пропустит часть рыбы для икрометания.

Рыбалка пользуется наемными рабочими, от нескольких десятков до нескольких сот человек; конечно, есть также множество микроскопических предприятий, обслуживаемых единицами рабочих. Наемный труд на камчатских рыбалках отличается особенностью, могущей представить государственную опасность: отсутствие технически подготовленного кадра русских рыбаков заставляет пользоваться услугами японцев даже на русских предприятиях, не говоря уже об японских рыбалках, где применение своего национального труда представляет обусловленную договором привилегию этой рыбопромышленности. Кроме большой привычки японцев к морскому рыболовству, пользование именно этой рабочей силой является соблазнительным из - за ее дешевизны. Кроме японцев, рыбопромышленники нанимают также корейцев, в смысле технической выучки стоящих далеко ниже японцев; при найме их играют роль лишь соображения большей эксплоатации труда.

Число иностранных рабочих на Камчатке в рыболовный сезон доходит до 26 - 28.000 ч., немногим меньше, чем все камчатское население. Русский рабочий, и без того находящий здесь лишь ограниченный спрос, ставится в невыгодные условия конкурренции с менее притязательным и более дешевым трудом, а край, который так нуждается в колонизационном элементе, хотя бы не постоянном, получает его с чужой, не русской стороны.

Не следует преувеличивать технической сложности промышленного рыболовства сравнительно с туземными. Ры-

боловное предприятие живет только в промысловый сезон; рыбалки оборудуются большей частью наспех и легко; о сходстве рыбопромышленников и жителей в смысле хищничества способов лова уже сказано; рабочие, наполняющие рыбалку летом, исчезают, не оставляя никакого следа зимой. Техническая бедность особенно чувствуется на малых рыбалках, каких большинство, и в частности на русских предприятиях, независимо от их размера. Наскоро сколоченные бараки для рабочих и сушилки для рыбы попадаются в лучшем случае; большей частью о существовании промысла дают знать только шалаши из соломенной плетенки, которая идет на упаковку рыбы. Русская рыбалка, преимущественно приобретающая рыбу от населения и, след. не слишком нуждающаяся в рабочей силе, прямо удивляет своими безлюдьем.

IV.

Обработка рыбных продуктов—больное место северной рыбопромышленности: туземное население применяет архаические приемы, дающие вместо питательного продукта мало пригодную и, возможно, небезвредную пищу; рыбопромышленники, в частности японцы, заготовляют рыбу способом, также лишающим ее доброй доли питательности.

Туземцы в своем искусстве чуть двинулись вперед сравнительно с временами Атласова. Если оставить в стороне заквашивание рыбы в земле, что имеет особое назначение (корм для собак), и скверную засолку ее, в результате чего получается полугнилой продукт, удовлетворительный для очень невзыскательного местного вкуса, то главным видом туземной заготовки окажется „юкола,“ получаемая сушением на солнце очищенной от внутренностей рыбы; такая рыба, покрытая мухами и червями, имеет весьма непривлекательную внешность; питательность ее, когда она примет более съедобный вид, очевидно, невелика, так как пластинка юколы сохраняет всего $^1/_8$ живого веса. Такая заготовка никакого промышленного значения не имеет, ее цель исключительно туземное потребление.

Засолка рыбы, даже по упомянутому способу, составляет принадлежность немногих зажиточных и трудолюбивых туземцев. Населению причиняет хлопоты еще одна

сторона промысла—добыча икры; с ней разделываются просто, или выбрасывая ее совершенно, или оставляя в засушенном виде для собак. Так поступают с продуктом, который при хорошей обработке на русском рынке превышает ценность самой рыбы в 5 - 6 раз.

Немногим лучше производится заготовка рыбы у промышленников. Даже засолка рыбы „русским способом“ уступает посолке в тузлуке, как это принято на промыслах Европейской России. Что касается икры, то она прямо портится вредными примесями; нехитрое искусство ее засолки свойственно не каждому рыбопромышленнику. В общем заготовка рыбы и икры по русскому способу, не отличаясь по существу от распространенных способов засолки, дает на Камчатке продукт, который оставляет желать лучшего. Однако важно не это: лишь небольшая часть заготовки ведется таким способом, преобладает способ гораздо более несовершенный, т. наз. японский засол.

Этот засол расчитан на бедного и невзыскательного японского потребителя, для русского рынка он не годится. Засолка рыбы делается прямо на земле, а при особой спешке даже в кунгасах, что, впрочем, не разрешается правилами. Один ряд рыбы пересыпается солью, покрывается другим рядом, с которым делается то же, до тех пор пока на берегу не выростет один за другим несколько штабелей рыбы. Эта заготовка, предохраняя продукты от порчи, консервируя его, не способствует однако удержанию в нем жировых веществ, просачивающихся на землю, и продукт, след. много теряет в питательности, не говоря уже о том, что такая рыба грязна и неудобна для перевозки. Можно сказать, что подобный способ засолки недалеко ушел от того, каким приготовляется юкола.

Икра тоже может консервироваться японским способом, т. е. без применения тузлучного рассола; она заготовляется в ящиках и дает продукт, качество которого почти аналогично рыбе, засоленной тем же способом. У японских рыбопромышленников не было однако охоты даже к такому простому использованию икры, и до последнего времени они, а следом за ними и русские промышленники просто ее выбрасывали, как ненужную добычу. Лишь недав-

но японский рынок заинтересовался ею, и японские промышленники обратили внимание на эту добычу.

В японском производстве есть также более ценная часть: это улучшенный засол „аромаки,“ тот же сухой посол, но производимый в ящиках, что позволяет производить потом перемывку рыбы. Заготовка аромаки успешно практикуется с недавнего времени и находит все увеличивающийся спрос на японском рынке.

Как увидим ниже, и русский засол и аромаки составляют лишь небольщую часть всей продукции. Понятно, как отражается это на народно-хозяйственном значении рыбопромышленности. Между тем даже улучшенные способы, русский и аромаки, не в состоянии извлечь из этой промышленности всего, что она может дать: полноценный продукт может быть получен лишь с увеличением в ней консервного производства, что отчасти имеется и сейчас.*)

На Камчатке есть очень мало русских консервных заводов (из них получили известность б. заводы Демби и продолжающие существовать заводы Грушецкого) и гораздо больше, но все-таки слишком мало, сравнительно с размерами местной промышленности, японских заводов (31).

Рост консервного производства выражается так.

	1910 г.	1913 г.	1918 г.	1920 г.
Число заводов	1	11	12	24
Число ящиков	700	75.074	271.769	534.490

В 1922 г. действовали 19 заводов, и было выработано 718.220 ящ. По породам рыб выработка была такова.

Чавыча .... 332 ящ.
Красная 538.587
Кижуч 51.493
Кета 24.194
Горбуша ...... 103.614 **)

*) О приемах консервирования см. John Cobb, *Canning age*, Seattle, 1922, где говорится об американском рыболовстве. Существо приемов остается неизменным и на русском побережьи, разница только в техническом совершенстве.

**) М. С. Алексин, цит. соч. стр. 81.

Заготовка рыбы в жестяночных консервах производится на консервных заводах обычного типа: главная часть консервного производства—варка рыбы в автоклавах, число и качество которых определяют масштаб выработки. Есть заводы, где все операции, начиная от резки рыбы и кончая укупоркой жестянок, механизованы, как есть и заводы, где $^{4}/_{5}$ работы производится вручную. Соответственно различается и качество консервов: в то время как лучшие заводы выработывают продукт, который с успехом идет на австралийский и даже английский рынок, добрая часть японских заводов заготовляют консервы, так плохо укупоренные (а след. и скоропортящиеся), что они оказываются пригодны только на удобрение для полей.

На тук идут отнюдь не бракованные консервы: просто оказывается выгодным изготовлять столь низкопробный продукт. Наоборот, вследствие обеднения иностранного потребителя, лучшие консервные заводы принуждены были прекратить выпуск высшего сорта консервов („red“) и ограничиться средними сортами.

При всем том консервное производство составляет существенную часть рыбной продукции: количеством значительно уступая японскому засолу, по ценности оно представляет чуть не $^{1}/_{2}$ народно - хозяйственного дохода от рыболовства. Аналогичное положение занимает в этой промышленности заготовка икры, на которую русский рынок (европейский) стал предъявлять неимоверный спрос, в результате чего цены на нее возрасли до спекулятивных размеров (40 - 60 руб. за пуд против 8 - 12 руб. обычных для местного рынка).

Есть, наконец, еще способ заготовки, которому, несомненно, принадлежит будущее; высококачественный продукт, получаемый при этом, требует весьма сложного оборудования; это заготовка рыбы в мороженом виде на рефрижераторах. Рыба замораживается на особых пароходах, снабженных устройством, которое искуственно понижает температуру. Такие рефрижераторы успешно работают в Николаевском н/А районе; то же могло бы быть и в других местах севера, если бы здешняя промышленность не была отсталой; этот способ применялся на Камчатке лишь в одном месте.

Следует отметить, что им заинтересовались американ-

цы, заготовившие в таком виде однажды несколько десятков тысяч чавычи (Усть - Камчатск). Недостатком замораживания, помимо дороговизны рефрижераторов, является их малая емкость: они принимают не более 100.000 шт. рыбы каждый.

Общая продукция рассматриваемой рыбопромышленности определяется около 8.000.000 пуд. на сумму 35.000.000 руб. (туземное потребление не включается). По способам обработки она распределяется в °/₀ так.

Русский засол	11
Японский	57
Аромаки	10
Морожен. рыба	7
Консервы	12
Икра русская	1
Икра японская	2
	100°/₀

Приведенная таблица отчетливо показывает, насколько ценность рыбопромышленности понижается в зависимости от господства японского засола и повышается при консервном производстве. Стоимость первого (57 °/₀) - около 20 мил. руб., второго (12 °/₀) - около 15 мил. руб.

V.

Северная рыбопромышленность находится в зависимости от японцев, не только как от непосредственных в в ней участников, но и как поставщиков рыболовного снаряжения и припасов, совершенно естественное явление для японских промышленников и довольно понятное для таковых же русских, являющихся японскими агентами.

Кроме причины финансовой, тут действует однако и техническая: совершенно невозможно оборудовать рыбалку, пользуясь только русским рынком. До 1923 г. русский рыбопромышленник закупал в Японии все, до последней доски включительно. Порт Хакодате был не только центром сбыта рыбы, но и местом, где закупалось рыболовное снаряжение и товары, потребные для торговли с жителями Камчатки (при обмене на рыбу).

Японцы имеют право ввозить на свои рыбалки имущество, необходимое для промысла, в том числе и товары,

потребные для покупки рыбы у жителей. Последнее обстоятельство дало им, а также русским рыбопромышленникам, возможность расширить свою деятельность в несвойственную им сторону: безпошлинно ввозить японский товар оказалось выгодно для торговли с жителями, независимо от надобности рыболовства, напр. для скупки пушнины, тоже производящейся нелегально. Рыбалка становится, след. какой-то лавкой со всеми приемами северной торговли, к невыгоде и государства и населения. В числе товаров, ввозимых на рыбалку, конечно, оказывается японский спирт: он, правда, плохо очищен, но дешев неимоверно (полуведерная банка—иена) и проникает таким путем к туземцам в ужасающем количестве.

Все попытки пресечь подобную торговую деятельность рыбопромышленников тщетны, пока они снабжают промысел исключительно с помощью японского рынка. Перемена в этом отношении оказалась возможной только после 1923) г., когда открылась возможность пользоваться русским рынком.

Последний, конечно, не в состоянии снабдить промысла техническим имуществом: кунгасами, неводами, делью, прядевом; но русские товары могут завозиться на равных условиях с японскими, т. е. безпошлинно, качество же их много выше японского, и население это ценит. Важнейший предмет снабжения промыслов—соль, которой требуется приблизительно на 1.000.000 руб. для русских рыбалок и на 2.000.000 руб. для японских, представилось возможным доставлять из Крыма; высказывались, правда, сомнения о возможности замены ею японской соли по техническим причинам, но эти предположения не оправдались: русская соль оказалась пригодной, и потребляется сейчас на русских рыбалках в количестве до 500.000 пуд.*)

VI

Постепенное уменьшение добычи лососевых, чаще и чаще повторяющиеся недоходы, пример Америки, давно обращающей внимание на искусственное размножение рыбы, все это заставило также на Камчатке сравнительно рано подумать об увеличении рыбозапасов только что упомянутым путем. При двух крупных консервных заводах (Демби

*) Воротников, *Соль и Д. В. рыбопромышленность*, Эконом. Жизнь Д. В. 5, Хабаровск, 1925.

й Грушецкого) существовали и рыборазводные заводы, где выращивались полученные искусственным оплодотворением „мальки.“ Это дело, как новое, тогда больше вызывало разговоров, чем применялось на практике; заводам не уделяли достаточно внимания, и были даже случаи гибели мальков; наконец, и размеры рыборазведения были не настолько велики, чтобы повлиять существенно на увеличение рыбозапасов: выпускались сотни тысяч, даже по миллиону мальков, что значило это в сравнении с выловом миллионов и десятков миллионов взрослой рыбы!

Как бы ни было, в рыбопромышленности, не в пример охотничьему промыслу, проблеме продукции было уделено внимание с обеих сторон: и в смысле исчерпания существующих богатств и создания новых. Однако интенсификация промысла перешла на более реальную почву, лишь когда за рыборазведение взялось государство, справедливо полагая, что это дело не должно зависеть от щедрости рыбопромышленников. Кроме того, трудами специалиста по рыборазводству И.И. Кузнецова, оно поставлено на иных началах и технически: рыборазведение в бассейнах заменено закладкой икринок в сухом грунте, в условиях наиболее близких к естественному размножению. Дешевизна нового способа позволила выставить более широкую программу: выпустить 25.000.000 мальков.*)

Размер вылова рыбы у разных производителей и на разных промыслах весьма неодинаков. Здесь приходится различать туземного и русского добытчика, русского и японского промышленника.

Туземец преимущественно ловит для собственного потребления, а потребности его хозяйства одинаковы у всего местного населения. Вылов рыбы определяется не столько энергией туземца (она очень мала), сколько числом душ в его семье. В зависимости от сочетания того и другого, плохой, средний, хороший ловец заготовляют:

1) 1000 - 1500 юкол, II) 2000 - 2500, III) 3000 - 4000.

Население также сдает рыбу на промысел; эта сдача носит более или менее спорадический характер, производит-

*) См. статьи И. И. Кузнецова в Рыбных и пушных богатствах Д. В., цит. соч. и в Трудах Тихоокеанской научно-промысловой станции, т. 1, Владивосток, 1927.

ся, если есть время и потребность в товарах, и выражается в несколько десятков, много сотен шт. на хозяина. В местах, где имеются богатые промыслы, туземцы ведут более экстенсивный лов, приближаясь к русским добытчикам, но никогда с ними не сравниваясь.

В иных условиях работает русский ловец, старающийся добыть сколь можно больше: предел ему ставится только напряжением человеческого труда и продолжительностью хода рыбы. Плохому ловцу тут нечего делать; он не окупит расходов по своей поездке на север, если он приезжий, а будь он местный житель, ему нет расчета лениться, так как других источников пропитания у него не окажется: охота доступна не всем. Добыча русского ловца выражается:

I) 2000 - 3000 шт., II) 3000 - 5000.

Последние из приведенных цыфр носят рекордный характер и достижимы для русского ловца в особо изобильных рыбой местах, ках - то: Усть - Камчатске, Большерецке, Охотске. Такой ловец—зажиточный хозяин, имеющий хорошее снаряжение и достаточно работников в семье. Его лов составляет переход к промыслу, осуществляемому с помощью наемной рабочей силы.

Только формальный признак отделяет крупного добытчика от мелкого промышленника, и последний, связанный по рукам и ногам кредитующим его капиталом, порой оказывается в менее выгодном положении, чем трудовой добытчик. Север был преимущественно сферой деятельности средних предпринимателей, которые в революционное время порастеряли и имущество и кредитоспособность. С другой стороны, в то же время в рыбопромышленность хлынула масса совершенно безденежного люда, соглашающегося на кредит при самых жестких условиях. Если говорить о русских рыбопромышленниках, то Камчатку можно характеризовать, как страну мелкой, иногда прямо микроскопической промышленности. Разве только государственные промыслы можно признать крупными, и то не везде; дающие добычу в 300 - 500.000 шт. участки известны наперечет и расположены в не раз упомянутых выше реках. За ними идет какой - нибудь десяток частных промышленников, добывающих по 150 - 200.000 шт., но господствует масса промышленников, вылавливающих 20 - 30.000 шт., редко их

добыча превосходит 50 - 60.000 шт., зато часто спускается до 10.000 и даже 5.000 шт.

Размер добычи мелкого предпринимателя, стало быть, колеблется, что обусловлено не различием в средствах, близких у всех них к нулю, а сравнительным богатством районов.

По этим последним продукция мелкого предпринимателя различается так.

Район	Добыча
Анадырский	5 - 10.000 шт.
Петропавловский	40 - 60.000 шт.
Палланский	20 - 30.000 шт.
Большерецкий	20 - 30.000 шт.
Гижигинский	10 - 20.000 шт.

В Охотском, Ичинском, Карагинском районах находятся промысла с большей добычей: 60 - 100.000 шт., т. е. приближающиеся к средним.

Размер добычи зависит от естественных (мощность реки) и экономических условий (капитал промышленника). И.И. Кузнецов, исходя из данных за 1920 - 1922 г., так определяет относительное богатство Д. В. районов в %.

Охотский	6,9
Гижигинский	0,3
Ичинский	18,55
Запад. Камчатский	63,20
Восточн. Камчатский	3,26
Карагинский	6,84
Олюторский	0,52
Юго - Западный	0,43
	100%

Японские промысла работают в большем масштабе, чем русские. Но и они не отличаются крупными размерами: рыбопромышленность не лишена спекулятивного элемента,— причина, препятствующая привлечению сюда солидного пред-

*) И.И. Кузнецов, цит. соч. стр. 135.

принимателя. Японская рыбопромышленность, за исключением нескольких, действительно, крупных предприятий, в основной массе является средней.

Размер добычи на той или другой рыбалке есть результат действия нескольких факторов; богатство самой реки, конечно, существенно влияет на добычу, но не одно оно: важны и техническое оборудование рыбалки и густота населения около нее (рыба не только ловится, но и скупается от жителей). Размер улова не совпадает с нормой улова; эта норма, которую стали с недавнего времени назначать рыбопромышленникам в целях сохранения природных запасов, устанавливается только в зависимости от естественного фактора, т. е. промысловой мощности реки; таким образом, норма улова отнюдь не определяет экономической ценности участка и в большинстве случаев ее преувеличивает.

VII.

Иная картина открывается, если от отдельных промысловых предприятий перейти к рыбопромышленному хозяйству в целом. Капитал, здесь работающий, показывает большую степень концентрации, что не только характерно для японцев, но даже замечается у жителей, у последних, конечно, в форме кооперативных объединений.

Кооперация сейчас пользуется усиленным покровительством государства; не мудрено, что является соблазн к созданию разных рыболовецких артелей, товариществ, по существу предприятий мелкого капитала, пользующегося кооперативной формой, как защитной окраской; с другой стороны, на Камчатке за революционный период утвердилась привычка строить кооперацию на пустом месте, без всякой материальной базы, пользуясь единственно кредитом от „казны." Таким образом, в рыбопромышленности известны и псевдо-кооперативные организации, состоящие на японском иждивении, как любая мелкая частная рыбалка, и аналогичные рыболовецкие кооперативы, род благотворительных учреждений, существующих по милости государства.

Кроме этих уродливых образований, в северной рыбопромышленности существуют и настоящие кооперативные объединения разного масштаба, начиная от рыболовецкой артели с несколькими членами и кончая такими богатыми

кооперативами, как Усть - Камчатский или Петропавловский, имевшими дела до сотни тысяч рублей.

Рыбный промысел сам по себе представляет благоприятные условия для развития кооперации: конечно, лучше ловить рыбу неводом, чем сеткой; но пользование неводом требует и накопления средств для его приобретения и объединения сил для работы на нем. Рыболовецких артелей на севере имеется очень много; одни составляются из местных жителей, преимущественно русских, другие комплектуются гастролерами, приезжающими на лето; одни обзаводятся бочками, солью, неводами, кунгасами, обращаясь в правильно организованное предприятие, другие в состоянии вложить в дело только рабочую силу; одни отправляют добытую рыбу самостоятельно во Владивосток или даже в Хакодате, другие, даже не засоливая рыбы, сдают ее на ближайший участок.

Города и поселки, как располагающие более значительным и более предприимчивым населением, естественно, стали центрами кооперированной рыбопромышленности, особенно Петропавловск. В нем работает старый кооператив, включавший в свое время на началах добровольного членства чуть не все городское население; около города создался ряд новых селений с русскими жителями, живущими исключительно рыбным промыслом (Калыгирь, Жупаново, Шемлячик); здесь же образовались крепкие и самостоятельные кооперативы, не уступающие по оборотам хорошим частным рыбалкам.

В японской рыбопромышленности численно преобладают средние предприниматели, но руководящее положение в ней занимают 5 - 6 акционерных обществ, обладающих капиталами по несколько миллионов иен, даже до десятка миллионов. Эти общества дают тон японской рыбопромышленной политике, регулируют цены на рыбные продукты, арендуют лучшие участки и обгоняют остальных предпринимателей числом промыслов.*)

До 1923 г, японский капитал, представленный как этими обществами, так и зависимыми от них предпри-

*) О современной японской рыбопромышленности см. Бонч - Осмоловский, *Японская рыбопромышленность в водах С.С.С. Р. по японским данным*. Бюллетень рыбного хозяйства. Москва, 1924. Вопрос о строении японского рыбопромышленного капитала освещен в русской литературе мало.

ятиями, в частности русскими, разделялся на две конкуррирующие группы, из которых во главе одной стояло общество Ничиро, а другой Хокуйо. Ничиро твердо стояло на всех лучших рыбалках Камчатки, располагая десятками участков, Хокуйо сосредоточивало свою деятельность преимущественно на Восточном берегу. Конкурренция Ничиро и Хокуйо не была случайным явлением. Японская рыбопромышленность вообще не богата капиталами и живет банковским кредитом: и средние промышленники и крупные общества в одинаковом положении; а эти банки в конце концов распадаются на две группы, одну, черпающую средства от землевладельческой аристократии, другую от финансовых дельцов, двух групп, контролирующих все народное хозяйство Японии. Позиция Ничиро, в связи с его крупной задолженностью и сжатием банковского кредита, ослабла, и этой организации пришлось примириться с появлением нового сильного конкуррента, общества Тайхоку, перебившего у Ничиро несколько богатых учатсков.

Японская рыбопромышленность связывается таким образом с японскими банками, а узлами, скрепляющими эту связь, являются упомянутые общества. Эти финансовые отношения разъясняют основную особенность камчатской рыбопромышленности: с одной стороны, в ней завязаны значительные капиталы, ее продукция превышает 30.000.000 иен, а все производство (с оборудованием) может быть оценено не менее, чем в 200.000.000 иен: с другой стороны, ее техническая установка несовершенна, порой примитивна, и в ней господствует средний предприниматель. Финансовый капитал ищет выгодного помещения безразлично где, а рыбопромышленность открывает ему дорогу: короткий оборот, значительная прибыль—ее несомненные плюсы а ее сомнительность такой же минус. Рыбопромышленный капитал—по существу спекулятивный, ему нет дела до технического прогресса финансируемой отрасли хозяйства; равным образом, довольствуясь контролированием зависимой от него промышленности, он не заинтересован в том, чтобы работать в ней непосредственно и предоставляет эту роль промышленникам - специалистам.

Советский период принес новую промышленную силу: государственные комбинированные рыбные предприятия,

и первым из которых было уже известное нам Охотско - Камчатское акционерное рыбопромышленное общество (Окаро), а вторым комбинат в составе государства и промышленника Люри (Дальморепродукт), теперь распавшийся.*)

Они выставили широкую программу, расчитанную на будущее; ее выполнение произвело бы, действительно, переворот в здешней рыбопромышленности, развив в ней консервное производство и создав противовес японскому влиянию; для обеих целей необходимы были крупные средства, которых не оказалось, и пока дело вылилось в обычную форму речных рыбалок, производящих скупку рыбы одновременно с самостоятельной добычей ее,—полуторговое, полупромышленное предприятие, правда, крупного размера, благодаря захвату наиболее мощных участков.

Дальморепродукт, собиравшийся, как показывает самое название, эксплоатировать все продукты морского промысла, в том числе и охоту на морского зверя, распался, прежде чем успел приступить на Камчатке к осуществлению своих намерений; его деятельность сосредоточилась главным образом в Николаевском н/А районе. Единственным предприятием этого рода осталось Окаро. Оно организовано при помощи акционирования ряда дальневосточных государственных предприятий.

Состав Окаро не дает отчетливого представления о структуре его капитала: недостаток средств принуждает его искать финансовой поддержки там, где это делает вся северная рыбопромышленность, т. е. в Японии. Окаро кредитуется там более, чем на миллион иен, и входит в финансовом отношении в орбиту, в которой вращается японская рыбопромышленность.

Что же нового в конечном счете принесли эти рыбопромышленные предприятия? Произошла замена одних владельцев другими. Ни техника ни организация производства не изменились. Нова оказалась только роль, которую они стали играть в обмене: в скупке рыбы у жителей и сбыте рыбопродуктов на внешний рынок. Но тут мы входим в иной круг вопросов.

---

*) В. В. Кирьяков. *Охотско - Камчатское акц. рыбопром. о - во (Окаро).* Эконом. Жизнь Приморья, 9. Владивосток, 1924.

VIII.

Торговая деятельность входит, как неотъемлемая часть в состав работы северного рыбопромышленника: и при том не только в виде универсальной торговли, более или менее нелегальной, но и в виде скупки рыбы для дальнейшей обработки, что практикуется на каждом участке, а на многих составляет единственную работу.

Участки, сдаваемые правительством для нужд рыбопромышленности, разделяются на рыболовные и рыбозасольные, различие между которыми ясно из названий. Это разделение было одной из первых по времени форм, в которых выражалось стремление государства к регулированию лова: предполагалось, что хищническим порывам предпринимателя будет поставлена естественная граница, так как жители, которым теперь принадлежит право лова, менее склонны, чем частный предприниматель, к чрезмерной эксплоатации рыбных рессурсов; с другой стороны, ожидалось, что эта мера предотвратит конфликты между промышленником и населением, столь частые из-за использования рыбных угодий в интересах одного и во вред другого. Рыбопромышленник же, сидя на своем участке, должен был совершенствовать технику выработки рыбопродуктов. В предвидении таких успешных результатов, одно время даже ставилась задача: перевести все участки с рыболовных на рыбозасольные.

Эта бюрократическая идиллия осуществилась только в малой степени, принимая порой формы, которых сторонники упомянутого разделения участков отнюдь не предвидели. Конечно, на участке, функционирующем сколько нибудь нормально, действительно, производится скупка рыбы, что дает более или менее значительный заработок жителям; это справедливо для средней рыбалки, тем более имеет место на крупном промысле. Считается, что жители сдают русским промышленникам около 3.000.000 шт. рыбы, которая подвергается ими более или менее совершенной обработке.

Действительность часто открывает также иную картину. Засольный участок, являющийся агентурой соседнего

японского предприятия, принимает рыбу от населения лишь затем, чтобы в дальнейшем передать ее японцам, получая за это комиссионый %. Не говоря уже о том, что таким образом сводится к нулю рыбопромышленная политика, стремившаяся не допустить японцев в реки, посредничество засольного участка между японским предпринимателем и местным населением экономически весьма невыгодно для последнего: ссылка на организаторскую функцию русского промышленника не имеет смысла, так как часто вся его деятельность ограничивается голым фактом передачи рыбы.

Как далеко можно пойти в этом направлении, показывают такие случаи: бывало, что даже лов рыбы производился японскими рабочими, а группа туземцев, долженствовавшая изображать ловцов, жила на промысле, получала небольшую плату за поступавшую на рыбалку рыбу и от нечего делать пьянствовала.

Можно, след. признать, что засольные участки не осуществляют поставленной им цели и самая их идея скомпрометирована. Ничего, кроме дурной традиции, переходящей и к нынешним предприятиями, они не дают. Между тем работа предпринимателей на рыболовных участках заставила бы их ставить дело на промышленный лад или отказываться от их эксплоатации. Для борьбы с возможным при этом хищничеством арендаторов существуют более действительные меры, чем создание фиктивных предприятий.

Цены на скупаемую рыбу в общем всегда держались на высоком уровне, хотя их кривая имеет свои повышения и понижения. В дореволюционный период они не были слишком высоки, что вызывалось изобилием рыбы и малым на нее спросом; такая рыба, как горбуша, совсем не шла на рынок и прибавлялась жителями при сдаче как бы в презент рыбопромышленнику; так же смотрели туземцы на икру, хотя именно она вызывала интерес рынка. Во время войны начались поставки на армию, промышленники располагали деньгами, и цена еще поднялась.

С 1918 г. рыба пошла исключительно на японский рынок, так как связь с Европейской Россией утратилась. Японский предприниматель в то время был богат, имея в своем распоряжении груды обезценивавшихся русских де-

нег, и цены на рыбу могли оставаться на прежнем уровне, если не превысили его. Цена на главную промысловую рыбу, кету, установилась в 15 - 20 к.. за штуку, а красная расценивалась еще дороже: 20 - 25 коп. Уменьшение добычи заставило не пренебрегать и горбушей, цена на которую быстро достигла 3 коп. Депрессия на японском рынке, вызванная сначала общими причинами (сжатие банковского кредита), а затем токийской катастрофой, привела к понижению цен на рыбопродукты, что, впрочем, больше отразилось на условиях сбыта рыбы, чем на ее скупке. Составляя только часть общей добычи, скупаемая рыба, могла по прежнему расцениваться относительно высоко. Свой ущерб промышленник компенсировал другим способом, хотя бы высокой ценой на свои товары.

Практика установила простые соотношения издержек добычи и обработки, характерные для нормально работающего предприятия; сопоставление их с рыночными ценами показывает промышленнику, насколько он может быть щедр по отношению к населению. Производственные расходы составляют 10 к. на штуку, транспортные 5 коп., рыночная же цена на кету в японском засоле колеблется от 35 до 40 сен.; цены на скупаемую рыбу, существовавшие в революционный период были, стало быть, достаточно благоприятны для жителей и оправдывались лишь оживленной конъюнктурой рынка.

Население должно было приготовиться к тому, что его благополучию рано или поздно наступит конец; так и случилось, и это явление почувствовалось особенно остро на крупных промыслах, принадлежавших частным владельцам и перешедших в руки государства. Обезпечивая себя от возможного убытка, „Окаро“ даже перегнуло палку в другую сторону.

Движение цен на рыбу.

Породы	До 1917 г.	1917 - 1923 г.	С 1923 г.
Кета	10 - 15 к.	15 - 20 к.	8 - 12 к.
Красная	15 - 20 к.	20 - 25 к.	12 - 15 к.
Горбуша	1 к.	4 к.	3 к.

Регулирование цен на рыбу, чем ознаменовалось появление этих предприятий на Камчатке, было понятно и законно; ненормальна была лишь та высокая прибыль, которую хотели выколотить из населения новые предприятия, и были совершенно неприличны формы, в которых проявилось стремление этих предприятий к накоплению капитала.*)

Так на Усть - Камчатске промыслы Окаро ограничились чисто передаточной функцией: принятая от населения рыба немедленно поступала на участок японцев, предоставлявших для этого и транспортные средства и рабочие руки. Но рыба приобреталась от жителей по 18 коп. шт., а сдавалась японцами по 25 коп., пожалуй много, нельзя даже сказать, за комиссию, а лишь за присутствие в Усть - Камчатске.

Подобные приемы воскрешают худшие традиции рыбопромышленности и аргументируют в глазах японцев слабость государственной промышленности; на крупных промыслах, где труд населения раньше вознаграждался хорошо, как в частности в Усть - Камчатске, такая „промышленность“ порождает конфликты с населением и вызывает у него нелестное о ней мнение.

Положительной стороной этой торговой деятельности несомненно, является снабжение населения в обмен за рыбу товарами русского происхождения, в частности предметами питания, как мукой. Что преобладало в прежней торговле, мы уже знаем. Следует, кроме того, отметить качественное расширение скупки, поскольку было обращено внимание на засолку икры: 40.000 пуд. этой заготовки преимущественно падает на эти предприятия.

IX.

От скупки рыбы обратимся к ее сбыту. Она, как видно из предыдущего изложения, идет в Японию, где для такой торговли открыт порт Хакодате. Дважды в лето он наполняется русским людом: промышленниками, рабочими, чиновниками (рыболовный надзор); всюду слышится русская речь, увеселительные и питейные заведения кишат русскими посетителями; кроме разного рода скандалов, которые

---

*) Примеры ненормальных взаимоотношений между государственными предприятиями и населением приводятся Приморским губ. бюро проф. союзов, *Охотско - Камчатский край (труд и быт)*, Владивосток, 1925.

устраиваются русскими рыбаками во время попоек и гулянок которые доставляют немало хлопот японской полиции, русские проезжие оставляют здесь и более приятное воспоминание, затрачивая заработанные деньги, частью зря, частью на покупку заграничных вещей. Хакодате оживает во время рыболовного сезона, после чего принимает вид обычного японского города зимой.

Сбыт русской рыбы в Хакодате поражал своей неорганизованностью. Работая тут годы, а некоторые даже десяток лет, русские промышленники не только не имели тут агентур, но даже прочных торговых связей. Явившись с рыбой, ее хозяин лихорадочно ищет покупателя, должен заключить с ним сделку в несколько дней, пока стоит пароход; промышленнику спешно нужны деньги для расплаты с кредиторами в Японии, рабочими и казной во Владивостоке. В поисках покупателя, он готов бежать на базар и распродавать привезенную рыбу хоть по штуке. Японские скупщики знают тягостное положение продавца и всячески его прижимают.

Лишь несколько известных русских фирм имели в Хакодате постоянные конторы; государственная рыбопромышленность тоже завела тут свое представительство.

Скупщики рыбы в Хакодате держат ее на складах до конца года, с какого времени она собственно только и начинает требоваться рынком, и конечно, продают ее по цеане, много превышающей покупную (до иены за шт.) Этот момент выходит за пределы нашего изучения; достаточно знать, что рыночная цена рыбы, при покупке ее с пароходов, колеблется от 5 до 7 сен. за горбушу и от 35 до 40 сен. за кету. В годы оживления на рынке горбуша расценивалась до 8 сен, кета сбывалась удачливыми промышленниками по 50 сен и дороже. То же было с консервами, цена на которые поднималась до 18 - 20 иен за ящик из 48 банок, тогда как нормальная их цена 12 - 15 иен.

Депрессия последних лет в японской торговле угрожала лишить прибыльности рыбопромышленность вообще;

---

*) О горбуше, которая, недавно стала ценным продуктом на японском рынке, см. Е. Ф Лебедев. *Торговля Японии русской горбушей.* Русск. Дальн. Восток, I, Токио, 1920.

в частности, русские предприниматели были бы в совершенно безвыходном положении, так как отечественный рынок был им недоступен.

Сокращение этого рынка до пределов Д. В. и даже Приморья в годы гражданской войны вызвало небывалое падение цен на рыбные продукты. Если кета держалась на цене 2 р. 50 коп. - 3 руб. за пуд, то горбуша понижалась до 1 р. 20 коп., икра опускалась до 3 руб. 50 коп. - 4 р. Эти цены не оправдывали издержек производства при русском засоле и толкали промышленника на переход исключительно к японскому засолу.

Открытие русского рынка, не вызвав значительного повышения цен на рыбу, имело уже то последствие, что обезпечило спрос на русский засол и, след. повысило качество продукции. Икра же оказалась для обедневшего потребителя не простым предметом питания, а недоступным по ценности деликатесом: усиленный спрос со стороны Москвы вызвал вздутие цен на икру до спекулятивных размеров; крупные заготовители платили на месте по 16 - 18 руб. за пуд засоленной икры. Даже на Д. В., не говоря о Москве, икра продавалась по 20 - 24 руб. за пуд.

Выгодность сделок с русским рынком привела к неприятным для Д. В. последствиям: рыбная заготовка потекла в центр, а население окрайны, производящей рыбный продукт в массе, осталось без этого последнего.*)

Как видим, колебания рыбного рынка чувствительно отзываются на доходности рыбопромышленности, но при всем том она остается промышленностью с высокой нормой прибыли, а сколько - нибудь благоприятная рыночная конъюнктура (обезценение японской иены, открытие русского рынка) немедленно и значительно повышают цены на рыбопродукты. Кто же извлекает пользу из таких свойств северной рыбопромышленности, куда поступает получаемый от нее доход? Предыдущее изложение приготовило на это ответ: прибыль от русского рыбного хозяйства на севере получают преимущественно японские промышленники и стоящие за ними японские же финансисты.

---

*) Кроме русского рынка, для камчатской рыбы, преимущественно горбуши, открылся также китайский рынок, о чем см. статью Т. М. Борисова в „*Рыбных и пушных богатствах Д. В.*,“ цит. соч.

X.

Но в народно - хозяйственном доходе, получаемом от этой рыбопромышленности, принимают участие и другие элементы. В ней заняты рабочие, население, предприниматели (русские и японские), государство (предприятия и фиск).

Заработная плата рабочего, занятого в рыбопромышленности, очень не высока, а положение его весьма жалкое. Его труд и плата регулируются произволом предпринимателя, и даже личность его не защищена от физического воздействия со стороны хозяина. Посредником между хозяином и рабочими служит синдо, мелкий подрядчик, набирающий рабочих на рыбалку. Синдо, помимо условленной платы от предпринимателя, выражающейся на хороших промыслах в несколько сот, даже в тысячу иен, наживается еще на разного рода притеснениях рабочих, обсчитывая их, вымогая у них подарки и т. под. Понажившийся на рыбалках синдо сам становится со временем предпринимателем.

Синдо, понятно,—деятельный защитник хозяйского интереса и своего собственного. Ему приходится наиболее близко соприкасаться с рабочими, до физической расправы с ними включительно. Естественно, он не пользуется симпатией рабочих, и столкновения между ними бывают нередко.

Что касается рабочих, то они получают небольшую плату (около 20 иен в м - ц), скудную пищу в японском вкусе и некоторое количество рыбы натурой. Японские рыбаки, обитатели Хоккайдо, наиболее некультурной части Японии, даже на севере, среди туземцев, производят неблагоприятное впечатление как внешним видом, так и поведением: столкновения между населением и ими из - за краж, которыми они пополняют свой скудный заработок, постоянны, а иногда бывают случаи и похуже.

Японский рабочий—субъект, весьма пригодный для эксплоатации, а потому и весьма ценимый промышленником, в частности русским. Правда, иногда за это приходится платиться: бывает, что обозленные японские рабочие прибегают не только к ножевой расправе с хозяином, но и к сожжению его рыбалки.

Положение русского рабочего значительно лучше. Наделенный всем тем, что отсутствует у японца, по отношению к хозяину он является наступающей стороной. Его заработок выше (30 – 36 руб.), питание более удовлетворительно, он получает спец. одежду. Чтобы заинтересовать его в усилении лова, что так существенно во время хода рыбы, предусмотрены даже премиальные за каждую лишнюю тысячу штук добычи. Привилегированное положение рабочего по отношению к промышленнику давало повод к нелепым требованиям, в роде безусловного соблюдения 8 час. рабочего дня даже в момент хода рыбы.

Благополучия русского рабочего не следует преувеличивать. Оставим в стороне, что он всетаки ест кое - как, одет плохо, живет чуть не под открытым небом: не лучше устраивается и его хозяин, мелкий промышленник. Он работает на промысле, включая также время, проведенное в пути и оплачиваемое нанимателем, от 4 до 5 м - цев, смотря по отдаленности рыболовного района. За вычетом расходов, понесенных на собственное содержание (товары же на рыбалке в общем недешевы), рабочему при возвращении его во Владивосток остается 100 - 150 руб.

Положение квалифицированного рабочего могло бы быть лучше. Но где же этот квалифицированный труд на русском промысле, на котором техником является один икрянщик? Он, правда, получает больше простого рабочего, рублей 50 – 60 в м - ц и наградные по окончании работ, но только он один. Синдо и икрянщик – вот единственные организаторская и техническая сила камчатской рыбалки. Труд северного рыбака, как на самом бедном промысле, так и на обширном консервном заводе, есть по преимуществу труд неквалифицированный, а потому и скудно оплачиваемый.*)

Уже сказано о напряжении, какого достигает в рыбном промысле работа местного населения, и остается к этому добавить немногое. Заработок туземца, сдающего вообще немного рыбы, выражается в несколько десятков рублей; но близ крупных промыслов он значительно выше, коле-

*) Об японском и русском рыбаке см. *Охотско - Камчатский край (труд и быт)*, цит. соч.

блясь между 200 – 300 руб. и доходя до 500, а у особенных счастливцев - до 1000.

В таких цыфрах определяется и заработок какого - нибудь приезжего члена артели, организовавшейся только для сезонного промысла. Как видно, положение участников трудовой артели оказывается лучше, чем у наемных рабочих: неудивительно, что эта форма организации труда привлекает все больше внимания со стороны ищущих работы на севере. Трудовые рыболовецкие артели, состоящие из мелких добытчиков, несомненно, заслуживают не меньшего внимания со стороны государства, чем пролетаризованные рабочие на рыбалках. Предоставление им дешевого кредита, облегчение им аренды участков будет для рыбопромышленного хозяйства более полезно, чем создание каких - то привилегированных оазисов, в которых должны жить русские рабочие.

XI.

Экономическая слабость и техническая неумелость отличающие русских рыбопромышленников, заставляет чрезвычайно высоко расценивать услуги, которые им оказывают финансирующие их предприятия. Условия кредита, предоставляемого русским промышленникам, различны: в иных случаях это настоящий, хотя и тяжелый кредит, в других плата за роль фигуранта, позади которого скрывается японский предприниматель, истинный хозяин дела.

В прежнее время рыбопромышленник, кредитовавшийся у крупной фирмы, платил °/₀ за срок, переплачивал на отпускавшемся ему снаряжении и товарах и в общем предоставлял финансировавшему его капиталу до 30 °/₀ прибыли. Средний промышленник, обладавший оборудованными рыбалками, мог выбирать между предлагавшимися ему условиями и выговорить меньший °/₀ за кредит, мелкий промышленник, имевший в своем распоряжении только право на рыбалку, сдавался и платил все 30 °/₀.

Это были тяжелые условия, но они давали работу, и русские фирмы (Демби), кредитовавшие соотечественников, несомненно, делали полезное дело. Усиление японской активности за годы революции и прекращение деятельности упомянутых фирм создали для русских предпринимателей

еще более тяжелые условия. Владелец рыбалки просто получал от кредитовавшего его японца поштучную плату за сданную рыбу, не свыше 10 коп., да некоторое количество рыбы или икры натурой; иногда компанионы договаривались, чтобы русский просто получал фиксированную сумму 3000 - 5000 руб., при чем он должен был сам уплачивать аренду и налоги; японец, покончив с рыбалкой, уходил из сферы досягаемости для русской власти. Разнообразный характер этих неофициальных товариществ и различие условий, на которых они заключались, несущественны: их общий результат был один – прибыль русского промышленника была невелика, сотни рублей, тысяча - другая, значение его на рыбалке было ничтожно, и все дело получало весьма непристойный для национального самолюбия характер.*)

Советский режим на Д. В. не внес существенных перемен в эту сферу. Кредитование частной промышленности, к которому прибег Дальгосторг, распространилось на очень ограниченную группу промышленников, и было тяжело для них.

XII.

Последняя сторона, извлекающая долю из общего дохода Д. В. рыбопромышленности—само государство: о деятельности его, как владельца вопредприятий, уже сказано; как мы видели, его роль на этом поприще пока не велика и идет по традиционным путям. Гораздо большее значение имеет государство в лице своего административного и фискального органа, Дальневосточного управления рыболовства („Дальрыба"). На фискальной стороне его деятельности следует несколько остановиться. Прежде за рыболовные угодья бралась лишь небольшая аредная плата, не стоявшая ни в каком отношении к ценности участка: государственный интерес в рыбалке (говорится о речном участке) заключался в обложении попудной платой с добытой рыбы, при чем сбор взыскивался, естественно, по окончании сезона.

---

*) Защита русских рыбопромышленников с их собственной точки зрения дана в сборнике „*Значение и нужды современной рыбопромышленности*", Владивосток, 1923.

Такой порядок создавал ряд неудобных последствий. Во-первых, при сдаче рыбалок царил полный произвол, и часто очень хорошая рыбалка сдавалась за весьма малую арендную плату какому-нибудь излюбленному лицу, а это лицо, во-вторых, после эксплоатации рыбалки не спешило расплатиться с казной, в результате чего за рыбопромышленниками числились тысячи и десятки тысяч руб. в недоимках.

С 1923 г. речные участки сдаются в пользование на таких же началах, как морские, т. е. за арендную плату, вносимую вперед. Главной статьей дохода, однако, являются морские участки.

Распределение морских и речных участков.

Участки	1910 г.	1913 г.	1917 г.	1920 г.	1923 г.
Морские	157	220	218	307	255
Речные	–	204	138	195	97
Всего	157	424	356	502	352

Порядок сдачи речных участков определяется правительством, морских—рыболовной конвенцией с японцами 1907 г., которая фактически действовала до последнего времени. Число предъявляемых к торгам речных участков около 100, морских более 300; арендная плата за первые выражается в сотнях, часто тысячах рублей, редко больше за каждый; морские участки дороже, есть среди них и такие, что стоют десятки тысяч. Кроме различия по массе улова, свойственной тому или другому участку, морские участки оказываются дороже, между прочим, потому что арендуются на продолжительный срок, тогда как речные участки сдаются на краткий срок, предпочтительно на год.

Получить легальный доступ к речным участкам японцы стремились с давнего времени, от самого заключения конвенции, в чем им русское правительство неизменно

*) М. С. Алексин, цит. соч. стр. 91.

отказывало, первоначально под предлогом сохранения этих угодий для туземного рыболовства. В тянувшихся несколько лет, по советизации Д. В., переговорах с японцами, между прочим, фигурирует и упомянутое требование.

Арендная плата за морские участки составляет около 2.000.000 руб. Значение торгов, как соревнования между конкуррентами, парализовано согласованными действиями японского рыбопромышленного объединения „Кумияй", а самая плата в революционный период, особенно за его последние годы, не раз задерживалась японским правительством. Сейчас недоимка погашена, что является несомненным успехом рыболовной политики. Меньший успех был достигнут в организации торгов: сумма, причитающаяся с японцев, вносится ими без производства соревнования.

XIII.

Остается обратить внимание еще на одну сторону камчатской рыбопромышленности: на свойственный ей характер потребления. Мы видели, что только часть добытой населением рыбы сдается промышленнику, примерно 3 миллиона шт. из общего числа 11 миллионов рыб, вылавливаемых жителями. Куда же идет этот колоссальный остаток, неужели он всецело потребляется населением? За вычетом части, потребляемой жителями лично, т. е. в пищу, все остальное идет на нужды туземного хозяйства в самой не разумной форме, на корм собак.

Собаки, как превосходное средство передвижения по глубоким снегам здешней тундры, составляют необходимую принадлежность и, пожалуй, самую ценную часть в имуществе каждого северного домохозяина. Держат их по 10 - 12 шт. на семью (полный „потяг" нарты), и след. среднее по величине селение имеет их 400 - 500 шт.

Значение, какое для народного хозяйства в конечном счете имеет „собачий" способ передвижения, отрицательное. На собаку требуется около 200 юкол в год, не считая того, что она съедает летом, когда сырая рыба лежит повсюду. Среднее селение должно заготовить для этой цели до 100.000 шт. рыбы, иначе говоря, при нем открывается как бы особая рыбалка, исключительно обслуживающая собак.

На Камчатке насчитывается 32.000 собак, завидное хозяйство, на содержание которого приходится тратить 6 - 7 миллионов рыбы. Так как большая часть собак держится в Петропавловском районе, т. е. в местах наиболее экстенсивного рыболовства, то легко себе представить нездоровый уклон, который получает местное рыбное хозяйство вообще. С одной стороны—консервное производство, как идеальная цель, которая ставится всей рыбопромышленности, с другой стороны—заготовка квашеной в земляных ямах рыбы („кислая“) на корм собакам, как реальная действительность.*)

Многие люди, знакомые с севером, утверждают, что собака здесь единственное средство передвижения, а потому и с ущербом для рыбного хозяйства, отсюда проистекающим, приходится мириться. Между тем нет причин, мешающих воспользоваться, хотя бы отчасти, для той же цели оленями, имеющими, как ездовое животное, даже некоторые преимущества перед собаками. Да кроме того, истощение рыбных рессурсов, неизбежное в недалеком будущем, все равно поставит на очередь вопрос о новых транспортных средствах в тундре. Уж не ограничить ли рыболовство в „собачьих“ интересах? Действительно, подобные доводы выставлялись населением долины р. Камчатки, когда оно вопияло о необходимости закрыть рыболовные участки в устьи этой реки. Если однако что - то надо сделать, надо изыскать способы поддержания собаководства менее убыточным для народного хозяйства образом. Такой способ возможен, и также представляется рыбопромышленностью.

При обработке рыбных продуктов остаются внутренности, жир и пр; все это не только не используется в производстве, но даже причиняет лишние заботы промышленнику, не знающему, куда деть упомянутые отбросы; затруднение разрешается без дальних дум о пользе или вреде для хозяйства: отбросы кидаются в реку, засоряют ее и отпугивают рыбу – лосось не любит загрязненной воды. Правда, от арендаторов участков требуется, что бы они

*) О своеобразии потребления рыбы местным населением см. статью Н. Н. Кузнецова в „*Рыбных и пушных богатствах Дальнего Востока*“, стр. 139 - 145.

зарывали отбросы в землю,—тоже нельзя сказать, чтобы очень хозяйственное использование небезполезного продукта.

Американцы на Аляске употребляют рыбные отбросы для выварки жира и для изготовления тука. В русских условиях об этом пока думать не приходится, когда для аналогичной цели здесь существует целое консервное производство, пользующееся не какими-нибудь отбросами, а такой превосходной рыбой, как красная.

Возможно однако использование отбросов способом, более подходящим к местным условиям, при помощи прессования из них собачьих галет, - очень питательного, весьма портативного (важно при переездах) корма, с успехом применяемого на той же Аляске. Для камчатских собак понадобилось бы и несколько меньше пищи, чем сейчас (разница в весе против нынешнего была бы вдвое), и для этой цели не тратился бы полноценный продукт.

Рыбогалетные заводы лучше всего поставить, как побочные предприятия при крупнейших промыслах, могущих обезпечить новые предприятия достаточным количеством отбросов. В частности завод, поставленный несколько выше Усть - Камчатска (км. на 50 от него есть очень удобное место), мог бы обслужить все „собачье" хозяйство долины р. Камчатки. Устройство такого завода крайне просто.

XIV.

Северное рыболовство устремило свое внимание на единственный промысловый объект, правда, самый ценный— лососевые породы; оно приковано, кроме того, к берегу, потому что морские участки, собственно говаря, не тождественны с рыболовством в море, и только благодаря биологическим особенностям лососевых, их периодическому возвращению в реки, такое рыболовство и возможно. Все, что выходит за пределы лососевых, все, за чем надо итти в море, пока не является объектом промышленности.

Между тем северные воды вообще и камчатские в особенности богаты и другой рыбой, лов которой может иметь рыночное значение: такова, напр. килька и сельдь, встречающиеся по всему Восточному берегу, но промышляемые

только в Петропавловском районе, как для потребностей городского населения, так и для вывоза во Владивосток. Этим промыслом занимаются единичные артели рыболовов, работающие в размерах мелкого предприятия: Колыгирь, Жупаново и др. Между тем замечательные качества камчатской сельди открыли ей доступ на владивостокский рынок, и ее промысел, несомненно, требует расширения.*)

Другой промышленный объект, эксплоатируемый в связи с рыболовством, крабы, встречающиеся в разных местах Западного берега; до сих пор они не входили в поле зрения местной промышленности, что, впрочем, неудивительно, ибо даже в изобилующем крабами зал. Петра В., под боком Владивостока, где этот предмет нашел бы сбыт, до недавнего времени не было крабо-консервного производства. Фирма Люри, начавшая это дело во Владивостокском районе, перенесла его и на Камчатку. Новая промышленность дает 40.000 ящиков крабовых консервов.

Промысел трески, возможность которого представляется около м. Лопатка, также привлек внимание предпринимателей, и была организована японская компания для его эксплоатации.

XV.

Молодая Д. В. рыбопромышленность быстро получила такое развитие, что сохранение рыбных богатств, на которых она основана, стало для нее насущной нуждой, которая была сознана довольно рано. Целая система запретов, за соблюдением которых наблюдал многочисленный штат рыболовного надзора, направлена к тому, чтобы ограничить экстенсивность лова и тем сохранить рыбозапасы северных вод на более продолжительное время.

Наиболее старыми из этих запретов являются разного рода определения, касающиеся размеров и конструкции невода; предусмотрены его длина, ширина, величина очков, установлены дозволенные типы невода (припомним борьбу, которую вызывает употребление ставного невода в реках); воспрещаются всякие светящиеся или звучащие приспособления, пугающие рыбу и т. под. Все подобные запреты

*) М. П. Павленко: *Материалы по исследованию восточной сельди.* Познание русского рыболовства, III. Петроград, 1914.

нежизненны: сталкиваясь с возрастанием промысла, развивающегося извнутри, стимулируемого извне, они неизбежно в конце концов падают.

В самом деле, какое значение может иметь усердие рыболовного надзора, режущего какой-нибудь несоответственный правилам невод, когда промышленность шагнула так далеко, что, не довольствуясь ловом у берегов, она хочет добывать рыбу со дна морского и ставит вопрос об использовании для этой цели трального способа, при помощи которого рыба, действительно, будет вылавливаться начисто. Очень трудно, кроме того, выбрать разумную меру ограничений, которая не будет тормозить естественного развития самого промысла: а ведь именно его интересы должны учитываться. Не последним по значению является и то соображение, что все запретительные меры осуществимы при сильной власти, которой подкрепляется запрет. Конечно, сейчас положение рыболовного надзора не то, что в революционный период, когда агенты надзора даже не решались показываться на рыбалки, а тем паче их контролировать. Но и теперь, по условиям местной обстановки, рыболовный надзор далеко не свободен в своих действиях по отношению к рыбопромышленнику.

Отчаявшись, видимо, в силах своих агентов, правительство решило призвать на помощь население, которое-де, будучи заинтересовано в охране рыбных богатств, не будет практиковать хищнического истребления рыбы: здесь имеется в виду предпочтение рыбозасольных участков рыболовным при сдаче их в аренду. Не говоря уже о том, что жители, предоставленные самим себе, при тех приемах лова, которые они исстари применяют, могут оказаться не меньшими хищниками, чем рыбопромышленники, указанное разделение участков понизило, как мы видели, качество продукции, сделало промышленника простым комиссионером по скупке рыбы и помогло японцам фактически подчинить своему господству речные участки.

Более новым мероприятием по охране рыболовства было установление нормы улова для каждой реки. Это очень деликатное дело, требующее учета нескольких факторов, не только естественных, но и экономических. Между тем, несомненно, при определении этой нормы преобла-

дают фискальные соображения: „мощность реки“ может быть больше и меньше, смотря по тому, какую аренду желательно получить с промышленника и, как правило, эта норма и не соответствует реальной ценности участка и не охраняет рыболовных рессурсов от истребления. Настоящая норма улова в конце концев установливается недоходами рыбы: ее не ловят, потому что ее нет.

Охрана рыбных богатств ставится на правильную почву лишь в ближайшее к нам время, с постановкой рыборазводного дела, и при том не как опыта, ни к чему не обязывающего, а как практического предприятия, расчитанного на ряд лет и осуществляемого с возможно минимальными затратами. Рыборазведение в естественных условиях, с закладкой икринок в сухом грунте, как оно ведется сейчас на севере, является наиболее рациональным приемом, направленным к созданию новых рыбозапасов. Чтобы принести желанный плод, это дело должно быть поставлено достаточно широко. 5 миллиардов мальков, которые выпускаются в Америке, не представляют устрашающей цыфры, потому что относятся преимущественно к треске, т. е. рыбе, отличающейся громадным размножением, в противоположность ограниченному размножению лососевых, с которыми имеем дело в русских водах; зато другая цыфра, 100 миллионов мальков, выпускаемых на Аляске, интересна: здесь, как и на Камчатке, операция размножения имеет в виду преимущественно лососевых и исходит из наличного рыбозапаса; вероятно, сходного в обеих странах.

Более детальное изучение условий рыборазведения приведет, наверное, к переоценке значения „запретных пространств“ и таковых же сроков. Запретными являются предустьевые пространства, что принимается во внимание при отводе участков; вторая мера стала практиковаться недавно, в виде закрытия той или другой реки для промысла на несколько лет. При этом совершенно не обращалось внимания на те места, которые являются центрами в ходе размножения, т. е. на нерестилища. Выяснение их расположения, пропуск в них рыбы и охрана их самих, вот что должно быть поставлено во главе всех запретных мероприятий, иначе становящихся безпорядочными и даже безполезными. Изучение северных рек с такой точки зре-

ния, правда, еще находится в зародыше, а потому и твердых оснований для таких мероприятий пока мало.*)

XVI.

Кроме увеличения или, по крайней мере, сохранения рыбопромышленной продукции на прежнем уровне, регулирующая деятельность государства озабочивается другой стороной рыбного хозяйства, его наибольшей целесообразностью с точки зрения государственных интересов, ближайшим образом с точки зрения его наибольшей доходности. Для кого? Этот вопрос, если припомним сказанное о разделении дохода от камчатского рыболовства, не покажется излишним.

В самом деле, в каких пределах возможно участие государства в извлечении дохода от этой рыбопромышленности и возможно ли оно вообще (понятно, кроме извлечения фискальных выгод)?

Несомненно, ни сейчас ни в будущем государство не в состоянии овладеть камчатской рыбопромышленностью, как скажем, каспийской или беломорской, и не только по политическим причинам, т. е. вследствие препятствий, возникающих из советско-японской рыболовной конвенции, по которой японцы добились новых и больших, чем прежде, льгот.

Русская рыбопромышленность на Д. В. не располагает ни капиталами ни техникой, чтобы думать о вытеснении японцев, даже больше: то и другое заимствуется из Японии же, и нет оснований предполагать, что такое положение скоро изменится. На севере присоединяется новая трудность: отсутствие рабочих рук, в противоположность японцам, располагающими десятками тысяч опытных рыбаков.

Рыболовная политика на Д. В. может, самое большее, закрепить за русским капиталом несколько наиболее богатых, сначала речных, затем морских участков. Для этого имеются повторим, весьма неблагоприятные условия.

---

*) Навозов-Лавров. *Рыбная промышленность и научно-промысловые обследования.* Эконом. Жизнь Д. В., 2. Хабаровск, 1925.

Участие иностранного капитала в рыбопромышленности на Д. В. возрасло с 25,9% (1913) до 53% (1923), и держится около этой нормы поныне; наоборот, участие русского капитала там же пало с 65,5% 1913) до 30,6% (1923) и еще понижается.

Кооперативный капитал недавнего происхождения и вовсе новый государственный занимают такое положение (в %).

Капитал	1913	1923	1924	1925	1926
Кооперативный	8,6	7,4	7,3	13,0	12,1
Государственный	–	9,0	11,0	7,2	15,4

Скачки в этой таблице, между прочим, показывают, насколько был неустойчив государственный капитал, вложенный в рыбопромышленность.*)

Расширение деятельности русского капитала может пойти двояким путем. Первый из них—улучшение продукции за счет русского засола, консервного производства и мороженой рыбы. Русский засол, сократившийся в 1923 г. до 1.757.000 пудов (вдвое сравнительно с довоенным), поднялся в 1925 г. до 2.713.000 п., из которых не менее 3/4 приходятся на кооперативный и государственный капитал. Консервное производство дошло в 1925 г. до 920 000 п. (вдесятеро против довоенного времени), и в нем не последнее место занимает русский капитал. Он же явился инициатором заготовки мороженой рыбы, которой в 1925 г. было всего 687.000 пуд.

Второй путь для русского капитала, применимый в более отдаленном будущем,—увеличение продукции при помощи механизации добычи) (тральный способ). Но этот вопрос упирается в финансовые возможности русского капитала, не говоря уже об опасности способа.

---

*) В. И. Воротников. *Капиталистическое строительство в госрыбопромышленности.* Эконом. Жизнь Д. В. 1-2. Хабаровск, 1927.

Глава III

Горный промысел.

I.

Горные богатства азиаского северо-востока мало изучены и еще меньше использованы: отдаленная и громадная страна слишком мало обследована в геологическом отношении, чтобы результаты этих изысканий могли составить твердую научную базу для определенных горнопромышленных предприятий; эти предприятия возникали случайно, интересовались только тем, что входило в поле их непосредственного зрения и руководствовались заданиями чисто практического характера. Но и то, чего им удалось достигнуть в самый короткий промежуток времени, обнаруживает возможность более широкого развития горного дела на северо-востоке, по крайней мере, в области золотопромышленности, а произведенные горнопоисковые работы показывают, что эти возможности не ограничиваются уже известными районами.

Геологические изыскания, преимущественно связанные с разведками на золото, коснулись 1) части Охотского побережья, к северу и югу от него, 2) долины р. Анадыря, захватив устье его, и вершины р. Белой, 3) Чукотского побережья в части, ближайшей к Ледовитому океану, и 4) пол. Камчатки. В результате их определились следующие общие условия наличности здесь полезных ископаемых, в частности золота.*)

В геологическом отношении весьма различны Охотское побережье, Чукотско-Анадырский край, пол. Камчатка: Для первого характерны изверженные породы, по мнению Богдановича, трех видов магмы: габбровой, гранитной, диа-

*) Основные работы по геологии отдельных районов северо-востока: К. Богданович. *Геологический очерк Охотского побережья от Николаевска н/А до Охотска.* Петербург, 1906. - П. П. Полевой. *Анадырский край, ч. I. Главнейшие результаты Анадырской экспедиции.* Петербург, 1915. - К. Богданович. *Очерки Чукотского полуострова.* Петербург, 1911. - Конради. *Краткий предварительный отчет о работах геологического отдела Камчатской экспедиции Рябушинского.* Москва, 1911. - Более новая обобщающая работа П. П. Полевой. *Полезные ископаемые Д. В. ч. III: Камчатка.* Владивосток 1923.

базо - андезитовой, к которым соответственно относятся: а) габбро, норит, диорит, анартозит, б) гранит, гнейсо - гранит, гранитит, кварцевый порфир, в) диабаз, порфирит, мелафир, андезит.

Что касается слоистых пород, то они встречаются тут часто в виде кристаллических сланцев, равно как и других образований. Так в области мареканита были найдены, из осадочных пород, сланцы песчаники, роговики, метаморфизованные на контактах, около Аяна белые известняки, глинистые сланцы, кварциты, около Удска также были обнаружены осадочные породы.

Таким образом, как изыскания в более южной части побережья, до Удска включительно (Богданович), так и исследования по направлению на север, до Ямска (Казанский), дали картину гранитных излияний, контакта гранитов с кристаллическими сланцами, наконец, сланцев, как кристаллических, так и метаморфизованных; это зоны, которым обычно подчинены месторождения золота.

Чукотско - Анадырский край заполнен отрогами Колымского и Станового хребтов, и Центральной депрессией, отделяющих их от системы Камчатки. Колымский хр. состоит из пород диабазовой магмы (диабазы и порфириты). Кислые породы Анадырского хр. образованы липаритами и гранитами, которые в Анадырском лимане сменяются основными породами (габбро и горнблендиты). Из осадочных пород встречаются кристаллические сланцы, филлиты и метаморфизованные сланцы.

Становой хребет характеризуется отсутствием третичных отложенний и молодыми породами (липариты, андезиты, базальты). Центральной депресии свойственны мезозойские и третичные отложения, а также андезиты ибазальты.

Полуостров Камчатка, состоящий из двух хребтов, Восточного и Западного, сложен в своей основной части гранитами, сиенитами, гнейсами, кристаллическими слюдяными сланцами; по обеим сторонам хребтов выступают метаморфизованные сланцы, а вулканическая деятельность, свойственная камчатским хребтам, прибавила к упомянутым породам еще лавовые образования.

Обширные третичные отложения, обнаруженные как

на Восточном побережьи, так и по направлению к Парапольскому долу, объясняют присутствие угля и свидетельствуют о возможном наличии нефти. Что касается золота, то в всяком случае геологические условия Камчатского полуострова значительно отличаются от остальной северо-восточной территории, поскольку им подчинена золотоносность. Но присутствие золота и тут не исключено совершенно.*)

Естественно, что золото привлекло к себе внимание предпринимателей и вызвало несколько разведок раньше, чем любое другое из ископаемых северного края: этот металл психологически притягивает, раз только можно предполагать его присутствие. При начале горнопромышленности нужны энергия, риск, уверенность в будущем, а такие качества и отличают золотоискателя. К Охотску шла дорога от Удска, где уже производились незадолго до мировой войны разведки на золото старыми золотопромышленными компаниями, работавшими в ближайших районах на юге Охотского побережья. Через Удский район Охотск связывался с р. Амгунью и Немиленом, где с 80-х годов работали крупные компании Амгунская и Ельцова с Левашевым (вторая именно и вела разведку на р. Уде.).

Еще больше интереса могла представить отдаленная Чукотка, расположенная бок о бок с золотоносной Аляской, где как раз в 90-х годах произошло лихорадочное оживление золотопромышленности в связи с открытием россыпей в Номе, в ближайшем соседстве с Чукоткой, в геологической обстановке весьма сходной в обеих странах. Было соблазнительно искать продолжения этих россыпей (фактически так золотопромышленность и развивается), и если бы не океан, отделявший эти страны, принадлежавшие, сверх того, к различным государствам, номская золотопромышленность, пожалуй, перекинулась бы на русский берег.

В названных двух районах: Гижигинско-Охотском и Чукотско-Анадырском в девятисотых годах и начались разведки на золото. В Гижиге, где работал инж. Бацевич, они не дали особо ценных результатов, лишь приведя к заключению о присутствии тут знаков золота; то же было

*) П. И. Полевой, *Камчатка*, цит. соч. дает общий обзор геологии северо-востока; приведен список литературы

обнаружено разведкой инж. Нацвалова на Камчатском пол., на Восточном его побережьи. Не то оказалось в Охотске и Анадыре, где разведка дала успешные результаты и, раз начавшись, в первом случае повлекла за собой разработку золотоносных площадей обычными для сибирских приисков способами, а во втором случае, по крайней мере, создала традицию, способствующую открытию таких площадей.*)

Разведки в Чукотско - Анадырском крае предшествовали охотским. Они начались в 1900 г. ради нужд золотопромышленной концессии Вонлярлярского и велись, как при участии крупных геологов (Богданович), так и с помощью американских проспекторов; компания работала на американские средства, а позже прямо была передана американскому синдикату с Дж. Розином во главе, что и послужило поводом к ликвидации концессии в 1910 г.

Компания вела буровую разведку и применяла для оттаивания мерзлоты „бойлеры;" часть ее разведочнаго инструмента до сих пор лежит в складах бухты Провидения; в результате ее работ явилось все то, что известно о золотопромышленных возможностях района этой бухты и прибрежной полосы к северу от нее. Через 10 лет на эти же места обратила внимание горнопромышленная компания Фукуда, ведшая разведки и делавшая заявки при участии геолога Корзухина; кроме разведки на золото, она заинтересовалась также серебро - свинцово - цинковыми месторождениями, а также графитом.

Анадырский районы был разведан более детально: в течение нескольких лет здесь велись изыскания упомянутой концессией, в результате чего довольно хорошо была обследована система р. Волчьей, в частности, получивший известность ключ Надо, названный так по имени производившего разведку проспектора. В 1910 г. при закрытии концессии здесь же была произведена контрольная разведка инж. Юферовым.

В 1915 г. Анадырь был посещен геологической экспедицией Полевого, обследовавшей доступный для ее наблюдений район не только в геологическом отношении, но и горнопромышленном; кроме Анадырского лимана, уже раз-

---

*) П. П. Полевой. *Горно - поисково - разведочное дело на Д. В.* Производительные силы Д. В., вып. 1. Хабаровск. 1926.

веданного при Вонлярлярском, были освещены в золотопромышленном отношении верховья р. Белой, Красное озеро и р. Большая. В 1921 - 1922 г. этот край дождался предпринимателя - промышленника в лице канадской компании Коффина, доставившего в Анадырь собственный речной пароход и приступившего к буровой разведке. Революционные перемены 1923 г. помешали этой компании пополнить предшествующую разведку Надо существенно новыми данными.

Если к сказанному прибавить, что даже побережье Ледовитого океана, благодаря геологическому обследованию Толмачева, оказалось затронуто разведкой на золото около м. Сердце – Камень, то можно прийти к выводу, что Чукотско – Анадырский край был охвачен золотопромышленной разведкой весьма широко, правда, в ущерб как детальности разведки, так и ее непрерывности: затронуты отдельные места, дающие опорные пункты для суждения о возможности или безнадежности местной золотопромышленности.*)

Иначе шла разведка в Охотске: она велась не столько геологами, сколько техниками, зачастую простыми золотоискателями, и как только она дала удовлетворительные результаты, открывшиеся возможности были претворены в дело; с 1915 г. здесь уже существует золотопромышленность, даже в виде солидной золотопромышленной компании, и весь район дает порядочную добычу золота, в особенности при тех примитивных условиях, которые тут стали господствующими. Здешняя разведка преследовала чисто практические цели, и, сравнительно мало охватывая даже свой район, сосредоточилась на определенных ключах или прямо на известных площадях.

Она связана с именами компании Фогельмана и Кольцова, промышленника Тютрюмова, инженеров Пирингтона и Рейбен Смита. Пирингтон, выдающийся знаток северной золотопромышленности, работавший прежде на системе Коль - Кольчан, близ Николаевска н/А (геологами эта система сближается с охотской), был одним из основателей Аянской корпорации, английского предприятия, получившего тут концессию, и его данные легли в основу раз-

*) П. И. Полевой, *Анадырский край*, цит. соч. во введении рассказывает о предшествующей разведке в этом крае.

ведки, к которой эта компания приступила. В революционный период тут же велись разведки фирмы Люри. Все эти разведки сосредоточены на небольшой территории в 30 в. от Охотска по р. Ивановской, Гусинке, Марекану, в частности на кл. Тютрюмовском, Кооперативном, Золотом; Пирингтоном тут обнаружено также рудное золото, для разработки которого отведены рудники Лондон и Честер.

II.

Разведочные данные, относящиеся к разным местам, около Охотска, позволяют говорить более конкретно об условиях золотоносности на территории, которой коснулась разведка. Говоря коротко, в большинстве случаев они таковы, что весьма затрудняют разработку, но недостаток этот с лихвой окупается необычайно богатым содержанием золота.

Как сказано, охотские россыпи стоят в связи с обнажениями гранита, прикрытого на склонах хребтов аллювиальными отложениями; реки, прорезающие эти наносы, и являются золотоносными. В некоторых местах можно предполагать присутствие коренных месторождений золота: так рудное золото, видимо, имеется, кроме названых площадей Честер и Лондон, также в водораздельном хребте на границе кл. Тютрюмовского и Кооперативного.

Аллювиальные наносы достигают иногда значительной мощности, и соотношение „торфов и песков“ оказывается не вполне благоприятным для разработки. Глубина торфов в 20 и больше четвертей встречается часто, есть даже шахты, где пришлось углубиться на 60 чт., и оказывается необходимым пойти еще дальше. Таким мощным наносам (при увальном золоте) обычно соответствуют слабые пласты песков, что делает разработку их выгодной только старательским способом.

Особенностью охотских россыпей является богатство их золотом. Не говоря уже о русловом золоте, залегающем недалеко от поверхности, даже при более глубоком залегании, оказываются обогащенными уже нижние слои торфов, и их можно разрабатывать в расчете на нормальную добычу (до 1з. на 100 пуд.). При глубоких наносах промышленник иногда встречает здесь не один, а два гори-

зонта золотосодержащих месторождений. Если на действующих приисках в Охотске выработан первый горизонт, то разработка второго начата только в немногих местах. Возможны даже месторождения с тремя горизонтами, как это имеет место, видимо, в случае упомянутой глубокой шахты.

Таким образом, охотская выработка не только не захватила большой площади из всей территории, которую можно считать золотоносной, но, возможно, не добралась еще до глубины настоящих скоплений золота.

Понятно, почему здешние старатели пренебрегают торфами, где уже имеется некоторое содержание золота, а стремятся добраться до песков, хотя бы глубоко залегающих: их труд окупается, раз они наталкиваются на пласты, содержащие до 4 зол. на 100 пуд. а такие случаи тут бывают.

Проба охотского не высока: 780 - 800. Самое золото - темное, довольно мелкое.

О некоторых других условиях залегания золота будет удобней сказать в связи со способами разработки.*)

Обратимся к условиям золотоносности в другом районе, Анадырском. Здесь (в лимане) тоже встречаются русловые и увальные россыпи, первые с очень слабыми пластами торфов, вторые с весьма мощными наносами. Мощность песков невелика, около четверти, но содержание золота необычайно: в кл. Надо оно доходит до 8 зол. на 100 пуд. и больше. Россыпи довольно широки, в самом узком месте они достигают 7 – 10 арш. Проба золота значительно выше, чем в Охотске – 900. По внешнему виду золото очень блестящее, достаточно крупное, попадаются самородки по несколько золотников и тяжелей.**)

Те же признаки отличают золото по мере движения на север, к б. Креста и Провидения; всюду оно также богато, так же высокопробно и, возможно, недалеко лежит

---

*) Об условиях золотоносности в Охотске мало сведений, появившихся в печати. Для общей характеристики см. П. Н. Полевой, *Камчатка*, цит. соч. - См. также Г. Липский. *Охотск, одна из величайших в мире золотоносных площадей*. Эконом. Жизнь Д. В., 2. Чита, 1923. Приведенные в тексте сведения основаны на данных разведки инж. Купера, работавшего тут в 1922 г.

**) П. Н. Полевой, *Анадырский край*, цит. соч. стр. 100 - 109.

от коренных месторождений. В районе б. Провидения, именно в б. Эмма и Пловер обнаружено золото в кварцевых жилах. Однако в этих местах были лишь разведки случайного характера, а потому говорить о конкретных условиях золотоносности тут пока рано.*)

III.

Кто же и как ведет разработку золота на северо-востоке? Говоря о разработке, приходится иметь в виду охотские прииска, где слабо ли, хорошо ли, золотопромышленность существует более десятка лет; другие районы будут интересны пока лишь с точки зрения возможного развития золотопромышленности.

Охотские прииска работаются старательским трудом со всеми отрицательными последствиями, отсюда вытекающими; значение этих последствий возрастает еще более, с одной стороны, вследствие того богатства, которым отличается охотское золото, с другой стороны, вследствие тех трудностей, с которыми связана его разработка: отсюда постоянный соблазн выхватить лучшую площадь, выработать ее поскорей или даже бросить ее, если открыта еще более богатая. Здесь немало старых выработок, которые считаются исчерпанными; между тем не исключена возможность, что тут окажутся еще новые пласты залеганий золота, не менее, если не более богатые, чем уже вскрытые пески. Конечно, подобным открытиям должна предшествовать разведка, о которой местный старатель склонен меньше всего думать.

Но и за пределами этих выработок немало целика испорчено „ямными“ работами, которые представляют тут большой соблазн, когда в распоряжении старателя находится русловая россыпь с мелкими торфами.

Правда, старатели встречают на охотских приисках другие затруднения, которые отчасти компенсируются упомянутой хищнической разработкой.

Во-первых, тут приходится преодолевать мерзлоту, что делается самым простым способом: раскаленные на огне камни („бут“) укладывают в шурф и постепенно от-

*) К. И. Богданович. *Очерки Чукотского пол.* Петербург, 1901.

таивают один слой мерзлой земли за другим; медленность такой работы достаточно понятна. Во-вторых, приходится бороться с водой, затопляющей выработки; для откачки ее применяется столь же простой прием, как и в предыдущем случае: подъемное присобление („журавль“), приводимое в действие ручной силой; затрата большего количества физического труда при этом тоже понятна. Наконец, работа на охотских приисках, естественно, зависящая от достаточного снабжения золотоискателей, находится в тесной связи с навигационными условиями; они значительно сокращают летний период работ.*)

Нельзя однако не признать, что местные старатели слишком привязаны к старине и рутине; они не хотят знать других приемов работы, кроме вынесенных ими из Восточной Сибири; между тем практика соседней Аляски, которая ближе стоит к здешним условиям, чем Приамурье, могла бы их кое чему научить. И действительно, те же старатели, но из американцев, попав в Охотск, значительно облегчили свою работу, применив кое-какие приспособления из своей прежней практики. Так они стали оттаивать мерзлоту „пойнтами“, ручным прибором, действующим при помощи пара; пойнты настолько сберегают человеческую энергию, что работа, требующая дней, заменяется таковой же часовой. Они использовали для промывки водную энергию, собирая воду по резиновым шлангам и пропуская ее по желобу; получилась как бы маленькая гидравлика, значительно экономящая рабочую силу. Есть и другие простые, но остроумные приспособления, расчитанные на старателя с его небольшими денежными средствами и стоющие, чтобы их перенести сюда, ибо несомненно, что при настоящих условиях, как естественных, так и экономических, прииска северо-востока еще долго будут работаться старательским трудом.

Старательская разработка господствовала в Охотске весь революционный период и привлекла немало рабочих, одно время до 800 человек; последние годы расстройство снабжения вызвало безработицу, в результате чего мерами

---

*) Для старательской работы в Охотске, поскольку она воспроизводит черты, свойственные этому промыслу на всем Д. В., ср. издание Общеземской организации „*Приамурье*“, Москва, 1909, стр. 593-599.

властей часть рабочих отсюда была вывезена, и всякая попытка повести тут значительное дело натолкнется на недостаток рабочих рук. Приисковые рабочие принадлежали, кроме русской, также к корейской национальности.

С самого открытия охотских россыпей тут возникла золотопромышленная компания Фогельмана, работавшая как по добыче золота, так и по разведке. Это правильно организованное дело постепенно разрушилось в революционный период и сейчас перестало существовать; по масштабу деятельности это было среднее золотопромышленное предприятие.

Кроме него, в Охотске работали несколько мелких золотопромышленников, опиравшихся исключительно на старателей да на свое счастье, благодаря которому они, действительно, находили заманчивые для старателей площади. Открытия некоторых известных поныне приисков были сделаны именно этими удачливыми людьми. Революционная буря прервала их, в общем, полезную работу и погубила лично некоторых из них. Надо заметить, что смута, которая стала постоянным явлением в Охотске с 1917 г., особенно обрушилась на золотопромышленность, психологически казавшуюся для местных революционеров делом ненавистного капитала по преимуществу, в результате чего и средняя и мелкая золотопромышленность были убиты вовсе. С 1920 г. старательская работа осталась одной формой местной золотопромышленности и сама приняла совершенно неорганизованный характер. Лишь с 1924 г. здесь были восстановлены органы горного надзора, произведена проверка прав претендентов на прииски, и прекращено нелегальное пользование захваченными приисками. За отсутствием предпринимателей старательская разработка сохранилась при условии уплаты государству назначенного „положения“.

Но предприниматели не замедлили явиться. Это были оставшиеся в живых прежние золотопромышленники, лишенные средств и не могшие сдвинуть охотскую золотопромышленность с мертвой точки. Все они ищут иностранного капитала и, как его проводники, представляли бы некоторое значение. Новым участником охотской золотопромышленности оказалась Аянская корпорация, заклю-

чившая концессионный договор с правительством и приступившая к разведке старых и новых площадей. Корпорация получила лучшие отводы и обязалась затрачивать ежегодно крупную сумму на подготовительные работы; это предприятие располагает миллионными средствами и при желании может поставить механическую разработку охотского золота, если, конечно, не предпочтет держать прииска, как резерв для более благоприятного времени.

Корпорации предоставлена долгосрочная концессия, при чем первые два года она имеет право производить разведку. К работам приступлено с 1925 г.

Трудности, которые встречаются на пути охотского старателя, оказываются еще большими при работе в Анадыре. Этот край отрезан от материка чуть не весь год: владивостокский пароход успевает сделать сюда только один рейс, и промышленник, здесь работающий, или должен базироваться на Аляску и получать снабжение оттуда (что и было при начале здешних разработок) или иметь свой пароход, благодаря чему можно растянуть навигационный период. Затем, все известные тут россыпи лежат далеко от берега, никаких дорог туда нет, и завоз сколько-нибудь значительного количества продовольствия для старателей невозможен.

К транспортным затруднениям прибавляются технические. Борьба с мерзлотой требует еще большего напряжения, чем в Охотске; промышленная разработка невозможна без оттаивания мерзлоты „бойлерами.“ Мощные наносы, иногда тут попадающиеся при увальном золоте, требуют значительного углубления шахт, крепление которых при отсутствии кругом леса представляется затруднительным.

Кадра рабочих в этом районе нет, да и не было: рабочие привозились предпринимателем. Местные жители, кстати сказать, очень немногочисленные, слишком мало заинтересованы в золотом промысле, чтобы вести его организованно-старательскими артелями. Здесь каждый старатель-молодец на свой образец. В одиночку, с грузом продовольствия за спиной, или с нартой, запряженной парой собак, уходит он в снеговую тундру, подвергается всяческим лишениям, делает порой ценнейшие открытия, но извлекает

из них не более, чем свой годовой прожиточный минимум. В промышленника никто из них не обратился: его занятие собственно „проспекторство," а не добыча золота.

IV.

Господство старательского труда в охотской золотопромышленности переносит центр тяжести работы предпринимателя с добычи, которой он непосредственно не ведет, на скупку золота, которой он, наоборот, очень интересуется. Как это наблюдается также в других районах Д. В., где возрождается добыча золота, начинается погоня за ним со стороны торгующих всякого рода, частных и государственных предприятий. Все хотят скупать золото, и никто не хочет его добывать. В Охотске, кроме золотопромышленников, скупкой занимались несколько частных фирм, после 1923 г. сменившиеся конкуррирующими между собой „Окаро" (собственно ведущим пушную торговлю) и „Якутгосторгом." При наличии таких сильных и привилегированных соперников удивительно ли, что золотопромышленник, махнув рукой на добычу, возлагает всю надежду на „амбар."

Амбар был тем более соблазнителен, что он давал тут вследствие упоминавшихся причин (оторванность края, расстройство снабжения) колоссальную прибыль. Цены необычайно возрастали зимой, когда завезенный товар подходил к концу. Основные предметы питания, как мука и чай, продавались на 100 % выше рыночной стоимости, и это считалось нормальным. Спирт, табак, керосин, свечи поднимались на 200 - 300 % против заготовительных цен. Овощи, столь необходимые в северном краю, как противоцынготное средство, стоили или необычайно дорого (картофель до 20 руб. пуд.) или вовсе исчезали из продажи.

Учесть добычу охотского золота весьма затруднительно: как сказано, оно собиралось преимущественно при помощи скупки, а скупаемое золото, в особенности при неорганизованном характере, какой скупка носила в Охотске, уходит от всякой регистрации.*) Как бы ни было, не без основиния считается, что в Охотске за последнее время скупа-

---

*) Некоторые цыфры приводит М. Целищев, *Камчатка*, Чита, 1923.

лось не менее 15 пуд. золота ежегодно, при чем лишь треть его попадала в золотосплавочную лабораторию государственного банка: остальное шло через корейцев, работающих на охотских приисках в качестве старателей и являющихся большей частью японскими поданными, в Японию.

Из общей добычи, один лишь прииск Варваринский на. кл. Тютрюмовском дал за время своей сколько - нибудь нормальной работы до 60 пуд. золота.

В дореволюционное время, когда действовали фогельмановские приискa, годовая добыча была еще значительней и равнялась не менее, чем 20 пуд. ежегодно.

Исходя из средней охотской добычи в 15 пуд., что при скупочной цене местного золота в 4 руб, золотник, составляет ценность около 250.000 руб., можно считать, что Охотск дал за десятилетие (1915 - 1925) около 150 пуд. золота на сумму свыше 2.000.000 руб., - величина, которую, принимая во внимание и несовершенство разработки и безпорядочность скупки, нельзя не признать значительной.

Как же распределяется народно-хозяйственный доход охотской золотопромышленности между различными ее участниками? Прежде всего, утечка золота за границу тут необыкновенно велика, и след. получаемая ценность совершенно минует государство, которое до последнего времени не получало от охотской золотопромышленности и той части металла, которая ему причиталась в виде арендной платы и долевого отчисления с золотопромышленников, а также „положения“ со старателей, работающих на казенных приисках.

Золотопромышленник, разоренный и уничтожаемый, тоже получал очень мало или ничего. Он не имел возможности нажиться даже на скупке, которая шла мимо него, и довольствовался минимумом, обезпечивавшим ему существование; этот минимум ему обезпечивали те или другие скупщики, желавшие эксплоатировать его прииск. Можно было бы рассказать много любопытного о сделках между владельцами приисков и лицами, их субсидирующими, в явный обход закона, к крайней невыгоде самого хозяйства, но эти курьезы относятся более к бытовой, чем к эконо-

мической стороне местной жизни. Остается, след. единственный элемент, могущий извлекать пользу от работы на золоте, тот кто тут работает, т. е. старатель.*)

Нельзя сказать, чтобы его положение было завидное. Перед ним широкие возможности, которые он при своей технической слабости использует минимально; с другой стороны, высокие цены на отпускаемые ему товары заставляют его расходовать свою добычу без остатка на свое содержание, значительно при том ограничивая свои потребности. Заработок охотского старателя определяется не тем, что он добывает, а тем, что он проживает.

Работая на арендованном прииске, он платит прежде всего „положение“ золотопромышленнику; оно взимается в значительном по обычному масштабу размере - 2 зол. в месяц, а порой и больше, если золото оказывается очень богатым; эти золотники, пожалуй, и составляют единственную прибыль золотопромышленника. Старатель расходует на свое содержание 30 - 40 руб. в месяц, если он русский, и 20 – 30 руб. если он кореец, что при высоких ценах на предметы продовольствия обезпечивает ему лишь скудное существование: одна мука поглощает половину его месячного набора. При таких условиях понятно, почему богатое охотское золото дает лишь бедную жизнь старателю, который иногда, особенно зимой, физически не в состоянии добыть столько, чтобы прокормить себя: отсюда его ненависть и к промышленнику и к скупщику, которые, по его мнению, несправедливо его обирают.

Если прибавить к дороговизне трудность работы в суровом климате, отсутствие приспособленных для зимы помещений, жизнь в оторванном от мира краю, то картина существования охотского старателя предстанет в незавидном свете.

Вся охотская золотопромышленность до настоящего времени представляла уродливое здание со слабым основанием (добыча)и чрезмерно тяжелой кровлей (скупка); создалось положение невыгодное и для государства и для

---

*) О мытарствах золотопромышленности, в частности о „стоверстной запретной полосе,“ остановившей всю горную промышленность северо-востока см. статью Арнта в „*Докладах Приморской окружн. торгово-промышл. палаты*“, представленных на Вашингтонскую конференцию, Владивосток, 1922. Весь этот мертвящий порядок действует и сейчас.

государства, и для промышленника, и для рабочего.

И все таки перспективы этой промышленности окажутся значительными, лишь только удастся поставить тут „хозяйские“ работы; сейчас бездействующие прииска, в роде напр. Рассвета, по мнению людей, его хорошо знающих, дадут не только пуды, но и несколько десятков пудов золота. Независимо от возобновления работы на старых приисках, поставленная разведка, несомненно, сразу обнаружит новые площади, пригодные для разработки, чего следует ожидать не только по теоретическим соображениям, но и по конкретным условиям существующей разработки, до сих пор не тронувшей центров золотоносности.

V.

Говорить о развитии золотопромышленности в Чукотско-Анадырском крае можно, лишь имея в виду возможности этого явления, по аналогии с соседней Аляской, в частности с пол. Сьюорда (Seward). Сходство геологических условий на обоих берегах может повлечь за собой золотоносность русского берега, подобно американскому. С такой точки зрения, следует вновь остановиться на геологических свойствах русского побережья.*)

Палеозойские отложения, обнаруженные Богдановичем на Чукотском пол., в проливе Сенявина, зал. Лаврентия и между м. Литке и Дежнева, соответствуют горным породам Сьюордского пол. Кристаллические известняки, известковистые сланцы, глинисто-тальковые и глинисто-слюдистые сланцы он считает аналогичными номской серии Сьюордского пол., а кремнисто-сланцевые известняки, перемежающиеся с глинистыми сланцами и аспидными сланцами, он сопоставляет с иоркской серией Аляски. Именно эти сланцы оказываются золотосными.

Что касается Анадыря, то здесь встречаются метаморфизованные сланцы, имеющие общие черты с чукотскими, значит и номскими сланцами: обогащение слюдой, графитом и образование контактовых минералов. Но они существенно отличаются (в системе р. Волчьей) от названных отсутствием известковистых слоев; в основной массе они

*) К. И. Богданович. *Очерки Чукотского полуострова.* цит. соч.

являются филлитами, богатыми углистым веществом. Этой толще „темных" сланцев и подчинена золотоносность в Анадыре.

Зато в Анадырском лимане обнаруживается другая аналогия горных пород этого берега с аляскинскими, весьма существенная для отыскания здесь россыпей. В геологическом прошлом береговая линия лимана и Нома колебалась, и здесь происходила морская трансгрессия. Полевой считает доказанной наличность здесь постплиоценовой трансгрессии и возможной такую же трансгрессию в плиоценовый период. В таком случае, аналогия анадырского лимана и номского берега будет полная, и можно ожидать открытия в третичных отложениях анадырского берега погребенных морских россыпей - „бичей" (beach). Береговая тундра Чукотского пол. в этом отношении представлетя еще больше сходства с номскими условиями.

Состав изверженных пород на Чукотке и в Анадыре неодинаков. На первой распространены такие глубинные породы, как гранит, во втором, из основных глубинных пород, появляются пироксенит и горнблендит в контактах габбро с змеевиками и метаморфизованными сланцами, что и является тут признаком золотоносности. В этом отношении глубинные породы Чукотки стоят ближе к таковым Нома.

Развитие золотопромышленности в Анадыре зависит, в общем, от разведки метаморфической сланцевой свиты по простиранию ее на северо-восток, при чем особенное значение имеют, по аналогии с пол. Сьюорда, контакты с интрузивными породами и грубозернистыми известняками.

Другая задача местной золотопромышленности—разведка береговой тундры для отыскания морских россыпей, при чем, по аналогии с номскими „бичами", могут оказаться три рода наносов, в расстоянии от берега $^1/_4$ - 5 миль, при глубине наносов от 17 до 120 фут.*)

Так как развитие метаморфической свиты не повторяется в глубине страны, и породы эти, как на р. Белой и оз. Красном, сменяются липаритами, то при разведке вдали от берега надо обратить внимание на контакт их с другими изверженными породами.

---

*) П. П. Полевой. *Анадырский край*, цит. соч. стр. 109.

Говоря о золоте Чукотско-Анадырского края, можно попутно упомянуть об открытии платины, обнаруженной тут в связи с золотом. Указания на возможность подобного открытия были сделаны уже в 1911 г., когда платина была найдена одним золотоискателем в притоках р. Танюрера, впадающего в Анадырь. Это открытие не было подтверждено конкретными данными и осталось отнесенным к области местных горнопромышленных возможностей. По геологическим условиям, развитию в прилежащем районе р. Белой оливиновых пород, спутников платины, такое открытие было вполне допустимо.

Теперь получено недостававшее подтверждение этого открытия. Золотоискателем Мартыновым был обнаружен в хребте Покульнее, отделяющем р. Танюрер от р. Белой, какой-то белый металл ввиде тонких пластинок, примешанных к золоту. Эта подмесь была значительна; белый метал после произведенного анализа оказался состоящим из 76 % платины, 10 % железа и некоторых других элементов, возможно — палладия.*)

Открытие анадырской платины представляет выдающийся практический интерес, Как известно, добыча этого металла производилась на 95 % в России; количество его мировой добычи было невелико, около 600 пуд. Сейчас эта добыча значительно пала, так как русская выработка ныне составляет не более 20 % прежней. Британская Колумбия, являющаяся сейчас главным поставщиком платины, не может заполнить образовавшегося в горном хозяйстве пробела, о чем свидетельствует повышение цены на нее в 5 раз сравнительно с прежней. Анадырское открытие заслуживает детальной разведки.

VI.

Развитие золотопромышленности быстро влечет страну к подъему, но настоящей опорой современного промышленного хозяйства является производство угля и железа. Природа, наделив северо-восточную Азию первым из этих ископаемых, почти лишила ее второго; зато есть основа-

---

*) П. П. Полевой. *Открытие платины в Анадыре.* Эконом. Жизнь Д. В. Чита, 1924.

ние предполагать на Камчатке присутствие нефти, и стало быть, эта страна обладает запасами минерального топлива, могущими обезпечить развитие промышленности внутри ее и снабжать ее морской транспорт горючим. Здесь, конечно, говорится не о нынешнем состоянии, а о перспективах будущего хозяйства этой страны.

Месторождения угля известны на Тайгоносском пол., на Западно - Камчатском берегу около Подкагерной, на Восточно – Камчатском берегу около б. Корфа, в Анадыре и частью на Чукотке. Среди этих углей попадаются, как бурые, так и каменные, есть полу – антрациты и антрациты. Месторождений каменного угля обнаружено 15, а бурого 25.

Более других известны анадырские угли, залежи которых находятся поблизости от населенного пункта, поста Ново - Мариинского, и эксплоатируются его жителями в своих домашних надобностях. Разработка, понятно, самая примитивная, получившая более организованный характер совершенно не в промышленных целях: во время местных смут работа на копях применялась, как наказание.

Анадырские угли обнаруживаются в самом лимане, по нижнему течению р. Анадыря и на р. Угольной (район р. Майна). Эти угли приближаются к углистым сланцам и содержат до 50 % золы; но угли по нижнему Анадырю включают меньшее количество золы и принадлежат к длиннопламенным углям с большой тепловой силой.

Таким образом, северо - восток обладает настоящими каменными углями и имеет хорошие их сорта. Используются они, хотя бы и в Анадыре, очень мало, между тем как употребление их для местных нужд весьма облегчило бы изыскание топлива в этом безлесном крае. Разве не курьез, что правительственные учреждения Анадыря, стоящего на угле, получали его для отопления из Владивостока! Все залежи камчатских углей находятся близко от поверхности, а на Восточном берегу они совершенно обнажены, так что использование их совершенно не затруднительно. Местные административные пароходы, принужденные подолгу находиться в плаваньи около здешних берегов, пробовали брать эти угли, что оказалось и возможным и удачным.

Это – весьма важное обстоятельство для местного тран-

спорта, испытывающего большие затруднения из-за необходимости брать при северных рейсах большое количество топлива, чем уменьшается полезный тоннаж судна. При устройстве угольных станций на местах, где есть залежи каменного угля, не только отпали бы эти осложнения, но и облегчилось бы разрешение важнейшей проблемы северного транспорта: установление пути в Европу через Ледовитый океан.

По мнению П. И. Полевого, „говорить об экспорте углей северо-востока Азии на юг не приходится. Единственно, когда они могут приобрести более широкое значение, помимо местного потребления, это при установлении северного морского пути в Европу.“*) Под местными потребностями этот знаток геологии края, очевидно, подразумевает не отопление квартир малочисленных правительственных чиновников, а нужды будущей золотопромышленности.

Северо-восток очень небогат железом, которое тут обнаружено в 9 месторожденях. Оно встречается преимущественно в северной части Камчатского пол. и в районе Петропавловска, и известно в виде охры, болотной руды, сферосидеритов. Признаки железных руд легко различаются простым глазом в верховьях мелких речек, берущих начало в Западном хребте или в ключах, вытекающих из тундровых болот, часто попадающихся на склонах того же хребта.

Столь же немногочисленны на северо-востоке месторождения меди, которых тут насчитывается 10, сосредоточенных в тех же районах, что и залежи железной руды. Медная руда встречается в виде окислов медной сини и медной зелени, раскрашивающей разноцветными полосами хребты на севере Камчатского пол. С давнего времени известно месторождение меди на о. Медном, отсюда и получившем свое название; исследовано оно было однако лишь недавно, при чем обнаружилось, что, представляя теоретический интерес, оно не имеет никакого практического значения, так как концентрация руды находится в зачаточном состоянии, мощность прожилок не более 10 см., и самородки не превышают нескольких килограммов.

*) П. И. Полевой, *Анадырский край*, цит. соч. стр. 112. - Ср. А. М. Оссендовский. *Угли Дальнего Востока*. Владивосток, 1903.

Иную картину дают месторождения серебра и связанных с ними руд, а также графита, разведанные очень слабо и тем не менее обнаруживающие, что разработка их откроет широкие перспективы.

Серебро - свинцово - цинковая руда известна в 10 месторождениях, расположениях в Ямской губе на Охотском побережьи и около м. Сердце - Камень на Чукотке. Охотское месторождение представляет собой вкрапления и прожилки серного колчедана, с содержанием серебра до 90 зол. Не столь богато чукотское месторождение, являющееся штоком руды серного колчедана, свинцоваго блеска, цинковой обманки, с равным приблизительно содержанием свинца и серебра в породе.

На этих же окрайнах были обнаружены залежи графита в виде графитоносных гнейсов и графитовых линз. Такие гнейсы находятся в зал. Лаврентия, пласт их имеет толщу в 20 - 30 м. и содержит 15 – 20 % графита. В Охотском окр. залежи графита находятся около м. Иретского, в Гижигинском около р. Тополевой. Всего известно 6 месторождений графита.

Серебряные руды и залежи графита на Чукотке были открыты уже в период концессии Вонлярлярского, но разработка их не пошла вперед, как и все предприятие этой концессии. Однако также в этой области, как и в золотопромышленности, концессией были сделаны весьма ченные открытия.

Из других ископаемых на Камчатке встречается самородная сера в Аваче, Ключах, на р. Большой, Камбальной; Озерной, в общем 8 месторождений, все месторождения, исключая Ключевское, на юге полуострова, где расположен ряд потухших вулканов; далее слюда на Иткане (Гижига) и Тигиле (Камчатка), молибден на Ирети (Охотск), киноварь, бросающаяся в глаза своими выцветами в разных местах полуострова Камчатки.

Из драгоценных камней на Камчатке известны 12 месторождений опала и аметиста; встречается много полудрагоценных камней, в частности горный хрусталь.*)

---

*) Месторождения других, сверх золота, полезных ископаемых на северовостоке перечисляет Оводенко, *Горные богатства Камчатской обл*, Журнал Золото и Платина, 6, Петербург, 1913.

VII.

Для севера имело бы величайшее значение открытие нефти, о возможности чего здесь говорят давно: инж. Оводенко, тщательно собравший сведения об известных к 1913 г. горных богатствах Камчатки, отметил два выхода нефти – около Ключевской сопки и Курильского оз., достал ее пробы и представил их для анализа, который обнаружил в них хорошее содержание керосина. Однако дальнейших изысканий на месте сделано не было, и открытие потеряло интерес.

Нефть на Камчатке вновь привлекла к себе внимание в связи с усиленными поисками этого ископаемого на Сахалине, в период японской оккупации. Японцы, часто посещавшие Камчатку на военных судах в революционное время, возможно, пробудили любопытство к поискам нефти и здесь; этот интерес приобрел практический оттенок после недавнего открытия нового выхода нефти на р. Кроноцкой, для проверки чего туда в 1923 г. была отправлена экспедиционная партия под руководством П. И. Полевого.*)

По неблагоприятно сложившимся обстоятельствам, обследования не удалось произвести, и были лишь собраны сведения об известных выходах нефти, оказавшихся в следующих местах: 1) на Восточном берегу около Петропавловска, на р. Чажме и близ м. Камчатского, 2) около с. Кырганика и Машуры, 3) на Западном бер. около с. Явина и Сопочной. На Западном бер. выходы нефти встречаются и северней перечисленных мест.

Экспедицией были осмотрены выходы нефти по р. Богачевке, притоку р. Кроноцкой, где, кроме обнажений лав базальтовой и андезитовой магмы, были найдены третичные осадочные породы в виде дислоцированных песчаников и конгломератов. Обнаруженная среди этих пород нефть оказалась светлой, желтого цвета, с запахом керосина. Произведенный анализ показал в ней бензина 7,5 %, керосина 76,3 %, нефтяного остатка свыше 3000° - 16,2 % при

(* „Отчеты Дальневосточного Геологического Комитета“ за 1923 и 1924 г. Владивосток.

температуре вспышки 55° Ц.; по другому анализу содержание керосина дошло до 78 %.

Богачевское месторождение требует основательной разведки. Так как тут развита тундра и распространены отложения пепла, то необходимо предварительно произвести разведку шурфовзнием и неглубоким бурением, чтобы потом перейти к заложению глубоких скважин для отыскания нефтеносных горизонтов. Камчатская нефть долго лежала втуне, открыта она благодаря частной предприимчивости, и какие - либо запреты на ее изыскания вряд ли дадут другой результат кроме того, что открытие вновь заглохнет.

Теоретически, по аналогии с Сахалином, Полевой признает весьма понятным нахождение нефти также на Камчатке, в ее верхне - третичных отложениях. Если бы это открытие оказалось ценным практически, понятно, какой выдающийся интерес оно представило бы в виду отсутствия этого ископаемого у ближайшего соседа на Д. В.—Японии.

VIII.

Месторождения золота, серебра, графита в Чукотско - Анадырском крае имеют несомненные шансы на успешную разработку; но и Камчатский пол.. как видно из сделанного перечисления разных открытий, не лишен полезных ископаемых, вопреки высказывавшемуся иногда о нем неблагоприятному мнению, на том основании, что он сложен вулканическими породами недавнего образования.

Зато вулканическая деятельность, столь характерная для этого полуострова, наделила его еще одной особенностью: здесь много минеральных источников, отличающихся высокой температурой, равно попадаются ключи с постоянной температурой и крупные ключевые бассейны. Среди источников есть сильно минерализованные, как напр. железистые, но большинство отличается невысокой минерализацией, как напр. сернистые источники. Всего минеральных источников известно 38.

Они делятся на такие группы: 1) ключи, связанные с фумароллами, дающие выцветы извести и серы с температурой до 100°Ц. (Узон); 2) железисто - известковистые

ключи, с температурой до 45° (Щапинские и Пущинские); 3) ключи с примесью сернистого газа, кремневой кислоты, натровых и известковых солей, с температурой 50-70° (Паратунские, Малкинские, Начикинские, Апачинские); 4) Верхне-Паратунские ключи с температурой до 70°.*) Это разделение, установившееся со времени экспедиции Рябушинского, сейчас подвергается некоторому сомнению, в частности группа третья сближается с первой, и признаются однородными с Паратунскими, кроме отнесенных к этой группе, также Шемлячинские, Щапинские, Кырганикские, Крестовские.

При всей недостаточности изучения этих источников в медицинском отношении, все же опыт местного населения, почти лишенного врачебной помощи и прибегающего к этим источникам, подтверждает их целебные свойства: пользование ими излечивает простудные и желудочные заболевания, способствует заживлению ран и язв. Особенно громкой славой на месте пользуются Шемлячинские ключи, которым приписываются прямо невероятные исцеления. Сюда ежегодно стекаются десятки и более сотни больных, оставаясь тут, несмотря на непривлекательную обстановку жизни, зимовать.

Оборудование камчатских „курортов“ - самое скромное. Если ближайшие к Петропавловску Паратунские ключи охраняются, подчищаются, имеют кое-какую постройку, а больные, проходящие на них лечение, могут жить в селении того же имени, то Шемлячинские ключи не дают минимума удобств своими посетителям, принужденными жить в палатках и питаться собственными припасами. Бассейнов для купания на Шемлячике нет, больные пользуются ваннами, вырытыми в земле по близости от выхода источника.

Появятся на Камчатских источниках, особенно Шемлячинских, простейшие удобства для жизни, и они привлекут не десятки, а сотни посетителей. Они приобретут значение не для одних жителей прилежащих окрестностей, но и для людей, которые приедут сюда издалека, из Владивостока, полечиться и отдохнуть. Это не было бы удивитель-

---

*) Комаров. *Путешествие по Камчатке.* Камчатская экспедиция Ф. П. Рябушинского, ботан. отд. Москва, 1912.

но: ездят же оттуда на минеральные источники Забайкалья, т. е. не ближе, чем на Камчатку; ездят и на Кульдур (близ Хабаровска), вряд ли лучше оборудованный, чем тот же Шемлячик.

Следует подчеркнуть, что на камчатские курорты можно было бы отправляться для отдыха: пожалуй, мало на Д. В. мест, где природа вставала бы перед человеком в столь разнообразных и любопытных проявлениях, неизвестных на материке. Имеет значение также морское положение Камчатки и теплый летний климат.

Академик Комаров, посетивший ее в 1909 г., с сомнением отнесся к колонизационной и промышленной ценности Камчатского пол. Но и он оценил этот край, как курортную область, могущую привлечь не только больных, но и туристов. Он смотрит на нее, как на „страну резко выраженных вулканических явлений, страну чудес природы, своего рода Иеллостонский парк. Это красивая горная страна с мягким сравнительно климатом.*)

Сравнение с Иеллостонским парком очень удачно: Камчатка весьма удобна для создания таких парков, цели которых можно связать с интересами сбережения охотничьего зверя. Вопрос о подобном подходе к чудесам камчатской природы не только обсуждался серьезно, но даже не поднимался.

IX.

Знакомство с горными рессурсами северо-востока показывает, что он имеет все шансы промышленного развития в этом направлении, но направление это оказывается односторонним. Уголь и железо, основа фабрично-заводской промышленности, не могут выдвинуть его в один ранг с ближайшими промышленными районами материка, хотя бы с Приморьем, тем паче с Сахалином. Значение камчатского угля—местное, облегчение ближнего каботажа и плаванья по Ледовитому океану. О другом важном ископаемом, нефти, известно слишком мало, чтобы можно было говорить о промышленных возможностях ее разработки на Камчатке. Можно лишь сказать, что она требует разведки,

*) Комаров, цит. соч, стр. 443.

и ее стоит произвести. Минеральные источники, при открытии их для эксплоатации, все-таки будут иметь только специальное значение.

Остается одно, ценнейшее для быстрого подъема края ископаемое, золото. Опыт золотопромышленности на севере показывает, что ни суровость климата, ни трудности разработки не могут помешать развитию этого дела, если найденное золото достаточно богато. Открытие золотоносных площадей немедленно вызывает прилив золотоискателей, удачная разработка привлекает торговцев с предложением товаров, в короткое время создается человеческое поселение, нуждающееся в культурных удобствах и могущее за них щедро платить, и вот на пустом месте возникает город, не уступающий по хозяйственному оживлению любому местному старому населенному пункту; в тундре прокладываются дороги, проводится телеграф, все для приисковых надобностей. Городская жизнь на Аляске или на Юконе подтверждает сказанное достаточно разительными примерами.*)

Наименее разведано и в то же время наибольшие возможности обещает золото Чукотско-Анадырского края. Все условия, в которых возможна разработка этого золота: географическое положение, геологические свойства, экономическая необходимость, — все связывает его с)Америкой, откуда и может последовать толчок к извлечению из здешних недр втуне лежащего богатства. Американцы с их опытом аляскинской золотопромышленности смогут не блуждать долго впотьмах на Чукотке или в Анадыре, и они в состоянии технически оборудовать зарождающуюся золотопромышленность всем необходимым, начиная от старательского скребка (scraper) — остроумное приспособление для вскрыши торфов), и кончая мощными драгами, вроде номских 29-футовых гигантов.

Этим определяется характер, какой примет колонизация этой окраины и форма, в какую выльется эксплоатация ее горных богатств. Тысячи рабочих, проспекторов и старателей, ждут с нетерпением на том американском берегу,

---

*) О золотопромышленности на Аляске и ее колонизующем значении см. К. Н. Богданович, *Очерки Номе*, Петербург, 1900.

когда же откроется для них доступ к русскому золоту; Чукотско-Анадырский край вызывает живейший интерес среди золотоискателей Аляски, и с истощением номских россыпей, признаки чего имеются, еще усилится стремление найти новый золотоносный центр, на русском берегу. В этом есть и опасность.

Придется подумать, как обезпечить национальные интересы, в частности интересы русского труда. Но это вопрос технический.

В принципе, вместо того, чтобы тратить большую энергию с малой пользой для народного хозяйства на сохранение в мертвом виде Чукотско-Анадырского края, не лучше ли наоборот открыть его для всех желающих тут работать, независимо от их национального происхождения?

После сказанного можно полагать понятным вывод, что наилучшей формой эксплоатации горных богатств северо-востока, и в частности северного золота, будет концессионная с широким привлечением иностранного капитала, который может быстро и основательно произвести разведку и перейти скорей на добычу.

Глава IV.

Командорские о-ва и звероводство.

I.

Особняком в хозяйстве русского северо-востока стоят Командорские острова, о. Беринг и о. Медный, клочки земли, затерявшиеся среди безграничного водного пространства Тихого океана в расстоянии суточного пути от Восточного берега; эти острова обладают единственными в мире богатствами: морскими бобрами, котиками, голубыми песцами, правда, добываемыми в небольших количествах; промысловое население, ведущее здесь морскую и сушевую охоту, 360 ч. алеутов, живут весьма своеобразной жизнью, привязанные к питающему их промыслу (в буквальном смысле, потому что им приходится не брезговать котиковым мясом) оторванные от внешнего мира больше, чем любые люди в глухой тундре.*)

Открытие островов в 1741 г., как известно, связано с именем командора Беринга, нашедшего здесь себе могилу; острова тогда были пустынны и кишели морским зверем, слух о котором, донесшись до Камчатки, воспламенил местных промышленников жаждой этих богатств. Всего через несколько лет после открытия островов торговый человек Басов не побоялся пуститься на утлом суденышке в путь, погубивший Беринга, и вновь открыл эти острова, на этот раз для промысла. Эксплоатация Командорских о-вов восходит, стало быть, к очень отдаленному времени, протекая в разных формах, большей частью хищнических, и лишь через двести лет после открытия дождалась хозяйственного упорядочения.

Русские промышленники недаром тянулись к Командорам через океан. Богатство зверя тут было поразительно. Морской бобер (Latex Lutris из семейства куниц) ско-

---

*) О Командорских о-вах написано много на русском и иностранных языках. Наиболее полны работы двух специалистов: Е. К. Суворов. *Командорские о-ва и пушной промысел на них.* Петербург. 1912. Leonhard Steineger. *Fur seal indusry of the Commander islands 1897 to 1922* Washington, 1925. В этих сочинениях приведена литература предмета.

плялся на лежбищах большими стадами, совершенно не боялся человека и приходил на огонь. Его били сотнями штук; вообще, северная часть Тихого океана изобиловала бобрами: они промышлялись также по Восточному берегу Камчатки, добывались около Прибыловых островов и по берегу Аляски. Этот район далеко выходил за пределы нынешнего распространения бобра, обитающего сейчас только на Командорах и попадающегося на м. Лопатка и м. Сивучьем на Камчатке.

Его добыча в середине прошлого века доходила до 1500 шт., упала к концу столетия до 100 - 180 шт., несколько повысилась в начале нашего столетия (120 - 230 шт.), вновь пала в первом десятилетии (150 шт.) и еще больше во втором (40 шт.).

Еще более энергичному истреблению подвергся другой редкий зверь, обитавший подле берега Командорских о - вов: это морская корова (Rhytina Stel. Fisch.), выбитая совершенно уже в конце XVIII в. Этот крупный, но беззащитный зверь привлек внимание промышленников, как мясное животное: на пустынных о - вах кормиться было нечем, и вот началась охота за коровьми табунами, которым стали „чинить сугубую трату и гибель.“

Морской бобр и морская корова уже в то время были исчезающими зверьми, выживавшими только там, где они находили особо благоприятное убежище от человека, как на Командорах.*) Иную картину представлял промысел другого морского зверя, котика (Calorhinus Ursinus), промысел, экстенсивно развившийся в следующем за открытием Командорских о - вов столетии. Островные лежбища, казалось, обладали неисчерпаемыми богатствами этого зверя, и тем не менее, как только рука человека коснулась его, он пришел почти в такое же состояние, как бобровый промысел уже в предшествующем столетии. Так как охота на котика велась, когда командорские промыслы были уже организованы, то имеются точные данные о постепенном падении его добычи. Этот процесс идет настолько неуклонно, что будет любопытно проследить его с более отда-

---

*) Берг, *Открытие Камчатки и камчатские экспедиции Беринга*, Петроград, 1924, стр. 172 - 176.

ленного времени. с момента, когда тут стали работать котиковые компании.

Годы	Добыча	Годы	Добыча
1872 г.	29.318 шт.	1894 г.	26.287 шт.
1876	26.960	1897	12.851
1880	48.504	1901	10.799
1886	54.021	1905	8.090
1890	55.448	1907	5.627

1910—3.340 *)

За последнее десятилетие промысел продолжал ежегодно сокращаться, теперь уже не тысячами, но сотнями штук, и остановился наконец на добыче около 1000 шт., что и явилось исходным моментом для начала нового хозяйства. Общее число котиков в существующем табуне предполагается около 20.000, – принимая во внимание медленный прирост, очень небольшая цыфра, заставляющая относиться весьма осторожно к увеличению убоя зверя.

Практически котиковое хозяйство уничтожено также, как бобровое, и лишь после ряда лет, в течение которых убой будет ограничиваться названной или близкой к ней цыфрой (фактически соответствующей запуску), возможно увеличение табуна до размеров, при которых промысел возродится.

Командорское хозяйство в нашем столетии принуждено исходить из промыслового объекта, который до сих про вызывал мало интереса: это голубые песцы. Их, как и прочего зверя, прежде было много больше; путешественники, посетившие острова первыми, были поражены обилием и смелостью этих животных, сбрасывавших пудовые камни с бочек, наполненных мясом, стаскивавших камни с ям, в которых было зарыто то же мясо; песцы настолько не боялиеь людей, что ночью воровали шапки, одеяла и вещи спящих, а днем глодали ремни у сапог сидящих людей; зверей едва можно было отогнать от больных цынгой.**)

*) П. Д. Лежнин, *Дальний Восток*, Чита, 1923, стр. 167.

**) Берг, цит. соч. стр. 160 - 170.

Не следует, конечно, думать, что острова были переполнены этим зверем: живя на суше, он не мог плодиться так безгранично, как морской зверь, напр. котик. Впечатления Стеллера относились к ограниченному пространству, на котором песцов, действительно, могло быть много.

Особенность песцового промысла состоит в том, что он быстро восстанавливается после упадка, благодаря сильному размножению зверя, как только для него открываются несколько благоприятные условия. Поэтому за все время эксплоатации Командорских о-вов этот промысел не обнаруживает такого разительного упадка, как добыча бобра или котика. Сейчас тут добывается около 1000 песцов, в момент расцвета промысла их добывалось до 3000 шт., может быть, даже больше, но несомненно, не более 5000. Все песцовое стадо на Командорах исчисляется в 3000 гол.; многие люди, хорошо знакомые с островами, полагают, что этот официальный подсчет преуменьшен и что на о. Беринге, где точного подсчета не было, песцов гораздо больше, во всяком случае, на обоих островах их не больше 5000.

II.

Ценное командорское хозяйство частью уничтожено, частью требует ряда лет для восстановления. Причины этого лежат в обстоятельствах технического и организационного свойства, Промысел ведется такими же примитивными приемами и с такой же нерасчетливостью, как столетия назад; а хозяйство строилось исключительно в частных интересах, без всяких государственных соображений.

Бобровый промысел связан с о. Медным и производится осенью, кроме юго-восточной части острова, где бобров можно промышлять все время. На Медном же сосредоточен котиковый промысел, имеющий тут 8 лежбищ; на о. Беринге их три.

Время промысла—лучшее осенью, но вообще можно добывать котиков и летом. Песцовый промысел ведется на обоих островах, но главное его место о. Беринг, где песцов насчитывается вчетверо больше, чем на о. Медном; на

нем предположено построить 6 ловушек для песцов, а на о. Медном 3.*)

Бобры принадлежат к мигрирующим животным; миграции их недостаточно известны, но факт периодического оставления ими лежбищ несомненен: это наблюдается и на Командорах и на м. Лопатке (точней, по близости от него на м. Трех Сестер и м. Желтом), где тоже есть бобровые лежбища; бобер еще встречается около м. Сивучьего в Кроноцкой бухте; этими мысами, возможно, и определяется район миграции бобра, во всяком случае, за его пределами сейчас бобер не попадается.

Бобер или плавает в море или выходит на лежбища, для которых он выбирает скалистые выступы среди зарослей морской капусты. Он отличается большой осторожностью, боится не только шума, но даже дыма; его слух и обоняние очень тонки, чем и воспользовались японцы, когда пожелали уничтожить русские бобровые лежбища на Лопатке; они поливали скалы нефтью, лили ее в воду около берега, и бобры стали перекочевывать с неприятного для них места на японский берег (Курильские о-ва).

Алеуты промышляют бобра ставной сеткой или бьют его стрелой, бросаемой не из лука, а с лопатки; бобра, плавающего далеко от берега, можно брать пулей. Осторожность бобра, исчезновение его слежбищ заставляет обставлять охоту тщательным наблюдением за зверем, что делает ее особенно тягостной для жителей; промышленники м. Лопатки находятся в несколько лучших условиях: они выезжают сюда зимой, отправляясь, как добровольная партия, и получая за промысел половину стоимости добытых бобров (10—15 штук); эти охотники, не алеуты, а казаки, менее опытны и не всегда удачливы.

Котиковый промысел не более труден, чем убой домашнего скота: все дело охотников—охрана лежбищ и отгон стада. Котиковые лежбища похожи на таковые же нерпичьи, т. е. представляют собой гладкий каменистый берег, на котором отдыхают котики, окруженные своими „гаре-

---

*) Об этих промыслах см. работы двух специалистов: Гребницкий. *Новейшие данные о жизни и промысле котов и бобров.* Вестник рыбопромышленности, XVII. Петербург, 1902. - Черский. *Командорский песец.* Материалы по изучению рыболовного и пушного промысла на Д. В. Токио, 1919.

мами,“ вступая часто в драку из - за обладания наиболее привлекательными самками. Лежбища в это время охраняются от постороннего присутствия, но находятся под наблюдением охотников, караулы которых отмечают число самцов и самок. В зависимости от этого, согласно с установленной нормой, назначается число зверя, подлежащего убою.

Вторая часть промысла—отгон стада в сторону от лежбищ, для производства самого убоя. Котики отгоняются по очень неудобной дороге на довольно значительное расстояние от берега; отгон очень изнуряет зверя, но не легко дается и погонщикам.

Котики бьются палкой по голове („дригалка“), после чего пластаются; отбросы закапываются в землю, а шкурки засоливаются и сохраняются (делается это затем, чтобы мех оставался более мягким и нежным).

Отбор и отгон котиков производится по подробной инструкции, выработанной согласно с естественно - научными наблюдениями над этим зверем; этот порядок был установлен одним из командорских начальников, Гребницким, много поработавшим над упорядочением этого промысла.

Промысел песца не представляет каких - либо особенностей, сравнительно с охотой на этого зверя везде на севере или с лисьим промыслом. Капкан и приманка (кусочек рыбы), больше ничего не требуется для добычи песца. Своеобразие командорского промысла—только изобилие зверя; хотя его не так много, как во времена Стеллера, тем не менее и сейчас песец находит себе убежище, отнюдь не смущаясь присутствием человека: он живет во дворе, под домами, совсем как кошка или собака. Он легко приручается и привыкает к своему месту. Поэтому подкормка очень облегчает добычу песца, и устройство ловушек для него не представляет никаких затруднений: песцов даже приходится отгонять отсюда.

III.

Командорские о - ва в первое столетие после их открытия для торговли эксплоатировались в тех же формах, как пушные богатства всей Камчатки, т. е. сначала смелыми и удачливыми купцами, работавшими лично от себя

и естественно стремившимися вознаградить себя безудержным хищничеством, а позже, с конца XVIII. ст. „Российско - Американской компанией, прибавившей к хищничеству еще угнетение туземцев, оказавшихся на обширной территории ее административно хозяйственной деятельности. Командоры были частью этой территории; ко временам компании восходит нынешнее хозяйственное устройство островов. Как известно, они были необитаемы, вследствие чего сюда были переселены жители с Алеутских о - вов, тоже эксплоатировавшихся компанией, и поставлены в положение крепостных людей, обслуживающих командорское хозяйство, совершенно аналогично положению фабрично - заводских крестьян, прикрепленных к известным предприятиям.

Этот режим, если не юридически, то фактически сохранялся и после уничтожения компании в 1867 г. *) С семидесятых годов началось специальное командорское хозяйство, ведшееся средствами концессионеров при весьма слабом наблюдении правительства. Первоначально концессия была предоставлена американской фирме Гутчисон, Коль и Ко, эксплоатировавшей острова 20 лет; в этот период командорское хозяйство достигло наибольшего расцвета в смысле увеличения убоя котиков, чем компания, смотревшая на дело с ограниченной точки зрения своих частных интересов, разумеется, не стеснялась. С такой же легкостью отнеслось к Командорам и государство, не заботившееся об извлечении из них хотя бы фискальных выгод; кроме небольшой аренды, с каждого убитого котика казна получала 1р. 75 к., а убивший его промышленник 1р. Так было оценено государством доставшееся ему редчайшее в мире хозяйство.

Дальнейшая эксплоатация Командорских о - вов осуществлялась не столь безсмысленно, по крайней мере, с точки зрения выгод казны. С 90 - х годов концессия здесь была предоставлена „Русскому товариществу котиковых промыслов,“ и теперь казна стала получать, сверх увеличенной аренды, следующую пошкурную плату: с бобра 115 р.

---

*) Сведения об этом приводит П. Ф. Унтербергер, *Приморская область 1856 - 1898*, Петербург, 1900.

33 к., с котика 10 р. 38 к., с песца 11 р. 53 к. Плата за котика, сообразно его рыночной стоимости была достаточна; тем не менее она была невыгодна для казны, потому что котиковый промысел стал катастрофически падать. Время шло, и концессионеры менялись: видимо, само правительство сознавало неудовлетворительность постановки командорского хозяйства, и все искало лучшего хозяина. Единственно, чего удавалось добиться—повышения пошкурной платы, последовательно возраставшей при эксплоатации островов Русско - камчатским торговым т - вом, фирмой Чурин и Ко, фирмой Демби и Ко (последняя уже после революции); кроме того, внимание концессионеров переходило от потерявшего ценность промыслового объекта, котика, к другому - песцу, что также было выгодно для казны.

Революционный период в жизни Командорских о - вов, когда они опять, как и после ликвидации Российско - Американской компании, оказались без хозяина, вновь ознаменовался усилением хищничества, уничтожившего и тот порядок, которым сдерживались вожделения прежних предпринимателей. Хищничество шло с двух сторон. Во первых, население, оставшееся без надзора, широко развило убой промыслового зверя, преимущественно песца и продажу его шкурок на сторону, команде заходящих пароходов, иностранным шхунам и т. под. В годы наибольшего расстройства промыслов, 1921 - 1922, тайная продажа песцовых шкурок доходила до 600 шт., почти равняясь с государственной добычей; в результате явилось сильнейшее сокращение песцового стада, по некоторым данным, до 400 пар на о. Беринге и 100 пар на о. Медном.

Во вторых, отсутствие охраны позволило вспомнить старые времена иностранным предпринимателям, которые опять стали заглядывать на Командоры, одни пользуясь разрешением областных камчатских властей, игнорировавших старые законы, другие без всяких разрешений.

Безпорядочный характер, который приняли командорские промысла, нельзя всецело ставить за счет революционного времени, особенности которого могли и не сказаться в этом отдаленном от мира уголке океана; командорское хозяйство было дезорганизовано в значительной степени

Дальневосточным управлением рыболовства и морских промыслов, притязавшим на полное распоряжение островами, но не снабжавшим их ни надлежаще подготовленным надзором, ни продовольствием для промышленников - алеутов.

Сдача Командорских о - вов в концессию в 1922 г. была шагом вперед в этом хозяйстве, от которого впервые за все его существование была потребована не только пошкурная плата с добытого зверя, но и программа расширения на основе искусственного разведения зверя. С советизацией Д. В. командорское хозяйство вновь перешло в ведение Управления рыболовства, осуществлявшего задачу снабжения островов более сносно; у жителей отпал соблазн к тайному сбыту добычи, а программу разведения песцов представилось возможным осуществлять без помех.

В котиковом промысле была еще одна сторона, долго уходившая от всякого воздействия и много способствовавшая его уничтожению. Отсутствие достаточной охраны на островах издавна развило здесь, наряду с нерасчетливым хозяйством какой - нибудь концессионной фирмы, уже вовсе хищнический промысел иностранных шхун, производивших его нелегально. Закон 1893 г., изданный по соглашению с канадским правительством, установил 30 - мильную запретную зону около Командорских островов и 10 - мильную около берегов Камчатки, что дало охранным крейсерам право преследовать шхуны, производящие лов в пределах зоны. Закон вызвал поразительный эффект; хищники, выйдя за эту полосу, развили лов котика до максимальных пределов; в последние годы XIX столетия на лондонский рынок последовательно поступили 80.000, 102.000, 141.000 шкурок, упромышленных преимущественно в российских водах, так как американцы, по соглашению с той же Англией, выговорили себе гораздо более широкие запретные зоны около Прибыловых о - вов. Понятно, почему с этого времени российская добыча стала так стремительно падать.

Сокращение добычи пробудило в странах, ее производящих, сознание международного значения этого промысла, и с 1911 г. он был поставлен Вашингтонской конвенцией в более выгодные для русских рамки; соседи не только стали реально способствовать охране командорского хозяй-

ства от какого бы ни было посягательства (раньше иностранные хищники преследовались фактически только русскими крейсерами), но и сами потребовали от российского правительства поддержания котикового стада на уровне 18.000 голов. Запретные зоны были увеличены, репрессия по отношению к хищникам была усилена.

IV

В хозяйстве на Командорах большую роль играет местное население: промыслы долго держались исключительно его трудом, а вознаграждался этот труд до крайности скудно.

Как сказано, командорские алеуты до последнего времени представляли туземную общину, закрепощенную ради интересов – даже не государства, а эксплоатировавшего острова предпринимателя.*)

Алеуты были обязаны вести промысел по указаниям островной администрации, определявшей главным образом число подлежавших убою котиков. Работа алеутов, хотя и не требовала труда многих людей, но вообще была нелегкой, особенно при холодной и сырой погоде.

Как мы видели, промышленники получали за свой труд ничтожное вознаграждение, впоследствии, правда, ставшее в несколько большее соответствие с реальной ценностью добываемого объекта. Вознаграждение получалось преимущественно натурой (да и к чему тут были деньги?), и снабжение населения было вопросом жизни или смерти на островах, а между тем в революционный период ведавшие ими органы предоставили алеутов самим себе.

Своеобразная обстановка островной жизни наложила тяжелую печать на жителей. Отсутствие притока новой крови, браки алеутов в ближайшей степени родства, половые сношения между малолетними, все это способствует созданию племени больного и развращенного. Сифилис, раз сюда попав, свил тут прочное гнездо, и им поражены даже малые дети. Физическому нездоровью соответствует моральное: тусклая жизнь, отсутствие развлечений порождают пьянство, которым тут заражены поголовно все взрослые. Чтобы достать спирт, приходится тайно сбывать

*) Б. А. Редько: *Алеуты Командорских о-вов.* Производительные силы Д. В. т. 5. Хабаровск, 1926.

добытых песцов, и команда проходящих пароходов, спекулируя на страсти туземцев, весьма успешно соперничала с казной по скупке песца.

Правительство не предпринимало ничего, чтобы скрасить эту жалкую жизнь. Представители промыслового надзора посылались сюда ради зверей, но не людей: человек стоял на заднем плане. Исключая некоторых лиц, обладавших широкой естественно-научной подготовкой и оставивших ценные исследования промыслов, как Гребницкий—котикового, или Черский—песцового, командорские администраторы, особенно за последнее десятилетие, состояли из людей невежественных, по самодурски угнетавших туземцев, а по пьянству не уступавших этим последним, и даже прямо людей психически больных, живой музей камчатских правителей два века назад. Эти люди, конечно, не могли сколько-нибудь улучшить положения туземцев, более того, не могли не вызвать озлобления с их стороны.

Подобное настроение алеутов было существенным фактором в расхищении островных богатств во время революции, и уничтожить эти чувства можно не легко.

V.

Рыночная ценность поступающей с Командорских о-вов добычи сейчас не велика, и должна уменьшиться еще, если прекратить убой бобров, что, несомненно, придется сделать. При нынешней же добыче, ее стоимость такова.

Добыча	Количество	Стоимость
Бобры	30 шт.	30.000 р.
Песцы	1000	100.000 р.
Котики	1000	20.000 р.
	Всего	150.000 р.

Примерно столько получает от эксплоатации островов казна; за вычетом расходов на продовольствие алеутов и содержание надзора, что составляет 70 - 80.000 руб., коман-

дорское хозяйство даже в нынешнем состоянии упадка оказывается прибыльным. Фактическая ценность командорской добычи выше: шкурки бобров расцениваются на американском рынке до 2000р., хорошие сорта песцов в 150-200 и более рублей; лишь цена котика стоит невысоко, так как на него имеется достаточное предложение с Прибыловых о-вов.

Хозяйство Командорских островов требует рационализации, как в техническом, так и в административном отношении. В нынешнем положении оно стоит перед двумя крайностями: оно хищнически истребляет островные богатства или не увеличивает их эксплоатации, хотя это вполне возможно.

С планами командорского хозяйства носились во время революции, но дальше бумажного творчества дело не шло; кроме обычной судьбы благих пожеланий, дело тормозилось распрями между краевыми учреждениями Д. В. и Камчатки, из которых каждое притязало на управление островами. Хозяев оказывалось много, а забот хозяйству уделялось мало.

Только с 1922 г. переходят от слов к делу, пытаясь правильно поставить песцовое хозяйство, а в последующие годы, если не разрешается, то по крайности намечается организационное объединение всего хозяйства.

Технические улучшения, вводимые в разные отрасли островного хозяйства, дают неодинаковый эффект в применении к здешним промысловым объектам: бобрам, котикам, песцам.

Охота на бобров, очень затрудняющая население, может быть облегчена с переходом от сетей к ружью. Охотникам не пришлось бы подходить слишком близко к этим осторожным зверям, и животные не покидали бы лежбищ, чуя присутствие человека. Ничтожное количество сохранившегося зверя не позволяет мечтать об его увеличении: все, что можно сделать в этом направлении, прекратить убой бобров на некоторое время совершенно. Ценность этого хозяйства в таком случае стабилизируется на 500.000 руб., соответственно рыночной стоимости 300 – 400 бобров. Значение этого хозяйства, как единственного в мире, разумеется. не исчерпывается его денежной ценностью.

Котиковое хозяйство позволяет не только продолжать добычу, но и несколько увеличить стадо,—дело, казалось бы, безнадежное после того колоссального истребления, которому подвергся котик.

Хозяйство исходит из определения естественного прироста стада, оказывающегося не менее 10% ежегодно, и нормального соотношения „секачей“ (холостяков) к числу самок, определяемого в 1/30 - 1/40. Теоретически возможен убой холостяков, превышающий эту норму. Однако думается, что опыт американского хозяйства на Прибыловых островах не может без дальних размышлений переноситься на другую почву. Там хозяйство существует давно, стадо размножилось значительно: в хозяйстве, скопившем запас, допустима высокая норма убоя. Не то на Командорских о - вах, где стадо едва достигает 20.000 гол. и дает в течение ряда лет ничтожный прирост - именно по причине чрезмерного убоя холостяков. Местный опыт показывает, что и сохранение их в отношении 1:20 в стаде не будет без нужды преувеличенным.

Ценность котикового хозяйства определяется в 500 - 750.000 руб.*)

Третий вид командорского хозяйства, добыча песцов, отличается наибольшим интересом: здесь не только возможно значительное усиление естественных рессурсов, представляемых Командорскими о - вами, но и ставится опыт нового хозяйства, могущего послужить показательным примером для аналогичных хозяйств в других местах Д. В.

Песец, в отличие от прочих животных обитателей Командорских о - вов, размножается очень быстро, принося до 4 щенят. Командорские песцы могут размножаться больше, чем природа островов дает им пищи, и их немало погибает от безкормицы. Не будь этого неблагоприятного условия, песцовое стадо могло бы удваиваться через два года в третий, как об этом свидетельствует хотя бы японский опыт на Курильских островах, где существует песцовый питомник, кстати сказать, основанный на командорском племенном материале.

*) С. С. Бабиков, *Командорские о - ва*, Северная Азия, кн. 2, Москва, 1926, стр. 68.

При смелости, даже дерзости песца искуственная подкормка его в особых помещениях не будет затруднительна. Устройство ловушек полезно еще и в том смысле, что здесь же можно производить убой песцов, делая при этом не только учет добычи, но и отбор племенного материала. Захочет ли только песец подвергаться таким экспериментам? Краткий опыт, произведенный на островах, показал, что ловушки вполне подходят под его вкус: песцы не только не избегали ловушки, устроенной в виде домика, окруженного двором и снабженного проволочной оградой, но и забирались сюда в таком числе, что их приходилось отгонять.

Подкормку на о. Медном можно вести мясом убитых котиков, а на о. Беринге рыбой, которую следует запасать по 27.000 юкол на ловушку. Таких сооружений предположено устроить на Беринге 6, а на Медном 3.

Выкармливание и даже выращивание пецов в неволе, за загородками, производилось на островах в период деятельности тут А. И. Черского, заведывавшего Командорами в революционное время; но этот опыт, давший ряд ценных наблюдений, преследовал больше научные, чем практические цели. Заслуга введения подкормки и убоя зверя в ловушках с чисто хозяйственными целями принадлежит заведывавшему остоврами в последующее время П. М. Колтановскому.

Ценность песцового хозяйства определяется в 100 - 250.000 руб.*)

Эта программа разведения песца, конечно, была теоретически выполнима; но практически встречаются препятствия, мешающие непрерывности роста стада, напр. болезни песцов, при большем стаде и более истребительные. Кроме того, эта программа обходила молчанием вопрос о пределе размножения песцов. Стадо, конечно, приспособляется к окружающей физико - географической среде и, несомненно, в условиях островной жизни не может размножаться безгранично. Да и промысловый опыт показывает, что при всей энергии истребления, никогда, даже при начале эксплоатации островов, песцовая добыча не поднималась выше 3000 шт.

---

*) С. С. Бабиков, цит. соч, стр. 72.

VI.

О зверях, обитающих на Командорских о-вах, след. позаботились достаточно. Необходимо, чтобы не позабыли и о людях, т. е. о командорских алеутах. Конечно, надо раз навсегда покончить с несвоевременной или несоответственной доставкой товаров нужных для населения. Потребности населения известны до мельчайших подробностей, количество необходимых запасов не слишком велико, и несомненно, что эта заготовка, выполняемая хозяйственным или подрядным способом, может быть сделана не хуже, чем ее прежде делал Чурин. Если и поныне случаются курьезы вроде завоза на Командоры шелковых чулок и атласных туфель, составляющих принадлежности, конечно, не промыслового обихода, то приходится только удивляться коммерческим способностям заготовителей. Необходимо далее обезпечить алеутам возможность школьного обучения и медицинской помощи и не считат этих учреждений последними в островном управлении.

Улучшение приемов охоты позволяет ограничить число охотников, выселив с островов около 50 человек; известно, каким бременем ложится на Командоры содержание каждого алеута, и проектированная мера разумна и справедлива. Делаются возражения против этого предположения, возникшего довольно давно: алеуты де нигде, кроме островов, жить не могут. Во-первых, они живут в Укинском районе на Камчатке и приспособляются к местным условиям; во-вторых, почему интересы кучки алеутов должны расцениваться так высоко, когда жертвуют судьбами целого народа?

План командорского хозяйства предусмотривает затрату 33.800 руб. на содержание служащих ежегодно и около 250.000 руб. на восстановление пришедшего в упадок или вовсе отсутствующего хозяйственного имущества.

Остается решить не важный вопрос, кому же вести это хозяйство. Любой претендент потерпит неудачу, если подойдет к делу с приемами казенного управления, а не хозяйственной эксплоатации. Именно последняя является решающим моментом, и с такой точки зрения нельзя было бы возражать против сдачи островов в концессию солид-

ному предпринимателю, имеющему опыт в разведении пушного зверя. Но это нежелательно, как по причине дурной славы, оставленной некоторыми старыми концессионерами, так еще больше ради сохранения за государством единственного в мире питомника, доставляющего добычу не столько ценную, сколько редкостную.

VII.

Командорский опыт позволяет перейти к предприятию более широкого свойства. Разведение пушного зверя можно вести и в других местах, и не только одни песцы могут быль объектом такого хозяйства. Командорский опыт ставится в естественных условиях; между тем современное пушное хозяйство, заинтересованное в создании живого охотничьего капитала, знает уже разведение пушного зверя в неволе. Такой опыт, сейчас ставший отраслью промышленности, был сделан двадцать пять лет назад в Канаде, на о-ве пр. Эдуарда и других островах Приморской провинции, где разводятся черные и красные лисицы; по примеру Прибыловых о-вов то же стало практиковаться в Соед. Штатах на Аляске, где разводятся голубые и белые песцы; наконец, в Японии существуют питомники песцов на Курильских о-вах и лисиц на о. Хоккайдо.

Песцы и лисицы—главные объекты новой промышленности; но разводятся и другие звери, крупные и мелкие: делаются опыты разведения не поддаюшихся как-будто одомашнению животных, как скунс и особенно соболь; американцы весьма интересуются последним, как известно, не встречающимся на их континенте.

Оставляя в стороне опыты и ограничиваясь твердо установленным, можно утверждать вместе с Дж. Вальтером Джонсом, исследователем этого дела в Канаде, что каждый род дикого зверя, который подвергается доместикации, разводится не с большим трудом и не с меньшим успехом, чем любой домашний скот.*)

---

*) J. W. Jones. *Fur farming in Canada.* Ottawa, 1913. На этой книге основывался Генерозов, *Пушные питомники в Канаде*, Петербург, 1914. Новейшие авторы, обсуждающие этот вопрос, более или менее точно воспроизводят эти две книги.

Достаточный корм, лечение во время болезней, надзор за зверем позволяют успешно размножать его, хотя при первых опытах немало зверя погибало от жизни в неволе. Но достигли еще большего: путем селекции выращиваются породы, обладающие наиболее ценным мехом, в частности чисто черные лисицы получаются от совершенно красных родителей.

Возможность такого явления долго была неизвестна самим звероводам, старавшимся приобретать для размножения, если не серебристо черных, то по крайней мере, лисиц - сиводушек. Эти факты объясняются законами гибридизации в том виде, как они строятся теорией Менделя. Согласно ей, при наследовании наблюдается расщепление признаков, передающихся потомству в известном пропорциональном отношении, напр. признаки красноты и черноты скрещенной пары разных лисиц могут выступить каждый в чистом виде и в смешении, с вероятностью $^1/_4$ для первого случая и $^1/_2$ для второго; в общем помете оказываются черные и красные щенята.

Полученные таким способом гибриды могут оказаться хорошими производителями независимо от окраски, так как в каждом из них есть элементы черноты, т. е. наиболее ценного для звероводов качества. Признак черноты, скрытый в данном гибриде, при соответственном скрещивании может выступить вновь и дать чисто черное потомство. При массовом скрещивании гибридов можно получать желательную окраску меха, разумеется, черную с вероятностью равной $^1/_4$; при скрещивании этих гибридов с черными экземплярами, упомянутая вероятность возрастает до $^1/_2$. Теория Менделя весьма сложна, и положения ее далеко не общепризнаны. Но эмпирически она была подтверждена в достаточной мере, как опытами над растениями, так и над животными, и ей можно гипотетически пользоваться в трудном и сложном деле изменения окраски меха.

Канадские звероводы руководствовались однако не законами менделизма, о котором они не имели, наверное, представления, а практическим смыслом, направившимся на улучшение оборудования питомников и содержания в нем лисиц; канадцы при этом имели дело преимуще-

ственно с красными лисицами, как с более дешевым материалом.*)

Опытом выработан тип питомника, состоящего из участка, расположенного в уединенной лесистой местности, отличающейся прохладным и влажным климатом, лучше всего, где-нибудь на острове. Питомник окружается внешней изгородью и состоит из огороженных же проволочной сеткой клеток для зверя. Клетки должны быть достаточно поместительны: вышиной выше человеческого роста, при длине и ширине приблизительно в 40 х 40 фут. В клетке устраивается домик для зверя, при чем рекомендуется ставить клетки попарно, помещая в одну самца, в другую самку. Существует несколько вариантов в расположении клеток, как есть и немало типов домика: все приспособлено к предоставлению наибольших удобств для зверя, в частности, к предохранению его от соприкосновения с людьми в момент беременности, когда зверь наиболее раздражается.

Наряду с оборудованием самого питомника, уделяется внимание подкормке зверя наиболее подходящей пищей (до молока и бисквитов включительно в известные периоды), наблюдаются и по возможности устраняются болезни, которых у лисиц немало, и т. под.

В результате этих забот создается питомник, в зависимости от сложности устройства и первоначального в нем количества племенного материала расцениваемый в 20.000 — 100.000 руб. Можно считать, что среднего качества питомник, содержащий 24 пары лисиц, стоит при его организации недорого — около 20.000 руб., что весьма существенно для развития этой промышленности средствами мелкого предпринимателя.

Разведение лисиц в неволе стало в Канаде настолько обычным и, добавим, выгодным делом, что в каком-нибудь охотничьем журнале можно увидеть целый ряд объявлений, предлагающих купить то или другое звероводное хозяйство, о чем говорится совершенно просто, как если бы речь шла о фермерском хозяйстве. Многие звероводы, начавшие работу с несколькими парами лисиц, теперь обладают капита-

*) Об устройстве типового пушного питомника есть статья Д. А. Архангельского *Разведение ценных пушных зверей*, Вестник Маньчжурии, 7, Харбин, 1926.

лом в сотни тысяч, даже полмиллиона долларов; это - не какие нибудь особо талантливые предприниматели, а простые фермеры, каких много в Канаде.

Выгодность дела вызвала даже порядочный ажиотаж. Явился спрос на производителей, которые стоят недешево: 5 - 7.000 дол., а особо ценные производители доходят до 20.000 дол. Не следует удивляться таким поразительным ценам: самка, принесшая несколько серебристо черных щенят, сразу окупает затраты на покупку, так как рыночная стоимость подобных шкурок гораздо выше, чем меха диких лисиц: она доходит до 3 - 5.000 дол.

Спекулятивный характер, который приобрела возникшая промышленность (появились даже лисьи биржи), стал теперь заметно спадать и уступил место терпеливой работе, правда, приносящей верный доход. Во всяком случае, разнообразие племенного материала в питомниках и сейчас значительно. Канада имеет около 400 питомников, содержащих до 40.000 лисиц.

VIII.

Разведение пушного зверя в неволе и возможно и выгодно: есть все основания перенести его на русский север, в пушную по преимуществу страну, раз даже Япония, страна прямо противоположного свойства, сделала у себя подобный же опыт. О разведении пушного зверя на Камчатке говорили уже лет десять, но к сожалению, дальше резолюций и проектов дело не шло, и лишь с недавнего времени оно как - будто сходит с мертвой точки.

На русском севере, конечно, можно разводить серебристо - черных лисиц, как и в Канаде, тем более, что здесь в некоторых местах, видимо, обладающих особыми свойствами, естественно размножаются чернобурые лисицы. Но больше вероятности, что звероводство здесь начнется с голубых песцов, которые приручаются вообще легче, чем лисицы, а в камчатских условиях могут разводиться с особенным удобством.*)

Благоприятное для северо - востока положение созда-

*) Н. Д. Добровольский. *Звероводство, как отрасль промышленности и условия создания его на Д. В.* Эконом. Жизнь Д. В. 5. Чита, 1924.

ется присутствием в его водах ряда больших и малых островов, более или менее напоминающих Командоры и могущих обратиться в такие же питомники. Эти острова расположены в Охотском море – Шантары, Ольский, о. Ионы, в Тихом океане - Карагинский, Верхотуров, в Беринговом море Диомид, в Ледовитом океане Врангель. Все они самой природой приспособлены для интересующей нас цели: по географическому положению они не требуют возведения больших загородок для охраны зверя, что составляет главную статью расхода при постройке искусственного питомника; по климатическим условиям они способствуют выращиванию зверя с длинным и густым мехом. Географическая и климатическая среда, в которой существуют эти острова, делая их несносными для человеческой жизни, в то же время своими особенными свойствами видимо, содействуют появлению своеобразной окраски песцов, которая дает основание называть их голубыми.*)

Некоторые из перечисленных островов пустынны, иные имеют животное население и при том из числа наиболее ценных зверей. Так Шантарские о-ва издавно, с начала XVIII в., известны как богатейшее убежище ценного по качеству соболя, в противоположность прилежащему берегу материка, где и соболь меньше и качество его ниже. Слава Шантарских о-вов пережила столетия и дошла до наших дней. Еще несколько лет назад партии хищников, отправлявшиеся сюда зимовать, по свидетельству предпринимателей, их снаряжавших, доставляли по 300 – 400 соболей.

Карагинский о., не только посещавшийся одиночными людьми, но временами получавший население оленеводов - коряков, тем не менее очень мало разведан в отношении своей промысловой ценности. Видимо, здесь обитает соболь и выдра, и достоверно известно присутствие тут чернобурых лисиц, кстати сказать, свойственных и прилежащему району на самой Камчатке. Есть ли какая - нибудь связь между животным миром Камчатки и Караги? Весьма возможно, так как ведь иногда зимой тут устанавливается сообщение по льду.

---

*) К. П. Лавров. *Русские о-ва в северной части Тихого океана, как рассадники пушных зверей.* Эконом. обозрение, 5, Шанхай, 1923.

Настоящую промысловую загадку до последних лет представлял о. Врангель, по мнению многих добытчиков русского севера, богатейшее обиталище белого медведя. Смелые охотники были готовы зимовать тут, лишь бы сюда добраться, и эта промысловая фантазия чуть не повела в 1923 г. к мирному присоединению острова к Америке, что было предпринято группой авантюристов и эскимосов из Нома.

Пригодность островов для зверозодства, наконец, признана, и разработан план островного хозяйства. Были предприняты и предпринимаются еще промысловые экспедиции для постановки звероводного хозяйства на более интересных островах, как Шантары и Врангель.

Эти экспедиции, к сожалению, снаряжались не достаточно обдуманно, а руководство ими было не слишком удачно. Шантарская экспедиция 1923 г. дала некоторые сведения о географической и климатической среде на островах, сведения, не внесшие, впрочем, много нового в прежние наблюдения работавших тут гидрографов, и возвела постройки для будущего промыслового управления, не позаботившись о возведении сооружений для питомника; наконец, чтобы оправдать понесенные расходы, перебила попавшихся ей соболей, впрочем, всего несколько десятков. План Шантарского хозяйства предполагает разведение здесь, как песцов, на основе племенного материала, полученного с Командорских о-вов, так и соболей. Этот опыт, пока нигде не ставившийся, имеет величайшую важность, и досадно, что он скомпрометирован в самом начале.

Организация хозяйства на о. Врангеле намечена весьма широко: в 1926 г. туда выехала трехлетняя экспедиция, имевшая в виду не только поставить здесь промысловое хозяйство, но и основать колонию промышленников из туземных жителей.

Глава V.

Подсобные промыслы.

I.

Сельское хозяйство на северо-востоке, в частности на Камчатке, имеет продолжительную и порой скорбную историю: оно стоило многих хлопот местным администраторам, к чему иногда прибавлялась безполезная трата государственных средств; оно доставляло немало забот туземному населению, которое тщетно, правда, в небольшой его части, хотели сделать земледельческим; а пока, не особенно расчитывая на туземцев, переселяли сюда сибирских крестьян, на которых и должна была лечь тяжесть опытов и трудов по введению в эту страну земледельческой культуры.

Переселение крестьянских семейств в Охотск началось уже в середине XVIII ст. и имело последствием одно из двух: либо они не могли приспособиться к новым условиям и бедствовали, либо переходили на обычный здесь промысел, т. е. становились охотниками и рыболовами. Со второй половины XVIII ст. заботливые камчатские коменданты, как Бем, начинают насаждать земледелие, независимо от привычек местного населения, с результатом близким к нулю: урожаи хлебов и овощей измерялись в пудах и даже фунтах. В начале XIX ст., не ограничиваясь опытами, перешли к прожектерству, еще более неудачному: сельско-хозяйственная компания, организованная неким Сомовым, за короткое время своей деятельности поглотила несколько десятков тысяч денег, в качестве субсидии, и не сделала ничего. Более практически, в смысле выбора места (долина р. Камчатки) и в организационном отношении (инструктаж местного населения, проект внедрения в его среду большого числа колонистов) было поставлено дело при губернаторе Завойко. Как известно, опыт на этот раз дал удовлетворительные результаты: выращивалась рожь, пшеница, ячмень, конопля, лен. Эта земледельческая кутульар, как

ни толково она насаждалась, не пережила своего творца, и в наше время дело началось на пустом месте.

Эти прошлые попытки слишком далеки от современности и достаточно разрознены, чтобы из неудачи их делать какие-нибудь заключения на будущее. Новое увлечение земледелием опять как-то сплетается с появлением на Камчатке благожелательных губернаторов; формы, в которые оно вылилось, дают возможность также представить, как же насаждалось это хозяйство во времена более отдаленные.*)

Начать с того, что население при этих опытах оставалось совершенно пассивным и смотрело на них, как на новую напасть. Пионерами земледелия явились полицейские чины, распространявшие семена, порой непригодные из-за поздней всхожести, побуждали к устройству огородов с посадкой преимущественно картофеля; не довольствуясь инструктажем, новоявленные агрономы взыскивали с туземцев, недостаточно восприимчивых к насаждаемой культуре. Попытка сама по себе не была безнадежна: она ограничивалась Петропавловским у. и не посягала на земледелие в собственном смысле, довольствуясь огородничесвом. Но результаты, в которых на первом плане стояла показная сторона, все-таки оказывались плохи.

Лишь более заботливые хозяева выращивали репу, свеклу, тогда как остальные ограничивались посадкой картофеля, а как это иногда делалось, показывают примеры западно-камчатских коряков, съедавших полученный для посева материал и сажавших, к приезду начальства на другой год, купленный у русских картофель, клубни отдельно, ботву отдельно. Начальство и население оставались довольны.

II.

Неудачные результаты последних опытов земледелия на Камчатке нимало не решают вопроса о возможности здесь земледелия вообще: как не показательны попытки насаждения земледелия в течение почти двухсот лет с по-

---

*) В. Г. Богораз, *Подготовительные меры к организации малых народностей*, Сев. Азия, 3, Москва, 1923.

мощью нескольких десятков крестьянских семей, так не показательна и агрономическая деятельность недавней полиции, старавшейся вовлечь в эту работу туземцев.

Но нельзя полагаться и на оптимистические уверения официальных защитников сельского хозяйства на северо-востоке, когда они утверждают, что огородничество здесь возможно, потому что корнеплоды родятся прекрасно, а возможность земледелия обосновывают ссылкой, что де сеялись же хлебные злаки тут прежде. Надо сказать, где, в какой мере и что может родиться, а тогда уже можно расценивать возможности северного земледелия. Общие физико-географические условия ставят здесь весьма узкие пределы этому хозяйству. Охотское побережье, как земледельческая территория, безусловно, не имеет ценности: близость якутского центра холода и соседство с полярным морским бассейном, каким является Охотское море, создает тут слишком суровые для земледелия климатические условия, гораздо худшие, чем в Иркутске или Томске. Вследствие поздних утренников и ранних заморозков на Охотском побережьи не только не родятся злаки, но и не вызревают некоторые овощи: напр. картофель даже в Удском районе не имеет широкого распространения, не говоря о более далеком севере.

Но оставим скованные стужей берега Охотского моря; посмотрим на полуостров Камчатку в той части, где она находится под действием ветви теплого течения Куро-Сиво, по преимуществу на долину р. Камчатки, которая, по мнению защитников местного земледелия, представляет наибольшие для него удобства. И здесь прежде всего оказывается затруднение — недостаточное нагревание почвы: средняя температура этого района в июне „-4“ и 10, в июле „-2“ и „12“ Ц. (соответственно ночью и днем). Ночная температура не поднимается выше 9° (июнь) или 10° (июль).

Следующее неблагоприятное условие дается коротким летом. Снег держится до середины июня, сохраняется даже позже, и может вновь выпасть уже в начале сентября: только июль и август безусловно от него свободны. Весенние заморозки продолжаются до начала июня, а осенние бывают, как исключение, в начале августа и постоянно в

сентябре. Снег на Камчатке вообще выпадает глубокий, даже в ее южной части; тем больше его глубина по мере приближения к Усть-Камчатску, где сказывается влияние холодных ветров, дующих с моря, и высоких гор, покрытых вечным снегом.

Последнее обстоятельство весьма важно, как влияющее на качество почвы. По словам акад. Комарова, как материал для образования почв, продукты вулканической деятельности обычно дают превосходный субстрат, но в Камчатке, где они большую часть года лежат под снегом, процесс измельчения их и претворения в удобоусвояемые корнями растений соединения идет крайне медленно.*)

Богатство здешних почв кремнекислотой (72 %) тоже невыгодно для земледелия.

Таким образом, со стороны географической, климатической и почвенной даже долина р. Камчатки не оправдывает связываемых с ней надежд; вполне пригодна для земледелия только небольшая ее часть между с. Верхне-Камчатским и Ключевским, ближе к середине между этими пунктами: здесь влияние отмеченных факторов, холодных ветров и глубоких снегов, умеряется окружающими широкую речную долину горами.

Кроме естественных причин, развитие камчатского земледелия тормозится еще экономическими. Опыты земледелия в этом веке относятся здесь ко времени наибольшего упадка и обнищания края, когда житель, растеряв пушное богатство, еще не нашел нового хлеба в виде рыболовства. Но раз его найдя, он потерял вкус к продолжительной и мало благодарной работе на земле, когда он может добыть все необходимое для своего обихода, поработав летом на рыбалке, что и короче и легче. Изменить такой уклон местного, да и любого, хотя бы вновь размещенного населения, пока рыболовство не оскудеет, невозможно. Опыт селений Нижнего Амура, состоящих из настоящих земледельцев, работавших здесь же над землей несколько десятков лет, достаточно убедителен: достаточно было двух десятков лет, чтобы развившееся рыболовство заставило позабыть о крестьянской работе.

---

*) Комаров, цит. соч. стр. 403.

Поэтому не приходится ожидать, что камчатский крестьянин станет сажать рожь, чтобы иметь свой хлеб, и сеять коноплю, чтобы изготовлять свое прядево. При существующем хозяйстве, здесь возможно только огородничество: разведение брюквы, репы, редиски, редьки, свеклы, моркови, и что было бы полезней всего, картофеля. Надежду на вызревание других овощей надо оставить.

Пригодным для огородничества районом остается Петропавловский у., преимущественно его южная часть. Вызревание картофеля возможно на Западном берегу на север до Тигиля; на Восточном глубокие снега препятствуют этой культуре уже на широте Усть - Камчатска.

Приведенными соображениями, разумеется, не уничтожается тот факт. что отдельные хозяева достигали удовлетворительных результатов при разведении овощей даже в весьма северных районах: огурцы и капуста выращивались прежде и в Тигиле, но это – случайные опыты.

В общем, можно сказать, что земледельческого хозяйства, хотя бы в форме огородничества, на Камчатке сейчас нет; есть только попытки отдельных хозяев, более или менее удачные. Эти попытки, не задаваясь трудно достижимыми эфектами, можно и должно поддержать; из рекомендуемых для этой цели Н. И. Болтенко практических мер отметим следующие: необходимо усилить инструктаж населения при помоши специалиста по полеводству и огородничеству, учредить инструкторские пункты при школах и развести при них показательные огороды, создать и снабдить оборотными средствами аппарат для выписки семян и орудий.*)

К этому надо прибавить, что на деятельность сельских хозяев на Камчатке надо смотреть, как на пионерскую, оказывая им всяческую поддержку облегчением налогов и отводом необходимых участков, в чем до сих пор иногда ставились препятствия.

III.

Судьба местного скотоводства неразрывно связана с

---

*) Н. И. Болтенко. *Сельское хозяйство на Камчатке и его перспективы*, Эконом. Жизнь Д. В., 4. Чита, 1924.

попыткой насадить тут земледелие: столь же продолжительна история этого хозяйства, столь же безтолковы действия властей до наших дней; разница только та, что эти старания увенчались кое-каким хозяйственным эффектом, потому что это дело оказалось по силам северному населению.

Если бы оно было заинтересовано в скотоводстве, как в земледелии, то это хозяйство не пошло бы далеко при таких приемах насаждавшей его полиции: бык, раз присланный в Петропавловск для случки, оказался не племенным, а кастрнрованным. Независимо от явных курьезов, казенное снабжение населения скотом вообще шло безпорядочно, в результате чего среди небольшого камчатского стада оказались украинки, шортгорны, голландки, сементалки, холмогорки. Основанная в 1910 г. сельско-хозяйственная ферма оказать влияние на улучшение местной породы при таком подборе производителей не могла, и гибель ее в 1922 г., когда сюда была завезена чума рогатого скота не имела особенно печального значения для местного скотоводства, благополучно существующего без помощи со стороны казенного животноводства.

На Камчатку лошади и коровы завезены в середине XVIII ст., на Охотском же побережьи они известны много раньше: якуты издавна были хорошими скотоводами, распространившими его на далекий север.

Здесь даже выработалась особая порода лошади; якутская лошадь низкоросла, приземиста, плотна и в общем некрасива; но как северное животное, она превосходно приспособилась к здешним топографическим и климатическим условиям. Она уверенно и легко идет по вязкой тундре, быстро взбирается по крутым сопкам, хорошо ходит под вьюком, поднимая 4 - 6 пудов груза, порой вместе с ездоком, сверх того.

Только мохнатая шерсть и выносливость к холоду спасают ее от гибели при том уходе за скотом, какой практикуется на севере. Лошади пасутся на подножном корму, который они принуждены зимой доставать из-под снега где-нибудь около моря, где трава бывает выше. Наблюдения за животными нет никакого. Лишь особо заботливый хозяин строит „стайку,“ т. е. ставит скот в загородку, подкармливая его сеном; у якутов содержание лошадей лучше, чем у камчадалов.

Население держит лошадей, можно сказать, по традиции, не используя лошади даже как вьючного животного: зимой ездят на собаках, а летом вообще путешествуют мало. Объясняется это исключительно косностью жителей: снег на Камчатке не глубже, чем на Амуре, где ездят на лошадях; конные дороги между селениями могли бы быть пробиты и на Камчатке.

Больше пользы извлекают жители от разведения рогатого скота, коров неопределенной породы. Здешняя корова легковесна и костиста, дает мало молока, чем, впрочем, хозяева бывают также мало озабочены. Лучший рогатый скот попадается у русских жителей, которые выкармливают порой замечательных экземпляров. Недостатки местного скота сознаются жителями, которые охотно платят по 200 - 300 руб. за хорошего племенного быка; но казенная ферма, к которой они в этих случаях обращались, никогда не могла удовлетворить спроса в полной мере.

Содержится рогатый скот немногим лучше, чем лошади, т. е. не на воле, а в стайках, получая скудный корм из запасенного сена. Якуты более заботливы: они держат скот зимой в теплых хлевах.

Корова используется преимущественно, как мясное животное, в затруднительную для хозяев минуту, когда нельзя добыть другого мяса, оленьего или медвежьего. Скотское мясо тут слишком дорого, чтобы им часто пользоваться; пуд мяса стоит 15 – 20 руб., а в Петропавловске фунт мяса доходит до рубля. Как молочное животное, корова почти не используется; приготовление каких - либо молочных продуктов совершенно неизвестно.

Северное скотоводство не обнаруживает в последнее время сколько - нибудь заметного развития в Охотске и на Камчатке: по данным, относящимся к 1895 г., здесь было около 900 лошадей и 2500 корсв; теперь первых 1200, а вторых 2800,—небольшой прирост за 30 лет. По местным ценам (50 - 80 руб. лошадь и 30 - 60 руб. корова) скотоводческое хозяйство здесь составляет капитал в 200.000 250.000 руб.

Конечно, это бедное хозяйство в стране, представляющей для скотоводства значительные природоные удбства: Луговая растительность отличается на Камчатке гигантским

развитием: человек прямо тонет в море шеломайника, сладкой травы, крапивы, баранника; здесь много дико растущих злаков и цветистых растений. „Во всю первую половину лета растительность, не терпящая недостатка во влаге, благодаря обилию почвенных вод, поражает своим свежим и пышным видом“, говорит акад. Комаров и находит, что здешние луга дают прекрасный подножный корм скоту.*)

Запасы удобной травянистой площади могут быть определены сотнями тысяч десятин, если не более, а самый плохой покос дает до 150 пуд. сена с десятины. Словом, местный скот был бы вполне обезпечен подножным и сухим кормом.

Для развития скотоводства были бы полезны мероприятия, аналогичные проектированным выше относительно земледелия. Но наибольшую важность пока имеет улучшение существующей породы скота путем завоза недорогих производителей, кастрации негодного племенного материала и снабжения местного стада ветеринарной помощью. Пока эта обширная страна обслуживается одним ветеринаром, а не так давно не имела их ни одного.

IV.

Северное животноводство, не могущее похвалиться заметными успехами в разведения рогатого скота, получило значительное развитие в других отраслях, неизвестных странам, где имеется скотоводство. Об одной из них – оленеводстве, уже упоминалось при обозрении пушного промысла, по связи этих двух отраслей хозяйства. Туземное оленеводство не относится, по свойственным ему чертам, к сельскому хозяйству; другое же занятие жителей, хотя тоже местное, собаководство, составляет, несомненно, часть этого хозяйства; вопрос только, положительную или отрицательную.

Собаководство существует на севере Азии с древнейших времен, составляя характерную черту палеазиатов; собака—единственное животное, прирученное ими непосредственно, чего нельзя сказать об оленеводстве, занятии, ви-

*) Комаров, цит. соч. стр. 414.

димо, тунгусского происхождения; палеазиатская собака весьма напоминает волка и, может быть, в глубине веков жила в диком состоянии. Давностью этого хозяйства и объясняется упорное его переживание даже там, где возможна его замена.

Обстоятельства не всегда способствуют его развитию или даже сохранению: вследствие голодовок и болезней число местных собак варьирует весьма значительно, порой понижаясь на 50%. После такого падения это хозяйство однако быстро восстанавливается, как только оказывается довольно корма. Ограничивая свои наблюдения последними десятилетиями, можно все же увидеть, что собаководство обнаруживает большой подъем, может быть, в связи с увеличением пришлого люда на Камчатке. Пришельцы обходятся без домообзаводства, даже без семьи, но стать хозяином полной нарты собак стремится каждый из них: такова сила местной традиции, впрочем, находящая опору в насущной потребности охотника иметь средство передвижения. В Петропавловском у., первом по собаководству, в 90-х годах было около 12.000 собак, а теперь их стало до 26.000.*) Общее число собак в Камчатской губ. определялось в 32.766.

Содержание собак само по себе не хлопотно. Летом они живут без работы, но на привязи, так как они настолько дики, что могут порвать не только мелкий скот или домашнюю птицу, где таковые есть, но даже малых детей. Пища им достается без труда: их кормят выловленной свежей рыбой, и сами они, когда их отпускают на свободу, находят довольно наживы около рыбалок. Но вот лето кончилось, установилась зима, и началась собачья работа: они все время в езде или по близости или в лесу, куда хозяин отправляется на охоту. В это время собак кормят юколой, примерно по штуке в день, пополняя корм кислой (квашеной)рыбой, когда собаки стоят дома.

Продовольствие собак в долгом пути дело хлопотливое; обыкновенно юкола заимствуется у „приятеля" в каком-либо селении, и если приходится ехать голой тун-

---

*) Статистика камчатского собаководства приведена у Целищева, *Камчатка*. Чита, 1923.

дрой, берется с собой запас, что очень неудобно: юкола — груз, правда, не тяжелый (впрочем, месячный запас на собаку весит около пуда), но и не емкий, почему при дальней дороге приходится брать вторую нарту, специально под груз юколы. Хозяин может сильно уменьшить дачу корма, до маленькой пластинки сушеной рыбы, но с опасностью заморить собак.

Нарта ездовых собак состоит из 12 животных, из которых одна собака считается главной, передовой: от хорошего ее выбора зависит бег нарты. На запряженную таким способом нарту садится „каюр" (проводник) и кладется 10 - 12 п. груза; обычная скорость движения 12 - 15 в., при надобности повышаемая до 20 в. в час. Значение такого передвижения однако не в быстроте, а в продолжительности: на собаках можно путешествовать неделями и месяцами. Выносливость собак поразительна: проехать 100 - 120 в. в сутки здесь не считается удивительным, хороший же ездок выгонит в день 180 - 200 в. Управление собаками производится без вожжей, одним голосом, и поэтому сноровка при езде очень нужна. В этом смысле выше и сказано о „хорошем" ездоке.

Служба собаки нелегкая: мало того, что она в дороге большей частью кормится скудно, она обмораживает и отбивает себе лапы, особенно после оттепели: отсюда—повреждения ног. Когда собак поражает какая - нибудь эпизоотия, они, не получая никакой помощи, гибнут во множестве, что, напр. бывает при собачьем бешенстве. Камчатский хозяин, хотя и мало заботится о своих собаках, ценит их службу и понимает ее трудность: хорошие собаки — гордость камчадала.

V.

Леса на северо-востоке не дают много материала для развития лесопромышленности; только два уезда тут лесисты — Охотский и Петропавловский, но и они не отличаются большим числом ценных пород. Из хвойных, дающих строительный материал, можно назвать даурскую лиственницу и аянскую ель, основные насаждения здешних хребтов. Первая при высыхании трескается и не держится в постройках больше 10 лет; более прочную древесину дает

сибирская листвeница, но ее тут мало. Из листвeных имеют значение тополь и осина, идущие на постройку „батов“; качество последней, видно, не слишком высоко, потому что бат служит не более 3 лет. Белая береза, встречающаяся повсюду, могла бы быть использована для столярных работ.

Названные породы в некоторых местах образуют обширные насаждения, состоящие из экземпляров, отличающихся высотой (до 10 с.) и толщиной (1–2 ф.); в этих местах лес, действительно, дает хороший строительный материал. Таковы р. Охота и Кухтуй, где прежде, когда здесь был порт, даже строились суда из местного леса, р. Яма и Туманы на севере того же побережья, р. Лесная и Карага на перевале через Камчатский хр., район с. Седанки на перевале от Тигиля к Усть-Камчатску и особенно долина р. Камчатки, располагающая большими запасами и хвойного и лиственого леса. Хороший хвойный лес обыкновенно помещается ближе к вершинам хребтов; сплав его отсюда по рекам при большой воде не был бы затруднителен.

Лесопромышленные возможности Камчатки не велики. За ее отдаленностью, вывоз леса на ближайшие иностранные рынки не осуществим, да и камчатский лесной материал значительно уступает лесам Приморья, сейчас главного дальневосточного экспорта.*) Но внутренние потребности могут обслуживаться местным лесом; конечно, ненормально, что на Камчатку приходится завозить не только дома для правительственных и культурных учреждений, но даже каждую доску, необходимую для рыбалки. При устройстве лесопильного завода где-нибудь в долине Камчатки, отсюда можно было бы вывозить на местный рынок и бревна и распиловку. Об использовании здешнего леса для бочечной клепки уже упоминалось.

VI.

Кустарный промысел занимает очень скромное место в камчатском хозяйстве, что совершенно естественно: пока

(* См. издание Д. В. концессион. комитета, *Лесные концессии Д. В.* Хабаровск, 1925.

туземец не имел дела с рынком, исключая пушную торговлю, потребности его хозяйства были настолько малы, что оно вполне обходилось своими средствами; ни в каком кустарничестве не было надобности. Положение домашней промышленности осталось тем же, когда местные потребности расширились вследствие открытия перед туземцем новых рынков, в том числе иностранных, ибо эти рынки, американский и японский, полностью удовлетворяли потребности населения: кустарничество и тут оказалось лишним.

Но в ограниченных размерах кустарничество здесь возможно, и оно существует. Нет надобности упоминать о выделке шкур копытного морского зверя и приготовлении изделий из них; этот побочный промысел общераспространен всюду, где есть основной промысел и составляет постоянное занятие женщин. Как отмечалось, эта работа производится исключительно вручную, с применением простейших веществ, находящихся под рукой, чтобы получить товар прочный, мягкий и красивый. В нынешнем состоянии эта работа себя не оправдывает, как требующая затраты слишком продолжительного труда, и возможна только в условиях северного безделья.

Но она окажется более продуктивной, если население будет обучено более совершенным приемам обработки кожи и шкур, а также будет снабжено дубильными и красящими веществами. Сейчас обработка продуктов оленеводства и морского промысла является лишь побочным занятием жителей, при том только для нужд местного рынка; при изменении способов этой обработки, она сообщит более широкое развитие промыслам, частью которых она является, т. е. оленеводству и морской охоте,

Самостоятельными кустарными промыслами, хотя имеющими только местное значение, на севере являются обработка металлов и кости (кузнечные работы и резьба по моржевому клыку), а также изготовление нарт и батов. Железные изделия всегда очень ценились, и где оказалась возможность добычи, железа, возникла домашняя промышленность, существующая поныне и снабжающая население далеко за пределами собственно своего района, сел. Каменского и Паренского в Гижигинском у. Кузнецами

сделались местные коряки, и достигли большого искусства в ковке таких предметов, как ножи, топоры, молоты и пр. Каменские ножи даже предпочитаются охотниками привозным фабричной выработки.

Другое занятие, непревзойденными мастерами в котором оказываются чукчи, это — вырезывание разных предметов и фигурок из моржевой кости. Выполненные работы поражают тщательностью, а если делается какая - нибудь фигурка, человек или животное, то еще и прямо фотографическим сходством. На мамонтовой кости выжигаются целые сцены из туземной жизни. Все эти поделки большей частью предназначаются для продажи любителям из русских и иностранцев, и уступаются весьма дешево, хотя изготовление их стоит хозяевам немало времени.

Более важное значение имеет постройка нарт и батов. Кажется, нарта нехитрое сооружение, но и она требует искусства со стороны мастера, если хозяин хочет получить ее прочной и каткой. Не довольствуясь постройкой обычной нарты, ее украшают резьбой и покрывают краской. Искусниками этого дела являются камчадалы, нарты которых встречаются далеко за пределами Петропавловского у. Цена нарты 5 – 10 руб., а более изящная доходит до 20 руб. Удивительно, что в стране, где снег держится так долго, нет производства лыж для сбыта: отдельный хозяин, и то не каждый, имеет только собственную пару. Недавно в Петропавловске был сделан опыт заготовки лыж для воинской команды на местном рынке, и это было отмечено, как большое достижение здешнего кустарничества.

Кустарный промысел мог бы найти применение в рыболовном хозяйстве; клепка для бочек привозится с материка, между тем она могла бы заготовляться на месте, для чего тут есть подходящие древесные породы. Бондарный промысел на Камчатке ослабил бы у здешних рыболовецких артелей нужду в бочках, да и дал бы хороший заработок населению.

Кустарные промыслы Камчатки, исключая те из них, которые связаны с охотой и рыболовством, имеют мало шансов выйти со своими изделиями на рынок. Чем полней будет снабжаться местное население, тем больше будет глохнуть кустарничество; в этом не помочь никакими

поощрительными мерами, особенно если они сводятся к „ограничить“ и „воспретить“ по адресу сторонней конкуренции, как то предлагают защитники камчатского кустарничества.*)

---

*) Ср. С. Петрухин, *Кустарные промыслы на Камчатке, их настоящее и возможное будущее*, Северная Азия, 1, Москва, 1926, стр. 116-118.

Глава VI.

Пути сообщения и средства связи.

I.

Единственным путем сообщения между северо-востоком Азии и портами Д. В. является море. Добраться сюда сухопутьем можно только в условиях экспедиционной поездки, в какую порой и обращается какая-нибудь командировка правительственного агента из Петропавловска в Охотск; наоборот, морское плаванье, по существу экспедиционное, как напр. по Ледовитому океану, здесь выполняется без шума и эффекта, как простой коммерческий рейс. Морские пути сообщения с севером приобретают особую важность.

Условия северного мореплавания не из легких. Весной приходится встречаться со льдами, долго задерживающимися в бухтах Восточно-Камчатского и Охотского побережья, осенью преодолевать шторма, отголоски тихоокеанских тайфунов. Льды задерживают открытие навигации, которая начинается в мае, когда отправляется первый пароход из Владивостока в Петропавловск. Настоящим образом навигация развертывается в июне и даже в июле (охотские рейсы) и заканчивается в сентябре, самое позднее в октябре. Осенние шторма не позволяют подходить к берегу, и более продолжительное плаванье было бы безполезно. Таким образом, навигационный период—очень короткий, 4 – 5 месяцев.

Наиболее трудны плаванья по морям Берингову и Охотскому. В первом можно встретить плавающие льды даже в июле-августе, при северном ветре, нагоняющем их с Ледовитого океана; судно, несколько запоздав в Беринговом прол., рискует остаться тут на зиму, примеры чего бывали не раз. По сведениям А. А. Пурина, плаванье возможно в Беринговом прол. около 90 дней в году и в Ледовитом океане между м. Дежневым и м. Северным около 60 дней в году. Охотское море—тоже полярный бассейн, по причине существующего тут холодного течения

в направлении обратном часовой стрелке; скопляющиеся в бухтах льды, и чем южнее, тем больше, сильно задерживают начало охотской навигации, сокращая ее до 4 месяцев.

О трудностях камчатской навигации свидетельствуют аварии, без которых тут не обходится ни один сезон; это не мелкие поломки, а настоящие кораблекрушения, образцом которых может служит случай с японским крейсером „Ниитака,“ перевернувшимся вверх килем из - за порыва шторма около Большерецка.

Наибольшие затруднения представляются однако не при самом плаваньи, а при выгрузке и погрузке. Северо - восточное побережье не извилисто, имеет мало не только бухт, но и просто якорных стоянок; часто из - за мелководья пароходу приходится останавливаться в 4- 5 милях от берега и переправлять груз и пассажиров на катере; такими свойствами особенно отличается Западно - Камчатский берег, где есть стоянки в 25 м. от берега (Хайрюзово) и даже в 50 м. (Гижига). Можно представить себе, какова тут выгрузка при шторме.

Почти перед каждым устьем есть более или менее широкий бар (песчаная отмель), для прохождения через который на катере надо большое искусство: нет ничего легче, как разбиться на таком баре при неисправности мотора. Особенно печальную известность приобрели усть - камчатские бары, где ежегодно гибнет некоторое число людей (однажды потонуло сразу 30 человек).

Из - за трудностей выгрузки пароход принужден порой затрачивать на нее 4 – 5 дней, порой уходить, так и не добравшись до берега.

Приблизительно до 1910 г. не задумывались слишком над отрезанностью этого края от Д. В.; для правительственных сношений изредка устраивались административные рейсы, к которым приноравливались и местные жители в своих еще более редких поездках на материк. Иначе пошло дело, когда тут зародилась рыбопромышленность, и особенно настоятельным сделалось поддержание связи между Камчаткой и Владивостоком, когда эта рыбопромышленность во время войны стала усиленно обслуживать русский рынок.

В начале революции правильность дальневосточных рейсов Добровольного Флота нарушилась, а с 1920 г., когда большинство его пароходов стояли захваченные союзными государствами, русскими местными властями и даже отдельными лицами в разных азиатских портах., Добровольный Флот вообще перестал посылать свои пароходы на север, довольствуясь случайными отправлениями судов, фрахтуемых рыбопромышленниками в ничтожном числе 3 – 5 в сезон.*) Как и прежде, для нужд администраци и населения пришлось прибегнуть к специальным судам, главным из которых было судно камчатской областной администрации „Адмирал Завойко,“ небольшая яхта, поднимающая 300 п. чистого груза; это судно не раз выручало край в критическую минуту отсутствия других пароходов, а след. порой и продовольствия. Для перевозки продовольственных грузов были приспособлены охранные крейсера „Командор Беринг“ и Лейтенант Дыдымов“, посыльное судно „Якут“ и др. Все эти суда частью уведены из Владивостока в результате гражданской войны, а некоторые погибли, и местная администрация не имеет сейчас способов поддерживать связь с управляемой территорией.

Зато рейсы Добровольного Флота возобновились, хотя и не достигнув размеров довоенного времени; между тем последние сами признавались тогда недостаточными. Морская связь с севером таким образом - ненадежна, и не приходится ожидать ее улучшения в близком будущем. Совторгфлот, сменивший Добровольный Флот Д. В., располагает очень малым тоннажем, на расширение которого предположено в течение 10 лет (начиная с 1926 г.) отпустить 14 мил. руб., очень скромная цыфра сравнительно с той ролью, которую играет в российских водах иностранный каботаж. Больше значения может иметь расширение портовых удобств в здешних гаванях, в первую очередь в Петропавловске, на что отпущено на тот же период 1 мил. руб;**) имея базу в этом пункте, можно развить на Камчатке

---

*) Очерк деятельности Добровольного Флота на Тихом океане дал знаток дела Л. Ф. Компанион в „*Докладах Приморской окружн. торг. пром. палаты* для Вашингтонской конференции, Владивосток, 1922.

**) Л. Никольский. *Порты и гавани Д. В.* Эконом. жизн. Д. В., 4, Чита, 1924.

местный каботаж при помощи судов легкого типа—моторных и парусных шхун, опыт чего (к сожалению, только не русский, а американский) проделан в водах Чукотского побережья.

Нужда заставила подумать об установлении непрерывной связи материка с Петропавловском; заговорили о снаряжении зимних рейсов при помощи судов ледокольного типа, но практически ничего не было сделано до 1921 г., когда явилась надобность (в связи с гражданской войной) завести сюда продовольствие зимой, что повторилось и в 1922 г. Случайное обстоятельство имело важные последствия: плаванье пароходов „Охотска" и „Томска" показало полную возможность зимних рейсов Владивосток - Петропавловск на судах обычного типа.

II.

Познакомимся теперь с северным торговым мореплаванием со стороны движения судов и грузооборота судоходства, имея в виду рейсирование тут Добровольного Флота в более или менее нормальных условиях. Эти рейсы снаряжаются с таким расчетом, чтобы обслужить летом и осенью, перед началом и после конца рыболовного сезона, три побережья Охотско - Камчатского края, а на них главные рыбопромышленные районы. Число посещений в главных портах севера определяется максимально так.*)

Петропавловск	37	Гижига	3
Охотск	6	Анадырь	2
Усть - Камчатск	5	б. Провидения	2
Большерецк	5	м. Беринг	2
Тигиль	3	м. Дежнев	2

Все суда, идущие на север, посещают японский порт Хакодате; в военное время полагался даже один рейс в Ном, т. е. поддерживалась связь и с Аляской.

Даже при правильных рейсах Добровольного Флота значительная часть камчатского груза принималась в Японии и еще более значительная оставалась там: вывоз из Владивостока в камчатские порты был всегда больше, чем

*) Число рейсов и грузооборот Д. В. на севере приведены в „*Материалах по районированию Д. В*," ч. II, Хабаровск, 1925.

ввоз оттуда же. Вот движение грузов в 1923 г., правда, во время не особенно благоприятное для русской рыбопромышленности.

	Ввоз	Вывоз
Петропавловск	241.500 п.	25.020 п.
Усть – Камчатск	1.402.500 п.	63.200 п.
Охотск	710.000 п.	531.900 п.

Рыбные грузы преимущественно вывозятся японскими судами, имеющими на это право согласно рыболовной конвенции. Японский торговый флот находится в совершенно иных условиях, чем русский: последний страдает от недостатка тоннажа, а порт Хакодате переполнен стоящими на якоре судами всякого вида – парусными, моторными, паровыми, понастроенными во время войны и не имеющими, что перевозить теперь.

Несмотря на депрессию в японском торговом мореплавании, оно сильно растет в камчатских водах. В 1914 г. оно велось на 386 судах с тоннажем 104.000 т. а в 1922 г. на 500 судах с тоннажем 150.000 т.; последний год – время крайнего упадка русского мореплавания и, видимо, предел развития японского судоходства в русских водах Д. В. Камчатка настолько вошла в японский торговый оборот, что японское правительство около этого времени даже субсидировало срочную линию Хакодате – Петропавловск, обслуживаемую пассажирским пароходом Кайо –мару.

По принципу иностранный каботаж в этих водах не допускался: японцы упорно добивались снятия этого ограничения, и прежде и сейчас, и в комиссиях по рыболовству и при обсуждении торгового договора; хотя фактически японский каботаж существует, но расширение его за пределы потребностей рыболовства имело бы неблагоприятные последствия, которые обыкновенно бывают в отдаленных колониях, когда они перестают видеть флаг своей метрополии.

Несколько иначе обстоит дело с фрахтованием иностранных судов русскими предпринимателями: за отсутствием русского тоннажа надо находить какой – нибудь выход для камчатского транспорта, и фрахт иностранных судов необходимо допустить, тем более что он дешевле русского.

Мореплаванье на севере для поддержания русского влияния должно нести некоторые жертвы в этих водах; фрахты должны быть понижены, а отдельные рейсы могут даже быть убыточными; психологические последствия появления или исчезновиния русского флага не могут соразмеряться с материальным ущербом. Прежде Добровольный флот здесь субсидировался государством.

III.

Плаванье по Берингову морю и Ледовитому океану имеет продолжительную историю, внесшую богатый вклад в географические открытия на севере; путешествия, здесь совершенные в конце прошлого и начале нынешнего века, ставили себе одну из двух целей: 1 (или открытие земель к северу от Ново-Сибирских островов, старинное стремление русских путешественников, надеявшихся с XVIII в. найти тут „Северную Атлантиду;" 2) или отыскание северо-восточного прохода, связывающего Азию с Европой через Ледовитый океан, тоже традиционный русский интерес, который преследовали уже спутники Беринга, описывавшие побережье Ледовитого океана. Разрешение второй задачи имеет существенное значение для торгового мореплавания на русском северо-востоке.

Дорогу через этот проход, как известно, проложили швед и норвежец, Норденшельд на корабле „Вега" в 1878 г. и Нансен на „Фраме" в 1893 г., вошедшие в Ледовитый океан через Карское море; их расчеты достигнуть Берингова моря не оправдались лишь отчасти: первый зимовал около Чукотского побережья, а второй около Ново-Сибирских островов, где скопление полярного льда наиболее запирает северо-восточный проход.

На этом пути и погибла более поздняя экспедиция де-Лонга на корабле „Жаннета", направившаяся к Ново-Сибирским островам через Берингов прол.

Ледовитый океан между Чукотским пол. и о. Врангеля долго поддерживал свою славу недоступного полярного моря, и никто не думал преодолеть его иначе, как посредством трудных и рискованных экспедиционных плаваний. Как и всегда, нужда оказалась лучшим учителем.

Потребность в морском пути, который связал бы устья больших сибирских рек – Оби, Енисея, Лены, Колымы с портами Европейской России и Дальнего Востока сознавалась давно; эта проблема привлекла особое внимание российского правительства и торговых кругов, когда оживилась колонизационная деятельность в Сибири; открытие северо-восточного прохода стало, наконец, злободневным вопросом во время мировой войны, когда сказались все неудобства морского пути, соединяющего Дальний Восток с Европейской Россией и проходящего через воды вокруг Азии и Европы. Для обследования пути через Ледовитый океан была снаряжена в 1913 г. известная экспедиция Вилькицкого на ледоколах „Таймыр" и „Вайгач"; она прошла в океан через Берингов прол. и, достигнув пол. Таймыра, принуждена была вернуться обратно; здесь же она зазимовала при втором плаваньи в 1914 г. Научные результаты этой экспедиции были замечательны: был сделан ряд открытий на севере, как напр. большая, лишь частью обследованная земля Николая II. Практически важным результатом было обнаружение местообразования льдов, заграждающих северо-восточной проход: это пол. Таймыр.*)

Плаванье к устью Лены и Колымы после этих экспедиций переходило в разряд осуществимых предприятий совершенно конкретного свойства. Для товарообмена этих районов с портами Д. В. были предположены ежегодные рейсы Добровольного Флота, и рейс в Колыму, действительно, был проделан на п/х „Ставрополь," но с началом революции дело прекратилось.

Гражданская война в Сибири, как прежде мировая война, вновь заставила с 1919 г. почувствовать нужду в безопасном плаваньи по Ледовитому океану, и было сделано несколько попыток пройти с грузом к устьям больших рек, как со стороны Карского, так и Берингова морей. В 1919 г. из Владивостока отправился на Колыму тот же

---

*) Ш. Рабо и П. Виттенбург, *Полярные страны* 1914 - 1924, Ленинград, 1924, стр. 1 - 10. По истории поисков северо-восточного прохода вышла обстоятельная работа д-ра Hawelka, о чем см. его статью в „Вольной Сибири," 1, Прага, 1928. Общий очерк дал М. С. Боднарский, *Великий северный морской путь*, Москва, 1926.

„Ставрополь,“ рейс которого на этот раз был менее удачен: пароход зазимовал около м. Дежнева.

В нынешнее десятилетие обследование северо-восточного прохода весьма оживилось, благодаря ряду научно-географических экспедиций, а также плаваний с практическими целями.

Наиболее выдающаяся работа выполнена путешественником Амундсеном, прошедшим на судне „Мод“ в течение трех лет (1918-1920 г.) все побережье Ледовитого океана с запада на восток при чем пришлось зимовать дважды — около м. Челюскина и близ Чаунской губы, Амундсен и после продолжил свою работу в водах, верней во льдах, русского северо-востока, начав в 1921 г. свой знаменитый дрейф на том же судне, чтобы пробраться к полюсу с двигающимся на север льдом. Эта экспедиция вышла из Нома, а непосредственным районом ее деятельности стали льды к северу от о. Врангеля, — район весьма интересный не только для географических открытий, но и для торгового мореплаванья (выше сказано о скоплении льда в его соседстве, что, видимо, вызывается северо-западными ветрами). Экспедиция своей цели не достигла, а знаменитое судно, которое предполагало купить советское правительство, чтобы приспособить его для колонизации о. Врангеля, было приобретено одним американцем.

Этот остров оказался роковым для большой канадской экспедиции Стефенсона, снаряженной около этого же времени вдоль американского побережья Ледовитого океана. Корабль „Карлук“ должен был достигнуть той же цели, которую поставил себе „Мод,“ но неудачно: его постигла участь экспедиции де-Лонга, судно было раздавлено льдами, не доходя до о. Врангеля.

Таким образом, льды, скопляющиеся у Чукотского побережья, стали предметом исследования разных экспедиций, в числе которых не было только русской. Злополучный остров, такой недоступный и такой, как предполагалось, богатый, вызвал даже соревнование двух соседних государств: на нем утвердилась колония номских эскимосов, и остров был „присоединен“ к американским владениям. Возникла дипломатическая переписка и географическая литература, доказывавшие принадлежность острова русским,

что было подкреплено экспедицией Давыдова на судне „Красный Октябрь“ в 1923 г. Эта экспедиция, слабо снаряженная, однако удачно выполнила свою задачу исключительно благодаря опытности Давыдова, старого участника плаваний“ Таймыра и .„Вайгача“ и дала возможность итти в северный рейс не с завязанными глазами, как прежде.*)

Таким образом, плаванье ледокола „Челюскин“ в 1933 г., потерпевшего неудачу все в тех же местах, не ставило себе невыполнимой цели: путь между р. Колымой м. и Дежневым проделывался простыми американскими шхунами, без особого шума, по с большим успехом. Для этого нужны, кроме подходящего сезона, знакомство с движением льдов вдоль этого побережья и несколько особенное устройство судна, и это известно каждому кто побывал здесь,—кроме экспедиции „Челюскина.“

IV.

Русский северо-восток совершенно лишен внутренних путей сообщения, созданных усилиями человека, а естественные пути не столько облегчают сообщения, сколько служат для него препятствиями. Водных путей, несмотря на обилие рек, здесь почти нет, и нет, след. возможности передвигаться по тундре летом; она доступна для путешествий лишь когда оденется зимним покровом.

Здесь есть только четыре реки, позволяющих по размерам и глубине плаванье по ним: это Охота, Большая, Камчатка и Анадырь. Но даже ни на одной из них не возможно сколько-нибудь значительно суходоходство: они доступны в лучшем случае для мелко сидящих катеров, и то не всегда.**)

Охота - широкая и глубокая река, в устьи достигающая ширины в 150 саж. Ее падение велико, и течение стремительно (до 12 - 15 в-в час): при весеннем и осеннем раз-

---

*) Б. В. Давыдов. *В тисках льда.* Ленинград, 1925. - *Vilhjalmur Stefansson. The adventure of Wrangell jsland.* New-York, 1925.

**) Н. П. Крынип. *Отчет о работах в 1904 г. Экспедиции по исследованию рек Камчатского пол.* Материалы для описания русских рек, XLIV Петербург, 1913. О реках Охотского и Анадырского побережья см. соответственно работы Майделя и Полевого, цит. соч.

ливе она широко затопляет берега и набрасывает на них громады лесного наносника. Плаванье по ней поэтому зарудняется и даже небезопасно.

Реки самой Камчатки более спокойны. Большая, при ширине 30 – 40 с., имеет достаточную для катеров глубину и судоходна верст на 100. Скорость течения не превышает 7 в. в час. Около устья есть залив, где суда могут найти некоторые удобства стоянки.

Еще благоприятней для плаванья р. Камчатка, достигающая ширины 50 – 70 с. при глубине до 2 с. Устье реки мелководно, по отливу 6 – 7 ф., но по мере движения вверх от кошки, преграждавшей ей путь к морю, глубина быстро растет. По приливу вода поднимается вдвое. Камчатка изливалась в море через русло, прорытое в этой кошке, но недавнее моретрясение изменило направление русла. Этой реке, как Охоте, свойственны обширные разливы, при которых уровень воды повышается на 1с., но чего - либо похожего на охотские разливы, где вода несется в море бурной массой, сметающей все на своем пути, здесь не бывает. Скорость течения тут вдвое меньше охотской. При большой воде Камчатка судоходна на 250 - 300 в., а вообще на несколько десятков верст.

Последняя крупная река, Анадырь, впадает в море, разливаясь широким до 40 в., но мелководным лиманом. Ширина Анадыря около лимана значительна, превышая $^1/_2$ в., течение очень быстро, до 10 в. в час: по отливу нет возможности не только переплыть реку, но и удалиться сколько - нибудь от берега. Анадырь доступен для катеров до впадения р. Белой, после чего уровень воды сильно падает и течение ослабевает: здесь плаванье в шлюпке возможно с трудом, и жители обыкновенно ходят на „ветках.“

Как ни затруднительны условия судоходства по этим четырем рекам, следует все же отметить, что они использованы в этом отношении меньше, чем это возможно: на них плавает 1 – 2 катера, тогда как по Камчатке и Анадырю могли бы ходить мелкосидящие суда более обширных размеров; плавают же пароходы по притокам Амура вроде Зеи или Амгуни, где глубина вообще не больше 1 с., а на перекатах спускается до 3 ф. Между тем эти водные артерии охватывают обширный район, который немало оживился бы,

будь здесь налажен дешевый летний транспорт: Анадырь—страна будущей золотопромышленности, а долина Камчатки - район возможного сельского хозяйства.

Обычная северная река—типичный горный поток, стремительный и мелководный. Его глубина колеблется от нескольких футов до сажени, прерываясь отмелями и кошками, через которые можно перейти, едва замочив ноги; местами течение преграждается забором камней от одного берега до другого. Прилив сильно повышает уровень воды в таких реках, поднимаясь в некоторых из них на десятки верст, и делает доступным их устье не только для катеров, но и для пароходов, как в Тигиле. Это может облегчать выгрузку, но не обезпечивает судоходства; наступает отлив, и даже в устьи реки, где только что бушевало море, открывается песчаная „лайда", по которой можно итти несколько верст пешком.

Плаванье по такой реке возможно лишь способом, выработанным вековой практикой туземцев, в батах.

Это—выдолбленные из дуба лодки без киля, имеющие полукруглое днище. Бат едва касается воды, очнь валок и весьма вертляв, так что управление им требует порядочной сноровки. При перевозке груза, для большей устойчивости, баты соединяются по два; когда же бат идет только с людьми, то они чувствуют себя в нем, как дома: могут не только удобно сидеть, но и стоять совершенно твердо. При подъеме против течения бат подталкивается шестами и идет с трудом. Плаванье на батах ограничивается нижним плесом реки, обычно между устьем и селением и не имеет какого-нибудь хозяйственного значения даже в скромном обиходе жителей.

V,

Итак, северо-восточные реки нельзя использовать, как путь, по которому можно проникнуть в глубину тундры или хотя бы в населенные места. Как же однако путешествовать летом? Колесных дорог тут нет, исключая одной, протяжением около 30 в., между Петропавловском и ближними селениями. Любопытно, что проведение этой дороги относится ко времени адм. Завойко, проложившего ее собственноручно с губернскими чиновниками, во время

одной из праздничных поездок. Не будь этого случая, Камчатка так бы и осталась единственной в своем роде страной без версты колесного пути.

Здесь нет даже таежных „трактов“ в том виде, как они существуют в Приамурьи, в виде троп, пробитых десятилетиями, идущих в определенном направлении, довольно точно промеренных. Такие тракты тянутся на сотни верст и дают возможность путешествовать и одному и с грузом, если не на конях, то на оленях. Не то на Камчатке, где каждая поездка открывает новую дорогу: ездить по тайге избегают, стараясь воспользоваться морским берегом; путешествие затрудняется переправами через бурные реки, а то и вовсе задерживается морским приливом, заставляющим выжидать у берега реки или далеко объезжать „непропуск,“ образующийся, когда вода подойдет к береговым утесам вплотную. Летняя поездка обходится очень дорого, так как, помимо трудности, она отрывает человека от работы в самое горячее время, рыболовный сезон. Лошадь с проводником обходится в 5—10 р. в день, а иногда не может быть нанята ни за какую плату.

Если однако можно проехать летом с великой трудностью по камчатской тайге, то это предприятие становится невозможно в анадырской тундре, где путнику предлагается тащиться на собачьей нарте по водянистому болоту.

Летом по тайге или тундре прошел бы только олень, но их не достать, потому что оленеводы в это время откочевывают в хребты.

Зато зимой вся эта страна доступна для переездов в любом направлении. В декабре устанавливается „собачья дорога“, в феврале она подмерзает и образуется „наст,“ по которому собаки бегут, как на гонках, в апреле дорога портится, но можно ездить еще и в мае там, где снег держится долго, как на Восточно Камчатском берегу.

Зимним путем можно проехать весь этот край из конца в конец, с юга на север. Поездки, при которых пробегается тысяча верст, которые требуют месяца времени, тут обычны: любой торговец делал такие путешествия.

Конечно, такая дорога нелегка: она затрудняется на

неровной местности (а такова вся южная Камчатка), при „убродном" снеге, когда он залегает где-нибудь в низине, но в особенности дают себя знать свойства здешнего климата с его морозами, резкими ветрами и яростными пургами? Житель здесь ничего не делает для улучшения данных ему природой путей сообщения. Его заботы минимальны: здесь не только не пробивают зимней дороги между селениями, но не считают нужным протоптать времянки из селения в лес, куда ежедневно ездят за дровами. Безпечность жителей поразительна: если выпал слишком глубокий снег, то два селения, отстоящие друг от друга на двадцать верст, могут оставаться отрезанными целые недели, пока нужда не заставит кого-нибудь сделать почин, „сломать" дорогу.

При старом порядке население привыкло обозначать путь вехами: установка их и составляет единственное оборудование „тракта." От того же времени сохранились дорожные юрты, сейчас более или менее развалившиеся. Несмотря на оживленную езду, особенно на Камчатском пол., никому еще не приходило в голову где-нибудь на большом перегоне, как это обычно в Приамурьи, поставить зимовье, которое, несомненно, принесло бы доход его хозяину. Для камчадала это было бы проявлением непосильной инициативы и чрезвычайного трудолюбия.

Как сказано, на крайнем северо-востоке нет особых трактов: дорога идет вдоль побережья или по долинам больших рек. Но на Охотском побережьи есть несколько путей, которые могли бы составить тракт большой экономической важности, почему обследование этих путей и хотя бы простейшее их оборудование крайне необходимо.

Эти пути ведут с Охотского побережья в устье Колымы. Установление сухопутного тракта на Колыму избавило бы от рискованных морских северных рейсов и ввело бы колымский бассейн в более живой хозяйственный оборот северо-востока.*)

Есть несколько направлений этого тракта: 1) через

---

*) Ср. статью *К вопросу о регулярном обслуживании Колымского и Ленского бассейнов*, Эконом. Жизнь Д. В., 1, Чита, 1924. (без подписи).

р. Олу, с выходом на Коркодон, приток Колымы: 2) через р. Вилигу, с выходом туда же; 3) через р. Гижигу, с выходом на Омолон, приток Колымы. Транспортировка грузов по всем этим путям происходит одинаково: по долинам рек Охотского побережья на оленях, до вершин этих рек; далее по перевалам через хребты до притоков Колымы; наконец, сплавом по этим последним. Дорога отнимает таким образом зиму и весну; фактически же транспорт должен отправляться осенью и прибудет на место летом, так как в пути приходится пережидать зимнюю распутицу и вскрытие рек.

Трудность пути состоит в отсутствии достаточного количества оленей под вьюк, недоступности горных перевалов и глубине выпавшего снега. Самое длинное, но и самое легкое направление через Олу: самое короткое и самое трудное через Гижигу.

В последнее время одним пионером этого тракта (Березкин) были сделаны очень удачные переходы из Колымы и обратно по омолонскому направлению; эти двойные переходы были необыкновенно быстры (зима) и показали, что трудность этого направления преувеличена.

VI.

В стране, где расстояния так велики, почтовые и телеграфные сношения приобретают особую важность: жители могут не сознавать этого, так как в их частном обиходе прибегать к услугам почты и телеграфа приходится редко, но государство, разумеется, весьма заинтересовано в поддержании связи с этой столь отдаленной от всяких центров территорией; зимой оно не имеет никакой другой возможности осуществлять свое административное и культурное руководство над ней иначе, как при помощи почты и телеграфа.

Почтово-телеграфная сеть здесь в общем удовлетворительна, но нуждается в некотором расширении.*) Все сколько-нибудь населенные пункты имеют почтово-те-

---

*) П. П. Чубинский. *Почтово-телеграфные сношения на Д. В.* Труды Амурской экспедиции, XII. Благовещенск, 1911.

леграфные отделения, и уезды, след. связаны с областным центром; кроме того, есть отделения и в менее важных селениях, по Охотскому побережью и на Камчатском пол. приблизительно через 100 в. одно от другого. Эти учреждения, как требующие от жителей выполнения некоторых повинностей, напр. поставки дров, считаются тут каким-то бельмом на глазу.

Самый северный почтовый пункт—Анадырь, дальше почта идет только с оказией. Обширный Чукотский край, стало быть, зимой совершенно утрачивает связь с местным центром. Исключая Чукотки, здешнюю почтовую сеть можно признать достаточно полно охватившей северную территорию; менее удовлетворительно ее функционированье. Зимняя почта, как правило, отправляется дважды, но часто успевает пройти только раз. Выйдя из Петропавловска, она должна дойти до Гижиги, где встречается с почтой, идущей из Охотска и Анадыря. Продолжительность пробега почты от Петропавловска до Гижиги—около 3 недель. Проход почты по такой территории раз в зиму, конечно, умаляет значение культурной миссии, которую она должна нести, да и для правительства вряд ли полезно предоставлять агентов власти самим себе чуть не полгода.

Практика в условиях не более легких, чем камчатские, показывает возможность более частой отправки почты: напр. на Амуре (Хабаровск - Николаевск) она идет еженедельно.

Вопрос о телеграфе на северо-востоке в основе решен правильно. Такие расстояния не могут обслуживаться проволочным телеграфом; незадолго до мировой войны тут было сооружено несколько радиостанций: в Петропавловске, Охотске, Наяхане, Анадыре. Если сюда прибавить Колымскую станцию, то охват северо-востока радиотелеграфом можно признать достаточным, опять-таки исключая Чукотский пол., обойденный и в этом отношении. Все станции хорошо оборудованы, особенно Петропавловская, одна из мощных в этом районе, не только сравнительно с русскими, но также иностранными. Сфера ее действия—3500 км. Во время революции радиостроительство понесло урон вследствие разрушения охотской станции в 1920 г. На

Командорах с 1923 г. установлена небольшая радио-станция, потребность в чем ощущалась давно.

Проволочный телеграф проходит по Западному берегу и по долине Камчатки, на 800 в. в первом направлении и на 700 во втором. Долина Камчатки обслужена до ее конечного пункта, Усть-Камчатска, тогда как на Западном берегу линия дошла до Тигиля, оставив без телеграфа последний населенный район Петропавловского у., Паллану. Камчатский телеграф, как и почта, производят впечатление, как будто их делали и недоделали.

В этом отношении северо-востоку повезло; здесь делались и более широкие попытки, но с тем же результатом. Во 60-х годах, напр. предполагалось проложить телеграф по берегу Берингова моря и соединить его кабелем с американским телеграфом. От этого предприятия сохранились только груды материала и имущества, до сих пор лежащего на Чукотке, да интересное описание северной окраины, сделанное участником этих работ американцем Кеннаном.

VII.

Главный недостаток организации почтовой связи на крайнем севере тот же, что и в организации способов передвижения: государство, не будучи в состоянии разрешить здесь этих задач своими средствами, прибегло к помощи населения, возложив на него подводную и почтовую повинности, по местному „каюрство.“ Эти повинности, заключающиеся в обязанности жителей предоставлять правительственным агентам, в частности служащим почты, нарту собак с проводником-каюром имеют весьма давнее происхождение, составляя существенную часть обложения туземцев: эти повинности возникли тотчас по приходе русских на Камчатку. Сейчас они утратили свой характер тяготы, возлагаемой на туземцев, как таковых. Но сущность дела не изменилась.

В селениях, прилежащих к Петропавловску, не проходит дня, чтобы кто нибудь не ехал по казенной надобности, и жители бывают замучены каюрством. В селениях, расположенных где-нибудь на севере, другая беда: там слишком мало жителей, и каюрить приходится иногда

всего нескольким людям, прямо без отдыха и срока. Плата, полагающаяся за каюрство, нисколько не могла вознаградить жителя за время и труд: до революции она была 6 коп. с версты и нарты. Между тем начальство не склонно было стесняться в пользовании этим правам, и поездка губернатора, по количеству обслуживавших ее каюров, напоминала не то полярную экспедицию, не то завоевательный поход.

Население смотрело на эту повинность, как на тягчайшее обременение, и как только времена переменились, немедленно от нее отказалось: никакие открытые листы, дававшие право требовать каюров, не признавались; не помогло и увеличение платы с версты и нарты до 25 коп. На областных съездах население постоянно заявляло о необходимости отмены каюрства, и тотчас же после этих постановлений областная администрация была принуждена выдавать открытые листы, хотя бы для того, чтобы развезти по домам делегатов съезда. Население сопротивлялось, и правительственные агенты, командированные в область, днями и неделями сидели в каком-нибудь несговорчивом селении. Только для почты делалось исключение: ее везли всегда и везде.

Конец революционного периода, ознаменовавшийся гражданской войной, оказался для жителей особенно тяжелым в этом отношении: власти враждующих сторон и чины воинских отрядов теперь не препирались с населением о подводах, а гоняли его, не обращая никакого внимания на его силы и тем паче не думая о какой либо расплате за работу.

Сейчас подводно-почтовая повинность на севере находится в неопределенном положении: как. будто она подлежит отмене, а заменить ее местной администрации нечем.

Вопрос может разрешиться только одним способом: установкой сети почтовых станков хотя бы в более населенных районах, Петропавловском и Охотском, и сдачей их в аренду почто-содержателям. В местах малонаселенных или не отличающихся развитием собаководства необходимо при этом использовать возможности туземного оленеводства.

Глава VII.

Аляска в отношении к русскому северу.

I.

Рядом с Камчаткой, но в другом полушарии, находится страна, которая полвека назад составляла с русским северо-востоком одно целое; сейчас их разделяет государственная граница, но старые связи не ослабели, и теперь уже Камчатка чувствует тяготение к своему соседу.

Эта страна—территория Соед. Штатов Аляска. Она имеет общее с русским северо-востоком историческое прошлое, характеризуется одинаковыми физико-географическими свойствами; но большая разница между обеими странами в промышленном преуспеянии и культурном прогрессе.*)

До 1867 г. Аляска мало чем отличалась от прочих русских владений на северо-востоке Азии. Сравнительно с ними она сначала оказалась даже в менее благоприятном положении: вовлеченная в сферу российской колонизации только в самом конце XVIII ст., она еще в XIX ст. переживала период войн с туземными племенами. Но благодаря энергии одного из первых ее губернаторов, Баранова, организация новой колонии двинулась весьма быстро, и одновременно с военным завоеванием шло также культурное устроение страны. Правителя, подобного Баранову, Камчат-

---

*) Американская литература об Аляске весьма обширна. Положение Аляски под русским владычеством изображено в старых превосходных работах William Healy Dall, *Alaska and its ressources*, 1870, и Hubert Howe Bankroft, *History of Alaska*, 1886. Возможности, которые представляет современная Аляска, охарактеризовали A. R. Burr, *Our beautiful northland of opportunity*, Boston, 1919, и J. J. Underwood, *Alaska, an empire in the making*, New-York, 1920. Новейший справочник об Аляске—Rand Mac Nally, *Guide to Alaska anp the Yukon*, 1922. Новейшее описание Аляски ярко и живо сделал Carpenter, *Alaska, our northern wonderland*, New York, 1925. Наоборот, на русском яз. об Аляске нет ничего, исключая кратких очерков: Н. В. Кириллов. *Аляска в отношении к Чукотскому пол.* 1911, и Калинников, *Наш крайний северо-восток*, 1912.

ка дождалась только полвека спустя в лице адм. Завойко.*)

Аляска была организована, как концессионная территория Российско-Американской компании, ведшей тут колониальное хозяйство и осуществлявшей административную власть. Несмотря на все злоупотребления, неизбежные при столь больших правах и отсутствии всякого контроля, коммерческий подход компании был для Аляски лучше, чем бюрократическое управление. Благодаря такой организации новой колонии, ее удалось сравнительно в короткий срок завоевать, обследовать, заселить, застроить, и просветить. И в последнем отношении она также обогнала Камчатку, выдвинув о. Вениаминова, исследователя алеутов, позже местного епископа.

Весьма распространено мнение о близорукости российского правительства, считавшего Аляску обузой для государства и продавшего ее за безценок американцам. Действительно, страна, приобретенная за 7.000.000 д., дала новым хозяевам в течении 50 лет эксплоатации около 300 мил. дохода. Этим Аляска обязана развитию на ней горного промысла; во времена ее продажи она была преимущественно пушной концессией, и американское правительство, покупая Аляску, проявило не больше дальнозоркости, чем российское. Было много противников приобретения „гигантского рефрижератора", и лишь вследствие энергии Сьюорда, много поработавшего над этим делом, возражения были отвергнуты.

При передаче Аляски, между прочим, Сьюордом было отмечено, что этим актом завершается распространение англо-саксонской нации по материку Северной Америки; иностранные монархии одна за другой принуждены уйти отсюда, сначала Испания на юге, теперь Россия на севере. Приобретение Аляски расценивалось больше с политической точки зрения.

II.

Аляска была страной суровой и пустынной: казалось,

---

*) Губернатор Баранов настолько забыт в русской исторической литературе, что самое имя его не упоминается. Его биографию дала Ella Higginson, *Alaska*, 1908, ch. XVI.

она могла мало обещать поселенцам. „Вечным свидетельством характера, проявленного ранними американскими поселенцами на Аляске," говорит Долл (Dall) „будет тот факт, что они так хорошо устроились в местных условиях."*)

Эта страна, едва связанная морским путем с Соед. Штатами, имеет площадь в 590. 884 кв. миль и расположена в субарктической полосе, заходя далеко на север: ее крайняя точка м. Барроу (Barrow) лежит на 300 м. за полярным кругом. Аляска представляет собой частью гористую ($^2/_5$), частью тундровую страну ($^1/_5$), неудобную для жизни; лучшие ее части—бассейны р. Юкона и Кускоквима ($^2/_5$), Полуостров Сьюорда (Seward) на севере и Алеутские о-ва на юге представляют места с особыми физикогеографическими чертами.

Климатические условия Аляски характеризуются так, если взять ряд пунктов с севера на юг.

	Температура янв.	Температура июля.	Количество осадков
Юкон	– 31	64	13.59
Фербанкс	– 19	57	6.52
Уналашка	34	50	109.34
Ситха	34	57	111.72
	(град. Fahr.)		(дюймы)

Как видно, температура даже наиболее жаркого месяца оказывается не высока, другая особенность—малое выпадение осадков на севере.

Еще до 1880 г. Аляска была населена преимущественно туземцами, на 30.000 которых насчитывалось 430 белых. Сейчас число туземцев осталось приблизительно прежним, распределяясь между главными племенами так: эскимосы 14.012, тлинкиты 4.737, атапаски 3.439, метлакат-

*) Это обстоятельство подтверждает A. W. Greely, *Handbook of Alaska, its ressoucres, and attvactions*, New-York, 1909, p. 175.

ла 952, гайда 391. Некоторые из этих племен отличались крайней дикостью (savagery), не дойдя даже до ступени варварства (barbarism), как обозначает эти состояния человечества Морган. Что касается эскимосов, то они являются одними из древнейших обитателей севера, сохранившими все черты позднего палеолитического периода. Соприкосновение с белыми успело уже внести разложение в туземную среду. Культура, говорит тот же Долл, „принесла пьянство, болезнь, смерть; выжило наиболее приспособленное, но к чему?“*)

Богатства Аляски, казалось, были уже исчерпаны предшествующей русской эксплоатацией. Старейший промысел аляскинского населения, пушной, кое-как держался, но давал слишком мало добычи, чтобы строить на нем благополучие страны: так доход от пушнины в течение 40 лет после приобретения Аляски (1871 - 1908) выразился всего в 8.039.186 дол., что и заставило поискать тут новых путей. Морской промысел был вовсе неблагополучен,—результат, достигнутый совместными усилиями русских и американских промышленников, безпощадно и безрасчетно истреблявших зверя. Наиболее поразительным примером в этой области является совершенное уничтожение бобра и моржа; к началу нашего века добыча первого пала с 5000 шт. до 16, а второго с 10.000 до 18.**)

Гордость Аляски, Прибыловы о-ва (двойник русских Командорских о-вов) дали за отмеченный период, правда, значительную добычу 2.533.497 котиковых шкурок на сумму 39.946.772 дол., но этот эффект получился за счет катастрофического уменьшения котикового стада на островах: с 5.000.000 до 300.000 гол. Это сказалось и в постепенном уменьшении добычи, напр. в 1896 г. было добыто 30.654 шкурки, а в 1908 только 15.430. Во всех отмеченных случаях берутся цыфры, характеризующие первые 40 лет эксплоатации Аляски, потому что вслед за этим был издан новый закон об охоте(1908 г.), и положение охотничьих промыслов улучшилось.

---

*) С этим наблюдением соглашается Greely, op. cit. p. 176. О туземцах см. Ella Higginson, *Alaska*, 1908.

**) О пушных и морских промыслах см. W. H. Osgood, *Game ressources of Alaska*, 1909.

В других отношениях на Аляску тоже, казалось, не приходилось возлагать особых надежд. Леса, напр. и поныне, по отзыву проф. Ферно (Fernaw) не представляют ничего привлекательного для эксплоатации. Возможности земледелия и поныне так же незначительны, как прежде, предоставляя местному рынку ежегодную ценность не более 100.000 дол.

III.

То, что составляет сейчас основу аляскинской промышленности, в то время или было вовсе неизвестно (рыболовство) или лежало под спудом (горные богатства). Аляска оживилась, когда на ней возникла золотопромышленность, для развития которой, как тоже казалось, природой были поставлены непреодолимые препятствия: суровый климат, короткий рабочий сезон, трудность транспорта, недостаток воды и топлива, присутствие мерзлоты, недостаток рабочих. Но поиски проспекторов сделали свое дело; спустя десять лет начинается ряд блестящих открытий, начинается добыча золота в Жюно (Junot) (1880), Номе (1899), Фербанксе (1905); особенное оживление вызвало на Аляске открытие соседнего с ней Клондайка (1896), необычайное богатство которого потянуло сюда тысячи и тысячи золотоискателей и заставило построить железную дорогу от Скагвея (Skagway) и открыть пароходство по нижнему Юкону.*)

Добыча золота, начавшись в 1880 г., неуклонно развивалась в течение 30 лет, после чего стала замечаться стабилизация золотопромышленности на одном уровне. К концу этого периода действовали 770 приисков с 4400 рабочих и 12 рудников с 2.200 рабочих; обращает внимание, что американцы, в противоположность русским, весьма скоро перешли к разработке рудного золота, что должно было вознаградить их за быстрое истощение россыпей. За рассматриваемый период Аляска дала золота на 142.000.000 дол. из общей добычи горно-промышленности в 143.000.000 дол., при чем расцвет дела пал на первое десятилетие

---

*) О золотопромышленности см. A. H. Brooks, *Mining and mineral wealth of Alaska*, 1909.

нашего столетия. Наиболее удачными были следующие годы.

1905 г.	16.000.000	дол.
1906	23.000.000	
1907	20.000.000	
1908	19.000.000	

Это было, по истине, золотое время Аляски, обязанное открытиям россыпей в Номе и вскоре затем в Фербанксе. До этого времени добыча колебалась между 5–9.000.000 дол., и такой же она оказалась в следующее десятилетие. В 1923 г. золота было добыто 11.845 кгр. на сумму около 6.000.000 дол. Падение добычи не показывает, что развитие золотопромышленности закончилось, оно обнаруживает лишь истощение работавшихся месторождений.

Организация американской золотопромышленности и в частности аляскинской, в которой работают 4000 проспекторов, свидетельствует о высоте, на которой стоит здесь горноразведочное дело: а в нем залог успешного развития горнопромышленности. С другой стороны, россыпи, казавшиеся выработанными, после интенсификации способов добычи, оказываются еще весьма богатыми, примером чего служат те же номские месторождения; здесь старателей сменили драги, а последних гидравлика, и как будто отсюда было взято все, что можно. Но вот недавно здесь установлены две 29 фут. драги, величайшие сооружения в этом роде, и добыча возрасла до 2.000.000 дол., окупив в первый же год стоимость установки этих машин.

Кроме золота, Аляска богата также другими полезными ископаемыми: серебром, медью, углем. Последний только начинают разработывать, а два первых уже дают значительную добычу; в 1923 г. серебра получено 22.705 кгр., а меди 30.400 тонн.

Рыбопромышленность возникла на Аляске позже золотопромышленности и отчасти под влиянием последней, нуждавшейся в пищевых продуктах для рабочих. Весьма скоро она перешла на консервное производство. и благодаря этому ценность ее продукции все время повышается, несмотря на несомненное истощение рыбозапасов, обнаружившееся

уже в 1906 г. (время издания закона об охране рыболовных рессурсов.*)

Аляскинская рыбопромышленность сосредоточена в юго-восточном районе страны (50 предприятий), частью в западном (20) и меньше всего в центральном (10). Количество рыбоконсервных заводов, сравнительно с рыбозасольными участками, весьма велико: 45 первых и 39 вторых; задолго до мировой вайны Аляска была в состоянии давать более 2.000 000 ящ. консервов на сумму свыше 6.000.000 дол.; следует отметить, что аляскинский промышленник сумел дать рынку не только превосходный по качеству, но и дешевый по цене продукт. Быстрота роста консервного производства характеризуется такими цыфрами.

1888 г.	412.115 ящ.
1894	686.440
1898	965.097
1900	1.548.139

Что касается аляскинской рыбопромышленности в целом, то к концу рассматриваемого периода ее продукция выражалась около 10.000.000 дол.; она могла дать к нашему времени 22.929.182 дол. (1922) и 34.720.793 дол. (1923), рекордные цыфры, относящиеся ко времени тотчас после войны.

Лососевые составляют главное богатство аляскинских вод: но в них плодится также другая рыба, и американцы уже давно обратили на нее внимание; не в больших размерах, но все же на сотни тысяч долларов ведется добыча трески и палтуса, начата добыча сельди. Эти отрасли рыболовства пока еще новы и несколько непривычны для промышленников по приемам, которых они требуют. Добыча трески есть морское рыболовство, для успеха которого необходима установка береговых станций, к организации которых приступлено. Следует, наконец, отметить, что и в производстве лососевых использованы их продукты совершенно: на Аляске существуют утилизационные заводы, выработывающие рыбий жир и тук для удобрения.

*) О рыбопромышленности см. Marsh and Cobb, *Fisheries of Alaska*, 1905—1908.

IV.

„Прогресс Аляски" находит наглядное выражение в размерах ее торговых оборотов с Соед. Штатами. Аляскинская торговля, говорит деятель этого края, ген. Грили (Greely) расцвела так, что размеры ее кажутся прямо необычайными.*) О вывозе отсюда дают представление цыфры, относящиеся к золотопромышленности и рыбопромышленности, цыфры, обусловленные богатством рессурсов страны. Но посмотрим на цыфру ввоза, предназначенного обслуживать преимущественно потребности местного населения; казалось бы, они должны быть невелики. Грили сравнивает ввоз из Соед. Штатов на Аляску и Гаваи: вот соответственные цыфры: 18.402. 765 дол., 14.000.000, (к 1910 г.).

Из общей суммы ввоза $^1/_2$ приходится на мануфактуру и $^1/_4$ на пищевые продукты, т. е. на основные потребности населения. А велико ли оно? Ном имеет около 3000 жит., и потребляет товаров на 3 – 4 000.000 дол., Фербанкс при таком же населении требует товаров на 2.000.000 дол. и т. под. Высокая потребительская способность горнопромыслового населения объясняется его хорошим заработком: в Фербанксе шахтер получает 7.50 дол. в день, механик 15 дол.

К нашему времени аляскинская торговля возрасла еще больше. Она достигла рекордных размеров тотчас после войны.

	Ввоз	Вывоз
1920 г.	38.4	69.9
1921	66.0	63.5
1922	26.8	58.5

(миллионы долларов)

Располагая такими же естественными рессурсами, Аляска далеко обогнала в своем экономическом развитии

*) Greely, op. cit. p. 247.

русский северо-восток.*) Уступая последнему в богатстве пушниной, она одной из первых перешла к искусственному разведению ценного пушного зверя и прекрасно поставила песцовые питомники на Прибыловых о-вах, что только начинается на Командорах. Совершенно лишившись морского зверя, она, благодаря своевременности охранных мероприятий, удержала котиковое стадо на тех же островах в размерах, превосходящих русские результаты на Командорах. Успех золотопромышленности составляет страницу аляскинской жизни, не имеющую себе подобной на русском севере. Рыбопромышленность здесь возникла на четверть века раньше, чем на Камчатке, и естественно, что Аляска достигла здесь больших успехов, чем соседняя страна. Наконец, аляскинская торговля, несравнима с камчатской, заключавшейся в лице нескольких американских предпринимателей или теперь Дальгосторга.

V.

Теперь посмотрим на колонизационную деятельность, весьма различную в обеих странах. Для Аляски с 1876 г. начался период оживленной деятельности правительства и колонистов, Камчатка с 1855 г. переживала период упадка во всех отношениях. Важно однако не то, что Аляска обогнала своего соседа в культурном развитии на 50 лет (ведь этому предшествовал двухсотлетний период русского владычества на азиатском северо-востоке), важно, что правительство и поселенцы действовали, дополняя друг друга.

Аляска никогда не была закрыта для поселенцев: для въезда сюда не было нужно никаких разрешений (как это требуется доныне на Камчатке не от иностранцев, а от русских!); поселенец не находил тут никаких „стоверстных запретных полос", а мог искать золото, где ему вздумается.

Правительство старалось создать благоприятные условия для колонизационной работы в двояком отношении: с одной стороны, оно предоставляло Аляске законные гарантии, которые требовались правовыми привычками поселен-

---

*) Подсчет ценности Аляски сделал A. H. Brooks, *The Value of Alaska*, Geographical Rewiew, v. 15, 1925.

цев, с другой стороны, снабжало страну культурными удобствами, без которых поселенец не мог обходиться. „Правительственные заботы об Аляске“, говорит Грили, „удивительно возрасли в последнее время, и она приобретет еще новые удобства.“*)

Тотчас после приобретения Аляски правительство ограничилось организацией здесь таможенной охраны и торгового мореплавания, чтобы, с одной стороны, отделить колонию от старой метрополии, а с другой, связать с новой.

Начало колонизационной работы потребовало правовых норм, и на Аляску были распространены законы штата Орегона (1884). Увеличившееся богатство Аляски потребовало охраны общественной безопасности, и здесь вводятся в действие уголовный и уголовно-процессуальный кодексы. (1899). Развитие страны потребовало более свободных учреждений, и военное управление было заменено гражданским (1900). Аляска была устроена, как „территория“ (1906),—особая форма американского управления с назначенным губернатором во главе. Предположено дать ей представительство в конгрессе и преобразовать в „штат“, обычный для американской истории ход роста государства. Система управления на Аляске отличается простотой: меньше всего здесь заботятся о создании бюрократического рассадника, зато не останавливаются перед расходами на культурные нужды. Благодаря умелому управлению, страна может жить на местном бюджите: приход Аляски составляет 625.475 дол. против расхода 606.464 дол. (1922).

Чтобы охватить такую громадную площадь, как Аляска, организация почты и телеграфа были делом первостепенной важности, и правительство позаботилось о них с первых же шагов. Сейчас на Аляске 140 п. т. отделений, 4000 м. телеграфной линии и 2 мощных радиостанции (Сен-Поль и Кордова).

Организация сообщения на Аляске, казалось, была очень трудным делом. В этом отношении наибольшие возможности представляли реки: водных путей было устроено 4000 м., из них 2700 м. приходится на пароходство по

*) Greely, op. cit. p. 14.

Юкону. Однако и на дорожное строительство было обращено внимание, и начиная с 1906 г., на шоссейные дороги затрачивается ежегодно несколько сот тысяч долларов; к золотопромышленным центрам проведены 27 подъездных путей общим протяжением свыше 300 м. (что очень важно для связи какого-нибудь богатого месторождения со снабжающей базой).

Заслуживают внимания правительственные заботы о туземном населении страны, правда, начатые несколько поздно. С 1905 г. действует закон о туземных школах, на которые отпускается по 200 дол. и в которых обучается свыше 3000 учеников Школы весьма заботятся о внедрении в население хозяйственных привычек (industrial training).

VI.

В связи со школами, но в значительной степени благодаря личной энергии инспектора школ д-ра Шельдона Джексона, была создана новая отрасль туземного хозяйства, оленеводство. Начавшись со ввоза на Аляску в 90-х годах прошлого века по 1000 г. оленей ежегодно, опыт закончился к 1920 г. тем, что здесь расплодилось стадо, точная численность которого неизвестна, но предполагается в 300-400.000 г. Оленьи табуны вначале разводились при миссиях, но сейчас оленеводство находится частью в руках туземцев (на это хозяйство перешли более 1000 эскимосских семей), частью стало выгодным объектом частной промышленности.*)

Этим замечательным делом начался ряд аналогичных мероприятий, направленных не только к эксплоатации существующих ценностей, но и к созданию новых. С одной стороны, издаются законы, охраняющие ту или другую отрасль народного хозяйства от истощения; с другой, устраиваются reservations, запретные территории, где охраняются те или другие рессурсы живой природы.

Охотничий закон 1908 г. установил для Аляски платные билеты (кроме туземцев), запретные созоны, несколько

---

*) Seymour Hadwen and Lawrence Palmer, *Reindeer in Alaska*, washington, 1922, p, 2.

резерватов, норму добычи, запрещение вывоза. В частности, резерваты установлены для бобров (о. Afognak), оленей (о. Лаврентия), лосей (Frc island, Cook inlet), котиков (Прибыловы о - ва). Песцовый питомник на Прибыловых о - вах относится к тому же типу мероприятий. Дальше идет fox farming, разведение лисиц в неволе, новое хозяйство, начинающее делать успехи на Аляске.

Такая же охранительная и созидательная работа проведена в рыбопромышленности. Общие нормы для нее установлены законом 1908 г.; еще до его издания, по инициативе самих рыбопромышленников, была проявлена забота об увеличении рыболовных рессурсов в виде создания рыборазводных заводов (hatcheries), которые уже в это время стали работать обширно и серьезно: выпуск мальков был 104.000.000 (1905) 174.000.000 (1907), 200.000.000 (1909).

Подобная деятельность правительства на Камчатке, хотя и поздней, но началась. Что касается частной инициативы, то ее здесь не было никогда вследствие косности среды, которая могла бы ее проявить (пушнинники, рыбопромышленники).

Пример Аляски весьма поучителен, но это не значит, что он рекомендуется, как образец для подражания. Тут есть две стороны. Эксплоатация рессурсов страны до крайнего предела вовсе не есть идеал хозяйства, как это было на Аляске. Но в этом нам, по несчастью, можно не учиться, здесь Камчатка обогнала Аляску: на нашем севере русские пушнинники и японские рыбопромышленники распорядились так искусно, что один промысел истощен совершенно, а другой близок к тому же. Но на Аляске, кроме истощения богатств, применяются также меры к их сохранению (и с успехом): у нас же об этом давно (но безплодно) ... говорят.

С другой стороны, будущее русского севера, несомненно, связано с развитием местной золотопромышленности, для чего тут, если уж не говорить о средствах, нет опыта; в этом отношении русский берег стоит ближе к американскому, чем к золотоносным районам Восточной Сибири, и опыт соседа надо использовать.

Но, может быть, не очень уж это нужно для самого

края и его жителей, как порой возражают защитники туземцев. В этом отношении (со ссылкой на отрицательное влияние) можно указать на ту же Аляску. Это возражение—глубоко теоретическое, не считающееся ни с колониальной политикой, ни с историей страны. Горные богатства азиатского северо-востока, в частности золото, не есть местное, туземное достояние, а общегосударственное, и Россия, понесшая в течение трехсот лет много жертв для освоения и устроения своей северо-восточной окрайны, делала это не для того только, чтобы в неприкосновенности сохранять здесь туземцев для изучения их этнографами.

Горный промысел—в ином положении, чем пушной: жизнь туземцев никак не зависит от первого, но весьма зависит от второго, и всякий нажим на него сильно отражается на них. Наоборот, туземцы, живущие около приисков, даже извлекают отсюда некоторую пользу для себя.

Глава VIII.

Колониальная система на севере.

I.

Хотя термином „колония“ пользуется всякий и каждый, а значение колоний для европейских государств есть общепризнанная истина, содержание этого понятия, при том как раз с точки зрения отношения колонии к метрополии, различно трактуется исследователями колониальных проблем.*)

Одни считают характерным для колонии ее заморское положение по отношению к материнской стране, другие подчеркивают ее подчиненое положение относительно метрополии. То и другое несущественно для колонии. Если колонии считать заморскими территориями, то Россию придется признать, в явном противоречии с ее историей, неколониальной страной; между тем Сибирь и сейчас представляет собой настоящую русскую колонию, хотя и непрерывно связанную с территорией государства. Степени зависимости колонии от метрополии весьма различны: нет ничего общего между отношением туземцев Голландской Индии и граждан Канады, первых к Голландии, а вторых к Англии. Признак, варьирующий между чуть не деспотическим управлением и самостоятельным государственными бытием, не может определять сущность колонии.

Колония, конечно,—соотносительное понятие с таковым же метрополии. Но важно не то, как колония отделена от материнской страны пространственно, и не то, насколько она зависит от последней политически, важно целевое назначение колонии относительно метрополии: колония служит для размещения избытка населения государства или предоставляет в его распоряжение недостающие естественные рессурсы. Целями колонии определяются их

---

*) Об определении, классификации, целях колоний и колониальном управлении см. A. Girault, *Principes de colonisation et de legislation coloniale*, V. I, introduction, Paris, 1927.

основные типы: надо различать колонии для заселения (colonies d'enpeuplement) и колонии для эксплоатации (colonies d'exploitation). Применительно к установленным понятиям, Камчатка оказывается русской колонией на северо-востоке Азии, колонией с весьма характерной физиономией, отличающей ее от остальной Сибири: это — настоящая заморская, чисто эксплоатиционная колония.

Колониальные приобретения европейских государств вызывались развитием внешней торговли: поиски пути в Индию заставили выйти в XV в. за пределы Средиземного моря и пуститься в Атлантический океан в неизвестных западном и южном направлениях. Торговые фактории в Африке и Азии, вот что составляло смысл существования колонии. Как осуществлялась эта потребность, вызванная мощным торговым движением экономически передовых стран Европы, зависело от характера деятелей эпохи, и правильно говорит Фишер, историк открытий, что путь в Индию открыли искатели приключений, полные романтического стремления в легендарные страны Востока, что, конечно, не исключало реальной жажды наживы.*) Элемент авантюризма способствовал вовлечению в колониальные завоевания и стран относительно отсталых, как Испания.

Московское царство в его стремлении „За Камень" (за Урал) шло в ногу с упомянутым торговым движением: разница была только в объектах торговли—там искали золота, здесь пушнины, ценностей, вводивших их обладателей в оборот европейской торговли; а туман романтики обволокивал Север такими же легендами, как Восток. Мотивы колониального завоевания на Камчатке выступили, может быть, ярче, где-либо в Сибири. Здесь искали не только обильной пушной добычи, но и необычайных, сказочных зверей; а эти поиски отдаленных островов, заброшенных в Ледовитом океане или в Беринговом море, разве они вызывались только жаждой прибыли, так часто приносившей ее искателям разочарование, а порой смерть? Русских Дежнева и Атласова, безумно смелого мореплавателя (первый) и удачливого искусного полководца (второй), можно без преувеличения сравнить с Пизарро и Кортесом.

---

*) Борецкий - Бергфельд, *Колониальная история западно-европейских континентальных стран*, Петербург, 1912, стр. 12.

Не касаясь пока сущности колониальной деятельности европейских государств, следует отметить одно внешнее обстоятельство, весьма для нее характерное, а по мнению некоторых экономистов, даже неотделимое от колониальной политики. Большинство колоний в начале были эксплоатационными в самом широком смысле: естественные богатства и культурное достояние колонизованной страны (где оно, как в Мексико и Перу, было) не только безпощадно эксплоатировались, но и варварски расхищались; объектом эксплоатации было само население, безжалостно уничтожаемое или обращаемое в рабство. Времена менялись, нравы становились мягче, но насилие, хотя и в иных формах, сохранялось, как неотъемлемая часть колониальной системы, которая без них утратила бы свой капиталистический смысл, как утверждает Гильфердинг в „Финансовом капитале.“ Можно сомневаться в применимости этой формулы ко всем без исключения колониям во все времена; но русский Северь представляет яркий пример, подтверждающий сказанное во всех сферах его жизни: казацкое завоевание, самодурство администрации, притеснение туземцев—отличительные черты сибирской истории, проявившиеся на крайнем северо - востоке, может быть, сильней, чем где бы ни было. Безнадежный и порой мрачный характер северного управления вызывался 1 (отдаленностью его от каких - либо административных центров, которые могли осуществлять кое - какой контроль над русскими колонизаторами, 2) слабостью и разрозненностью туземного населения, которое не могло давать никакого отпора угнетению завоевателей. Естественно, что казаки распоясались здесь, как нигде, исключая разве Аляску. А что касается хищничества администрации, то оно благополучно сохранилось здесь до наших дней в формах, от которых уже успела отвыкнуть остальная Сибирь.

II.

Насилие, столь характерное для русской деятельности на северо - востоке Азии, не исключает однако целевой установки в истории также этой окрайны, на которую правительство смотрело, как на колонию, порой преувеличивая ее возможности, и предъявляло к ней соответственные (или несоответственные) запросы.

Какие же были эти намерения русской колониальной политики?*) Очень долго, до XIX ст., на Сибирь смотрели только как на эксплоатационную колонию: в XVII ст. московское правительство искало здесь ценной пушнины, составлявшей, как известно, „золотой фонд" Москвы при сношениях с Западом; в XVIII ст. петербургское правительство, начиная с Петра В., стало лихорадочно заботиться о насаждении недостающей собственной промышленности, и Сибирь от Урала и восточней, сразу привлекла внимание Петра, как „золотое дно" в подлинном смысле слова: горные разработки Забайкалья начались именно в это время.

Лишь в XIX ст. возникает новый взгляд на Сибирь, ее начинают ценить, как колонизационный фонд, могущий прокормить избыток русского земледельческого населения. Идея земледельческой колонизации Сибири не была нова: крестьян переселяли сюда уже при Михаиле Федоровиче. Но цель этого заселения была иная, чем теперь: надо было иметь собственный хлеб в Сибири, чтобы прокормить ратных людей, работавших тут на государеву (и свою, конечно) казну. Способ такой колонизации был обычный — прибор, т. е. отправление по неволе. Ожидать мощного развития такой „пашни" не приходилось, и сибирское население не расло. В XVIII ст. к прибору прибавилась ссылка, забросившая в Сибирь немало невольных переселенцев из иностранцев - шведов, французов, поляков и политических и уголовных ссыльных из русских. Идея использования Сибири, как колонии для заселения, таким образом осуществилась в искаженной форме (впрочем, это не специально русская черта: то же делали англичане в Австралии еще в XIX в.). Такая колонизация имела весьма важное влияние на характер местного населения, но, разумеется, еще не обращала Сибири в подлинную „colonie d'enpeuplement; она стала принимать характер таковой когда ее начали заселять организованно и систематически, переводя казаков из других войск и устраивая тут новые войска, а также направляя и поддерживая поток крестьянских пе-

---

*) О периодах колонизации Сибири см. С. В. Бахрушин. *Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX в.* Очерки по истории колонизации Севера и Сибири, Петроград, 1922, стр. 20—40.

Дальний Восток, в силу своего географического положения, запаздывал в своем историческом развитии, но проходил те же периоды, что остальная Сибирь; кроме того, со времени Нерчинского трактата до времен Муравьева, т. е. больше, чем на столетие, часть освоенной было русскими окрайны ушла под китайское влияние. Поэтому русское Приамурье и тяготеющее к нему Охотское побережье все XVIII ст. оставались страной туземцев, уплачивающих казне ясак пушниной. Золотопромышленность проникла в Приамурье в следующем столетии и уже к его середине достигла широкого развития, по размерам и приемам деятельности здешних золотопромышленных компаний. Приамурье, как земледельческая колония, было открыто совсем недавно, когда к концу прошлого столетия, благодаря „отводам" ген. Духовского, а позже деятельности переселенческого управления стало заселяться Приморье. Поток переселенцев на Д. В. начал расти и выражался в последние перед войной годы в тысячах душ ежегодно, достигнув наивысшего напряжения в цыфре 50.000 переселенцев. Война, а позже революция остановили это движение.

Северо-восток, в результате сходных причин, отстал еще более: он был пушной колонией до нашего времени, и революция ни в чем не изменила положения. Горная промышленность, в частности, золотопромышленность, для развития которой здесь имеются все данные, находится в самом зародыше, и не пользуется поныне ни покровительством ни вниманием правительства, считающего осью местного хозяйства рыбопромышленность. Наоборот, земледелие, опыты скотором начались давно, как бы с целью нагнать опоздание в колониальном развитии севера, и сейчас связывается с затеями камчатской колонизации.

Между тем нет никаких оснований ожидать, что колонизация Камчатки пойдет каким-то особо благоприятным путем, неизвестным в колониальной истории других стран, в частности Сибири. Наоборот, географические свойства Камчатки, ее историческое прошлое создают целый ряд обстоятельств, которые будут весьма тормозить здешнюю колонизацию.

III.

Несомненно, северо-восток Азии никогда не станет переселенческой колонией. Даже в предвидении тех миграций, которые могут последовать после заката Европы, о котором так красноречиво говорят пессимисты современной цивилизации (Шпенглер), на земле останутся места, которые должны быть обозначены надписью: для европейцев непригодны; это центральная Африка, тропическая Америка на юге; таково же положение в обширной северной зоне, окаймляющей американское и азиатское побережье Ледовитого океана, и Камчатка, если не вся, то доброй частью входит в эту негостеприимную полосу. Целый ряд препятствий: суровая и продолжительная зима, отсутствие растительной и животной пищи мешает сколько нибудь широкому заселению Чукотско-Анадырской тундры и подобных ей районов, какова бы ни была энергия колонизаторов.

Поучительный пример представляют американцы, очень быстро заселившие „далекий Запад“ с его непроходимыми лесами, но споткнувшиеся на заселении тундры еще более далекого севера, Аляски. Несмотря на все ее богатства, число белых поселенцев за все время колонизации не удалось поднять выше 30.000 ч., цыфра, значительная по сравнению с русским населением соседней Камчатки, но показывающая в то же время тот скромный предел, который ставится для заселения этих сходных стран (при нынешнем состоянии промышленности на Аляске ее можно считать насыщенной переселенцами).

Северо-восток Азии никак не есть переселенческая российская колония, природой ей суждено остаться колонией эксплоатационной. При рассмотрении отраслей северного хозяйства можно было видеть однако, что его старинная основа, пушной промысел, находится в состоянии несомненного упадка, вызванного естественным истощением природных богатств, и во всяком случае играет подчиненную роль в народном хозяйстве.

Также и земледелие, которое долго и безуспешно насаждалось на Камчатке, имеет по физическим условиям страны весьма ограниченные шансы на свое развитие: район

их цыфра, намеченная в свое время адм. Завойко, 1000 семейств и есть предельная для данных обстоятельств, почти вдвое увеличивающая население района.

Сейчас однако общие условия для такого переселения гораздо менее благоприятны, чем прежде, когда север не знал промышленного рыболовства. При дальности нашего переселенческого района, необходимости начинать с расчистки тайги, отсутствии на месте сельско-хозяйственного инвентаря, земледельческая колонизация долины р. Камчатки либо потребует значительной правительственной субсидии переселенцам (большей против норм Д. В.), либо бросит их на голод в тайгу. Впрочем, долго голодать они не будут и поскорей перейдут на рыболовство. Они сделали бы это, даже обладая сколько-нибудь стоющим сельским хозяйством, ибо рыболовство и легче и прибыльней.

Совершенно естественно, что туземным рыболовством в Охотско-Камчатском крае заменяется туземный пушной промысел: в хозяйство страны входит новый элемент, но ставить его в основу здешней колонизации невозможно, несмотря на то что сейчас местное рыболовство составляет главную отрасль промышленности, заметную и в общероссийском масштабе. Важно не то, что рыболовные запасы истощаются очень скоро, если средства лова оказываются достаточно совершенными, важно, что камчатское рыболовство изъято из-под русского контроля, не создает национальной промышленности, и при неблагоприятном случае не избавляет даже население от голодовки.

IV.

Можно и должно развивать на северо-востоке национальную рыбопромышленность; но его настоящее колониальное значение лежит в эксплоатации того, что пока скрыто в недрах, горных богатств, золота.

В своем месте было сказано, на чем основана благоприятная оценка будущей золотопромышленности на севере и отмечено, что первые шаги, в этом направлении сделанные (Охотск), подтвердили правильность высказанных предположений. Развитие горной промышленности есть один из лучших способов хозяйства в чисто эксплоатационной колонии, лишенной сельскохозяйственных возможностей.

В то время как пушная торговля лишь извлекает из колонии ценное сырье, соединяясь при том с эксплоатацией населения, что обычно происходит в ранний период жизни колоний, горная промышленность делает шаг вперед, вовлекая колонию в промышленный оборот метрополии и используя богатства природы, а не работу и простоту туземного населения. Насаждение горной промышленности требует затраты значительных капиталов, которые даются метрополией, составляя то, что называется „emigration des capitaux," явление, отчасти заменяющее эмиграцию населения.*)

Капитал вообще находит больше прибыли в колониальной промышленности, а помещение его в золотопромышленность выгодно вдвойне, так как дает предпринимателю товар особого рода, составляющий основу государственной валюты. Если бы даже золотопромышленность не давала особо высокого $^0/_0$ прибыли, всякое государство должно было бы ее поддерживать; однако малая рентабельность русской золотопромышленности ($5-8^0/_0$ в мирное время) вовсе не есть какое-то незыблемое свойство этого хозяйства, это только следствие технической отсталости русской золотопромышленности. Ее интенсификация (мощная драга, в замен старательской лопаты) изменит положение в более благоприятную сторону, а богатое содержание золота в россыпях Охотска и Чукотки сделают золотопромышленность этих районов не только достаточно рентабельной, но возможно, даже могущей вызвать некоторый ажиогаж.

„Золотая лихорадка" сопутствует открытию богатых россыпей и началу их разработки: моментально создаются населенные центры среди безлюдной тундры, вокруг них расцветает торговля, тысячи людей тянутся к этим источникам „легкого" обогащения, приисковые резиденции связываются с административными и торговыми пунктами страны при помощи колесных и рельсовых дорог. Край, тяготеющий ко вновь открытым россыпям, мгновенно пробуждается

---

*) О значении „эмиграции капиталов" для метрополии и колоний см. Paul Leroy-Beaulieu, *De la colonisation chezles peuples modernes*, t. II, Paris, 1902, p. 512-518.

к новой жизни. Ни дальность страны ни суровость обстановки не служат препятствием для экономического прогресса золотоносных центров. Недавнее открытие Томмотских приисков в системе Алдана дает яркую картину золотой лихорадки.

Эмиграция капиталов, помещаемых в золотопромышленность, становится энергичным фактором колонизации, к обоюдной выгоде и метрополии и колонии. В этом процессе есть и теневая сторона: промышленные предприятия в колониях легко создаются, но легко и распадаются. Экономическая жизнь в колониях протекает весьма оживленно, но ей недостает прочной базы, кризисы здесь более часты, чем в метрополии. С другой стороны, самое существо золотопромышленности, неразрывно связанной с риском, способствует тому, что на ряду с легким обогащением предпринимателей ей свойственны и частые их банкротства. Лихорадочный темп колониального хозяйства—неизбежное явление, неизбежны и его зловредные последствия; их однако можно регулировать правильной организацией промышленного кредита, а в золотопромышленности, кроме того, улучшением техники, в частности правильной постановкой горноразведочного дела.

Колониальное хозяйство требует мощного капитала и широкого кредита; то и другое в русских условиях отсутствует, и поэтому предоставление крупных концессий организациям предпринимателей неизбежна в колониальном хозяйстве, по крайней мере в ближайший период, если иметь в виду северо - восток и местную золотопромышленность.*) Всякого рода „стоверстные полосы“ должны отойти здесь в область прошлого, и полицейские соображения не должны останавливать притока рабочих. Не следует стеснять концессионеров высоким обложением ввозимых для приискового населения товаров, и надо совершенно освободить от пошлин ввозимое техническое имущество.

Но одно ограничение желательно сохранить: концессионеры не должны избегать пользования русскими рабочими, кадр которых, при нынешнем застое горнопромыш-

---

*) Ср. А. Иоффе. *Наша концессионная политика на Д. В.* Северная Азия, кн. V - VI, Москва, 1926, стр. 9 - 23.

ленности, имеется на Д. В. Эта мера необходима, коль скоро не предполагается создавать на русском севере американскую территорию, ибо ясно, что концессионный капитал прибудет с этой стороны. Несомненно также, что отсюда же последует прилив рабочих, чему было бы неразумно мешать. Но было бы безмысленно отказаться от укрепления завязи русского владычества на отдаленной окрайне.

V.

Как колония, обладающая ценным сырьем (пушнина) и непроизводящим населением, северо-восток Азии еще долго будет жить импортной торговлей, которая в силу ряда обстоятельств (близость американского материка, приспособленность американского товара к нуждам местного потребления) будет торговлей преимущественно заграничной. Опыт колониальных стран, хотя бы испанских владений Южной Америки, показывает весь вред, проистекающий отсюда для экономического развития заморских колоний. Запрет внешней торговли разоряет еще не окрепшую, требующую дешевого импорта колонию, и вызывая недовольство населения, часто создает нежелательные для государственного единства конфликты с метрополией.*) Такое столкновение привело в свое время к отпадению от Англии ее американских колоний.

Если однако колония требует больших издержек, что именно оказывается в случае Камчатки, государство, для покрытия издержек колониального строительства, может обложить, как рекомендует Леруа-Болье, заграничный импорт легкой дифференциальной пошлиной (10-15°/₀ ценности товаров) в наиболее трудный для метрополии период развития колонии.**)

Из ограничений внешней торговли одно сохраняет значение и поныне, особенно в колонии, столь мало связанной с остальной страной, как русский северо-восток: ограничение иностранного каботажа; нельзя допускать, чтобы жители колонии совершенно отвыкали от присутствия

---

*) Борецкий-Бергфельд, цит. соч. стр. 9-23.

**) Leroy-Beaulieu, op. cit. p. 541.

государственного флага, хотя и внешнего, но заметного признака государственного суверенитета.

Как известно, в те времена, когда торговля была единственным способом эксплоатации колоний, она передавалась большей частью в руки торговых компаний, наделенных монопольными правами и административными полномочиями. Такова была Российско-Американская компания, осуществлявшая свои права на Камчатке и Аляске с большой невыгодой для населения до середины прошлого века. Злоупотребления подобных компаний слишком известны, чтобы можно было говорить о возможности такой организации колониальной торговли. В свое время, именно когда правительство не имело средств для устройства колонии, а население ее было совершенно дико, такая форма колониального хозяйства, по мнению Леруа-Болье,*) имела свое оправдание, но не сейчас, и поэтому попытка привлечения к эксплоатации русского северо-востока на началах монополии (пушной), хотя, разумеется, без административных прав, старой колониальной организации, Hudson Bay Company, было напрасным возвратом к этой плохо прославленной системе хозяйства.

VI.

Один из труднейших вопросов управления на севере есть, конечно, туземный; при численном господстве туземного населения над русским и коренном отличии первого от последнего, не приходится думать о применении к тем и другим одинакового порядка. Туземное управление здесь не должно быть чисто административной функцией власти, тем более, направленной, как встарь, на выколачивание ясака, оно должно охватывать весь быт туземца и стремиться к его улучшению. Вряд ли можно серьезно защищать мысль о полном невмешательстве культурного государства в быт туземца. Туземное общество не археологический музей, который можно сохранять среди идущей по пути прогресса колонии, это живая часть колонии, полное развитие которой немыслимо без ее (туземной группы) участия. „Полное воздержание,“ говорит Леруа-Болье, „если бы оно

*) Leroy-Beaulieu, op. cit. p. 663.

продолжалось безконечно, было бы противно самой цели колонизации.“*)

Итак, необходимо не только улучшение быта туземца, но также изменение его понятий, привычек, без чего он не в состоянии угнаться за темпом экономического развития своей родины. В этом отношени весьма поучителен пример камчатского промышленного рыболовства, которое, несмотря на весь свой расцвет, очень мало отражается на таком же хозяйстве самого туземца: его рыболовство остается по старому примитивным и в конце концов не предохраняет его от голода. Связь между успехами колонизации и улучшением быта туземцев во всех отношениях давно осознана нашими соседями.

Конечно, перевоспитание туземца дело нелегкое, требующее жизни нескольких поколений, может быть, целого столетия (при безтолковости просветителей оно может тянуться, как было на Камчатке, два - три столетия); быстрые перемены тут невозможны, да и ненужны. Улучшение материального быта необходимо в первую очередь, и оно осуществимо легче, чем что - либо другое. Наоборот, общественные отношения с трудом поддаются ломке, да это и излишне, так как под большим сомнением находится, где они справедливей, у нас или у туземцев. Поэтому туземцы безусловно должны управляться выборным начальством и судиться своими судьями, в чем, впрочем, русское правительство им никогда не отказывало. Русская администрация должна сохранять, во - первых, общее руководство над туземным управлением, во - вторых, право вмешательства в те проявления их быта, которые стоят в резком моральном противоречии с современной культурой, как напр. еще практикующийся в глухих углах Чукотско - Анадырского края обычай убивать престарелых родителей. Необходимо, след., с большой осторожностью выделить ту область общественных отношений, которую можно предоставить исключительному ведению самих туземцев и не забыть при этом о культурных задачах современного государства.

Школе в особенности предстоит поработать над туземным населением: до сих пор душа северного туземца

---

*) Leroy - Beaulieu, op. cit. p. 651.

была очень мало затронута каким-либо влиянием с этой стороны. Некоторое затруднение может вызвать вопрос о языке школы; школа руссификаторская и школа туземная одинаково неподходящи на севере: первая достаточно показала свою безплодность в течение двух веков, вторая, при том культурном уровне, на котором стоят палеазиатские племена, была бы не фактором колонизации, а ее отрицанием. Школа должна научить туземца русскому языку, как мощному средству, при помощи которого он может приобщиться к современной культуре, дать учащемуся тщательно подобранный комплекс знаний общего характера, благодаря чему он выйдет из свойственного ему состояния психической изолированности, и в особенности снабдить учащегося, в зависимости от различий туземного хозяйства, техническими навыками.

Идея создания „культурных баз" среди туземного населения как нельзя более соответствует изложенным принципам и приемам управления, или лучше сказать, воспитания туземцев. Устройство их в бухтах Ольской, Корфовской (или Гижигинской) и Уэленской, как центрам, к которым тяготеют основные группы северо-восточного населения: тунгусы, коряки, чукчи, географически вполне правильно.

VII.

Камчатка во все времена служила некоторым бременем для государства, принужденного оплачивать исключительно за счет своего казначейства издержки по содержанию здешней администрации, иногда очень разроставшейся, не говоря уже о громадных расходах на устройство порта, на посылку экспедиций и т. под. Естественно, что с революцией возник вопрос о существовании камчатского управления за счет местных средств, но все поиски их оказались тщетными: оно и сейчас живет за счет государственного бюджета. Между тем этот вопрос—принципиальный. Можно ли содержать колонию за счет ее собственных средств? Колония, подобно северо-восточной окрайне, служащая источником сырья (пушнина, рыба) дает косвенным образом доход государству, порой немалый, и нет нужды гнаться за прямым обложением населения, психологии которого такая фор-

ма налога ненавистна по воспоминаниям об ясаке; между тем и сейчас, за отсутствием в стране денег, здесь возможно только взимание налога натурой, с целым рядом злоупотреблений в результате.

Правильная колониальная политика рекомендует отказаться от прямого обложения туземцев. Возместить же свои местные издержки государство может косвенным обложением ввозимых морем товаров, что согласуется и с принципами колониальной торговли. В данном случае, как раз изобилие сырья на севере способствует тому, что ввозная пошлина на заграничные товары не будет, понятно, установленная в разумных пределах, обременительной.

Оборона колонии, конечно, требует некоторых расходов со стороны государства, которое само заинтересовано в сохранении своей территории от посягательств. Огромная площадь и морская граница Камчатки делают тут оборону исключительно силой оружия недостигающей цели: гораздо важней укрепить психологическую связь местного населения с метрополией, и тогда оно само встанет на защиту колониальных интересов последней. Исторические воспоминания показывают, что такая помощь была неоцененна для государства; именно благодаря ей, а не морским русским силам, собранным в б. Аваче, удалось отразить нападение англо-французского флота на Петропавловск в 1855 г.

Однако было бы безполезно сформирование тут какой-нибудь туземной милиции: каждый туземец привык обращаться с оружием; такая милиция могла бы даже быть вредна, как опора сепаратистских стремлений, если бы они возникли. Для колониальной службы наиболее пригодно войско из хорошо оплачиваемых добровольцев, но такая организация противоречит традиционной организации русской военной службы; на Камчатке достаточно содержать небольшой отряд, больше для охраны порядка, чем в целях обороны; состав его должен быть таков, чтобы он мог послужить кадром для туземных формирований на случай войны.

Колониальному управлению на севере приходится работать в весьма сложной экономической и этнической обстановке; подбор колониальной администрации должен быть очень тщательный; старшие агенты должны обладать достаточной теоретической подготовкой, которая помогла бы

им разобраться в сложных экономических, социальных и финансовых вопросах колониального управления; желательно также, чтобы они знали несколько ту географическую и этнографическую среду, в которой им придется действовать.

В Германии для этой цели был основан колониальный институт, в России подобные знания давали коммерческие (теперь географический) институты.

Теоретической подготовке колониальной администрации должны сопутствовать ее моральные качества: нужно, чтобы она состояла из людей, могущих найти равнодействующую между притязаниями и интересами иностранцев, русских и туземцев, людей честных, добросовестных и способных интересоваться новой и странной им средой. Нет надобности говорить, что такой администрации русский север никогда не знал. Такая администрация была бы идеальной, и можно только приблизиться к ней больше или меньше; к сожалению, сейчас она состоит из людей, не только совершенно далеких от упомянутых требований, но как-будто специально отсортированных по признакам невежества и неспособности.

Каков бы ни был подбор колониальной администрации, необходимо, чтобы в центре и обществе не ослабевал интерес к колониальным проблемам, чтобы оттуда шло руководство переселенческим потоком в колонии, чтобы там намечалась финансово-экономическая политика относительно колоний, необходимо, след. министерство колоний, в России отсутствовавшее и отчасти заменявшееся переселенческим управлением. Создание колонизационного управления Д. В. облегчает эту задачу, существенную не только для северо-востока, но и для всего Приамурья.

В виду явной непригодности существующего на севере управления для его новых задач, можно до переустройства его на новых началах передать часть его функций органам колонизационного и туземного управления (культурные базы) в зависимости, с какой группой местного населения приходится иметь дело. Задачи администрации свелись бы к охране порядка и благочиния, что сильно сократило бы ее обременительный аппарат.

VIII.

При рассмотрении принципов и методов колониального

хозяйства и администрации применительно к северо-востоку предполагались несомненными важность и полезность российской колонизации в экономическом и культурном отношении (в том числе и для самых колоний). Этот взгляд, хотя и немногими, оспаривается, почему нелишне остановиться на возражениях подобного рода.

Можно сомневаться, прежде всего, что громадные пространства русского северо-востока с их климатическими и флористическими особенностями пригодны для колонизации вообще: так думали еще недавно немецкий ученый Юлий Вольф и русский А. А. Кауфман, распространявшие свой пессимизм на всю Сибирь.*) Переселенческое движение истекшего двадцатипятилетия рассеяло эти чрезмерные опасения, и даже крайний север не остался чужд бощему оживлению Сибири.

Говорят далее, что русская колонизация бедна средствами и основана на дурной традиции русского правительства (Леруа-Болье.**). В наше время однако рушатся, казалось бы, самые стойкие традиции; что касается средств, то страны с такими рессурсами, как азиатский север, сами могут дать нужные средства.

Колонизация русского северо-востока встречает возражения со стороны неотложных нужд Европ. России и интересов населения колонизуемых районов (Гинс)***). Эти возражения не лишены оснований, но азиатский север и тут оказывается в благоприятном положении, как снабжающий русский рынок дешевым пищевым продуктом.

Колонизация же северо-востока на основе развития золотопромышленности, никак не сталкивается с интересами туземного населения.

---

*) Leroy-Beaulieu, op. cit. p. 449, рассмотрев эти мнения, не соглашается с ними и полагает, что Сибирь имеет все шансы на колонизацию; к концу ттолетия она будет располагать 30 мил. жителей, а через 3-4 века 100 мил.

**) Еще дальше идет немецкий историк Шефер, *История колоний*, Песербург, 1913, стр. 9, который прямо признает развитие русского колониального могущества „неблаготворным для человечества."

***) Гинс. *Вопросы колонизации Азиатской России*. Сборник „Вопросы колонизации," № 11, Петербург, 1912 стр. 16.

Summary.

I. The North-East of Asia is especially famous for its fur trade; its inhabitants were rich hunters, when the Russians came, and so they remain till now. Indeed, at present, hunting is not so profitable as before, when 50,000 sables were got in Kamchatka, and still, with its sables, foxes, otters, it is the leading province in Siberia. This exhaustion of the northern animal kingdom is due to the improvement of technique (fire arms), but much more to the lack of hunting laws as to forbidden seasons, forbidden areas etc. Fire arms are not so plenty here, and many primitive weapons still exist, especially in fox hunting. Some limitations are recognized, however, by the population itself, which now understands that, without hunting more economically, it undermines own prosperity. In this respect, there is a difference between native and Russian hunters, the former being more cautious, the latter more greedy. The booty of a hunter is estimated on p. 10; it must be confronted with low prices which are paid to him for it and make his income poor enough.

Here is another side of the problem: conditions of the fur trade always were such as to make it a synonym of squeeze. The government trade has now supplanted the private one, and still, not for the benefit of the natives, because the bureaucratic machinery, which was created for it, is too expensive and burdensome. It is true, however, anecdotic sales of old days, particularly illegal traffic in alcohol, which always stigmatized northern commerce, have now disappeared.

Even at present, the total production of northern hunting is considerable; figures for different objects and districts are given on page 14. However, it is a dying industry, and no prohibition measures can support it; when sable hunting was completely forbidden for three years'period (1913-1916), this measure did not prove very efficient. A new „hunting capital" must be created; we shall return to this question later.

Sea mammals in the North are even more abundant than land animals; there are whales (*Mystacoceti* and *Odontoceti*), and walruses in the Bering Sea, several kinds of seals everywhere. Whale hunting is a capitalistic industry, still promising, walrus hunting, which was practised by the natives too energetically, is in a decline, and only seals are as plenty as before; it is a native industry supplying the population with skins, meat and, oil (for lighting, too). Weapons used by hunters are primitive—nets or clubs, rarely a gun; even a walrus, in spite of its huge size, may be slaughtered with clubs, when the animal is resting on the ice. Sea hunting, though commercially very important in native economy, is not very profitable; it would become an industry valuable for the market if its various products were better worked.

Reindeer breeding is in the same situation. The reindeer has exactly the same significance for the Koriaks as the seal for the Chukchee; everything which is wanted for their living, is given by reindeers: meat, skins for the dress, even a stuff for dwelling (skins specially smoked). Kamchatka is the biggest reindeer breeding country in the world (8,000,000 animals), many of the Koriaks having a herd of several thousands. The minimal care is given to the herd: no more than to find a food for it (moss); in case of a reindeer disease, the Koriaks are helpless. In spite of the enormous stock of local reindeers, this northern industry, as sea hunting, too, is not very valuable commercially, and for the same reason: its manufacturing is not perfect; figures for both are given on p.p. 28 (sea hunting) and 38 (reindeer breeding).

II. Another industry of the North-East, more recent but far more developed than hunting, is fishing, particularly salmon fishing (*Salmo Oncorrynhus*), though other fish, such as herring and cod, and crustaceans as crabs, are also catched here. Northern waters are exceedingly rich in fish, and this was already noticed by first Russian conquerors; but capitalistic fishing sprang out only after the Russo - Japanese War and especially developed since the World War. Whatever enormous are these resources, this industry seems to have been stabilized without prospects of a further growth, and even a decline is possible (statistics on p. p. 46, 47). Formerly, the richest area was East Kamchatka's coast, now the Okhotsk

coast. A curious feature of northern fishing must be noted: local dogs are fed with fish, and 8,000,000 fish are thus consumed a year.

All fishing area is divided into quite a number of „lots" which are rented by Japanese, and partly Russian, tenants (sea and river fisheries, respectively). Sometimes local people catch fish and then sell to a fishery-owner for salting, sometimes either is done by the fishery-owner's workmen (mostly in sea fisheries). Sometimes fish is salted only (and caviar is produced, too), sometimes canned; large canneries are in operating here – it is an advanced industry, one can see. Whatever may be the technical standard of a fishery, big or small, all its equipment: salt, boats, nets, lumber must be, and was, until recently, imported from Japan. The fishery owners, both Russian and Japanese, are allowed to import some merchandises which they need to buy fish from the native population.

One must distinguish several types of northern fishermen: a native worker who is satisfied with his 2—3,000 fish catched in summer, a Russian, who wants, and is able by himself, to get twice more (for market, not only domestic, purposes); then, Russian and Japanese enterprisers come, and just on them northern fishing depends. The Russians are mostly small producers (figures on p. 59), the Japanese belong to middle capitalists. There are also some big concerns operating here, those of the Soviet government and Japanese private fisheries. Thus, fishing in the North East is rather a small industry by itself, but big capital, indeed, Japanese, is involved in it. It is controlled by several fishing syndicates, which, in their turn, are subsidized by Japanese banking corporations. The total production of this industry is estimated at 30,000,000 yens, and the total capital involved may be as 200,000,000.

Northern fishing industry depends entirely on Japan: capital and workers are supplied by her, and the main market for it was presented by Japan; only recently the Russian market has been opened to it. Such conditions were very favourable for the Russian dealers in fishing, when prices were high (in the post - War time); but when a depression affected Japan, their net profit became very meagre, not

to speak of their pitiful role as mere Japanese agents, when they had not own capital; with the coming of the Soviets and a heavy taxation imposed on the private industry, they can hardly cover their expenses and earn for their subsistence, and many of them were ruined.

Naturally, there exists a whole set of regulations issued by the Russian government to prevent the exhaustion of fishing resources in the North as to the size of nets, forbidden areas and periods, ratio of the yield. All of them did not prove very efficient; another solution is necessary: to create new resources by fish breeding (in a simplified way invented by Russian ichtiologists), and this is being done now. As to any reorganization of this industry as a whole, it does not depend on Russia in view of Japan's treaty rights in Russian waters.

III. The North - East has another industry, now being in its very beginning, but very promising in the future: mining industry, especially gold mining. Mineral resources in which this country abounds are stilll hidden here; but gold was already explored in Chukotka and on the Okhotsk coast by geologists and prospectors, Chukotka's exploration conducted by authoritative geologists as Bogdanovich, Tolmachev, Polevoy, at least, furnished with reliable data on gold bearing areas here; results of gold prospecting in Okhotsk enabled to proceed to the work immediately, and gold mining was started here as early as in 1915.

In Okhotsk, geological conditions, it is true, are not such as to make this work easy: gold is found in alluvial drifts which are very deep; but it is so „rich", sometimes having several gold bearing strata, that all difficulties are largely compensated. Some mining enterprises were established, run by Russian and foreign capitalists; there main force was not machinery, however, but individual *staratel* working with most primitive means and at his own risk. In spite of such a character of this industry, which developed, besides, under hard climatic conditions, it could yield as 250 kgrs. of gold a year; revolutionary events destroyed capitalistic mining at Okhotsk; however, it still continues, anyhow, operated by „*straatels*".

Chukotka is even more promising: its geological struc-

ture is similar to that of the Seward Peninsula in Alaska, and gold bearing beaches, like those at Nome, probably, exist here. With the decline of gold mining which seems to near at Nome, the Russian North must become very attractive to American miners, who, on their part, can bring here not only their machinery, but experience, too.

Of other valuable minerals, the North - East has silver ores (connected with lead and zinc), graphite, sulfur, some precious stones, and platinum, which was recently discovered. Deposits of excellent coal, just on the surface, are of great importance for the northern navigation. Here only the Far North is spoken of; but Kamchatka itself is not devoid of mineral resources, too. Oil was discovered there, with high percentage of kerosine (78%), and similarly to the Sakhalin Island, oil fields may be found in Kamchatka. Then, as a volcanic country, it has many mineral springs; their mineralization is not considerable, but temperature is very high: 45–100° C. Some of them are well known to, and used by, local people to cure their diseases.

IV. There is one more industry which exists in the North-East and is unique in the world: it is fur trade of the Commander Islands. In consequence of the isolated position and humid climate of these islands, rare sea mammals can survive here, such as the sea otter and the fur seal, and foxes living here have a special „blue" fur. The Commander Islands, since they were discovered by Bering in 1741, were exploited by Russian traders most energetically; as result, their resources decreased to such an extent that there can be obtained only some tens of sea otters and some hundreds of fur seals at present, not to speak of some species which are completely extinct, like huge sea cows. Fur seal hunting is especially suggestive in this respect: this valuable sea mammal was slaughtered by American and Japanese hunters most mercilessly; at present, this industry is protected by a special convention concluded by Russia, America (to whom these resources belong), Canada, and Japan (who are interested in these resources). It is a pity only that it is too late: now, many thousands yield of this industry declined to several thousands a year (p. 111).

Still the future of the Commander Islands is promising

enough, in connection with artificial breeding of blue foxes living here in natural conditions, and such a work is already started. Similar experiments, but with sables, hae been made on islands of the Okhotsk sea. „Fox farming", which is flourishing in Canada, has yet more opportunities in islands of the Russian North. The Commander Islands are also interesting from ethnographical point of view: the Aleuts, a small tribe estimated at 400 men, are in charge of all local industries; they were organized long since as a community subjected to a strong discipline and entirely supported by the Government.

V. With three leading industries, hunting, fishing, mining, industrial opportunities of the North-East are closed. It is not an agricultural country (and never was), except Kamchatka's Valley, where, owing to mild climate, there is some chance for it; conditions are somewhat better for cattle breeding, and the country breeds a special kind of horses and cows adapted to northern conditions. Kamchatka's not very enviable speciality is dog breeding; in winter, and somewhere even in summer, there are no other means of communications but dog-driving; there are more than 30,000 dogs here, and an enormous quantity of fish is needed to maintain such an industry. Finally, though Kamchatka is a forest country, these forests have only little industrial value.

VI. One could see above that the North Pacific, being a polar basin, does not afford much opportunity for the navigation: floating ice-fields in spring, short summer period, stormy weather in autumn are obstacles to it. Thus, it cannot be profitable, though it is necessary, and it was subsidized by the Government, which organized several lines connecting the North-East with Vladivostok. In this respect, this borderland is more connected with foreign countries than with Russia: hundreds of Japanese vessels visit it in summer, and there is some communication with Alaska, too.

The North Pacific is famous in history of discoveries: governments and travellers were, and still are, searching for the North-Eastern Passage across the Arctic; the greatest importance of such a passage if possible is evident. Many expeditions tried to solve the problem; to tell more recent

ones, names of Vilkitsky and Amundsen must be mentioned. As to sailings from Vladivostok to the rivers Kolyma or Lena, they were successfully accomplished by the regular service of the Volunteer Fleet, without an expeditonary equipment. As northern rivers, being mountain streams, are slightly, or entirely not, navigable, local people abstain from travelling in summer as much as possible; thus, the snow *tundra* remains the sole road in the North, and dog-driving is the sole means of communication. A sledge driven by a dozen of dogs can carry a driver (*Kaiur*), a passenger and some cargo, and runs very fast, covering 100 kms. a day as an average.

VII. It may be interesting to compare the Russian North with a neighbouring country, which was some time under Russia's domination, now belongs to America; it is Alaska. Physical conditions in either country are identical, and industrial resources are similar, with a distinction, however, in favour of Alaska, which seems to have been richer. One must say „to have been", for large resources of Alaska are nearing exhaustion, while riches of the Russian North are still waiting for a rational exploitation.

Alaska, discovered by a Russian merchant, Shelekhov, in 1781, became the first Russian colony exploited on a large scale; the Russo-American Company was established for this purpose, and it managed Alaska until it was conceded to America in 1857. It was a monopolistic organization, and its main basis was fur trade; a typical „privileged company" it exercised the government power, too, and flourished especially in the beginning of the XIXth century, under the able Governor Baranov. The Americans who continued fur trade soon exhausted its possibilities, and the country seemed no more than a "huge refrigerator;" but it was actually not so. Gold mining was started here, and prosperous period opened; later, salmon fishing was organized, and canning industry largely developed. The yield of either industry was enormous (p. p. 166,167,) the pressure on these resources was too heavy, and marks of their exhaustion are obvious. Gold mining is maintained on the present levell only by means of unusually high technique, and hatcheries are organized to preserve fishing resources. This country thus presents twofold interest

as compared with the Russian North: negative (consequences of not - economical exploitation of natural resources in existence) and positive (how to create new natural resources, such as fox farming, fish hatcheries).

VIII. Now, let us formulate some conclusions as to Russia's colonial policy in the North - East. Indeed, it is not only a remote borderland of Russia, but a true overseas colony practically disconnected from the rest of Russia. Aims which were pursued by Russia's colonial policy in Siberia were only partly realized here; moreover, a question arises whether they can materialize at all. There are two kinds of colonies, which French economists call „colonies d'exploitation" and „colonies d'enpeuplement"; what is the North - East, in particular Kamchatka?

Difficult communications, hard climate, poor soil make it an exploitation colony now as before; but what to exploit here when some resources are exhausted, other are nearing it? Only mining, particularly gold mining, remains as the sole means to make the country self - supported, without the detriment to the Government's treasury as now. However, capital, labour, experience are lacking here, and they can be delivered only from abroad. In a country which is already influenced by foreign neighbours, Japan and America, economically and culturally, liberal colonial policy is delicate matter, inteed; but whatever may be, an absolute prohibition is absoludely useless here, too; it may not be enforced, moreover, for many reasons: boundaries of the Russian North are too extended to protect it from the foreign penetration, while forces which are at Russia's disposal here are near to naught; then, the supply of the local population almost entirely depends on foreign importations, and cutting it would raise a discontent of this population, a serious matter in a colonial country; finally, some privileges, those of the Japanese, are guaranteed by treaties, which, evidently, may not be abrogated. Under such conditions, the penetration of foreign capital to the Russian North is unavoidable, and colonial policy only possible here is to regulate it for public ends, taking into consideration interests of the native population (in general) and the Russian labour (in mining).

ОХОТСКО-КАМЧАТСКИЙ КРАЙ

Указатель.

Опечатки

Ранее чтения книги, просьба исправить следующие более существенные опечатки.

Стр. 1. строка 2 св. взеря вм. зверя,
Стр. 7. строка 17 сн. увелчилиось вм. увеличилось,
Стр. 14. строка 16 сн. соотношеие вм. соотношение,
Стр. 16. строка 7 св. 14 вм. 13,
Стр. 20. строка 6 сн. благооплучия вм, благополучия,
Стр. 21. строка 12 сн. елки вм. если,
Стр. 24. строка 18 сн. Камчатско вм. Камчатского,
Стр. 34. строка 4 св. главный вм. главной,
Стр. 52. строка 15 сн. продукты вм. продукт,
Стр. 61. примечание, данны вм. данным,
Стр. 68. строка 13 сн. цеане вм. цене,
Стр. 71. строка 6 св. усилонии вм. усилении,
Стр. 73. строка 13 сн. вопредприятии вм. предприятий,
Стр. 81. строка 4 сн. несколконаи вм. несколько,
Стр, 91. строка 5 св. присобление вм. приспособление,
Стр. 94. строка 7 св. слупку вм. скупку,
Стр, 95. строка 5 св. поданными вм. подданными,
Стр, 97. строка 16 св. Seuwrd вм. Seward,
Стр, 102. строка 13 сн. ченные вм. ценные,
Стр, 111. строка 10 сн. про вм. пор,
Стр, 122. строка 15 сн. остовраки вм. островами,
Стр. 124. строка 10 св. быль вм. быть.
Стр. 130. строка 1 сн. кутульар вм. культура.
Стр. 135. строка 10 св. кастрнрованным вм. кастрированным,
Стр. 136. строка 2 сн. природоные удбства. вм. природные удобства
Стр. 140. строка 11 сн. экспорта вм. экспортера,
Стр. 152. строка 12 св. по вм. но,
Стр. 161. примечание, anp вм. and
Стр. 172. строка 3 св. Fre вм. Fire,
Стр. 173. строка 6 сн. этиографами вм. этнографами,
Стр. 177. строка 1 сн. пе вм. переселенцев,
Стр. 180. строка 1 св. пропущено р. Камчатки и,
Стр. 189. строка 15 св. бощему вм. общему.

